

НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЯ І АСВЕТНАЯ УСТАНОВА КУЛЬТУРЫ
«НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК»

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ
(ПА ВЫНІКАХ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЙ РАБОТЫ
СУПРАЦОЎНІКАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА Ў 2021 г.)

Полацк, 23 лютага 2022 года

НАВУКОВАЕ ЭЛЕКТРОННАЕ ВЫДАННЕ

Гродна
ГрГУ імя Янкі Купалы
2024

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Беи)я43

М35

Выдаецца па рашэнні Навукова-метадычнай рады
навукова-даследчай і асветнай установы культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

Укладальнік:

намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

Навуковы рэдактар:

кандыдат культуралогіі *Т. А. Джумантаева*

Тэхнічнае рэдагаванне і вёрстка *В. У. Гаўрылава*

Камп'ютарны дызайн: *навукова-інфармацыйны аддзел*

Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Сборник входит в Российский индекс научного цитирования

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2021 г.) [Электронны рэсурс] / Нац. Полац. гіст.-культур. музей-запаведнік ; уклад. Т. У. Явіч ; навук. рэд. Т. А. Джумантаева. — Аб'ём электрон. дан. 6,96 Мбайт. — 14,0 улік.-выд. л. — 134 с. — Гродна : ГрДУ, 2024. — 1 электрон. апт. дыск (CD-ROM). — Тыраж 10 экз. — Заказ 04.

ISBN 978-985-582-600-3

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024>

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы музейнай дзейнасці. Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культурологам.

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Беи)я43

В сборнике представлены статьи участников конференции, в которых нашли отражение вопросы истории и культуры Полотчины, актуальные проблемы музейной деятельности. Издание адресуется музейным специалистам, историкам, культурологам.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/261 ад 02.04.2014.

Вул. Ажэшкі, д. 22, 230023, Гродна, Рэспубліка Беларусь.
Тел. 8(0152) 55 67 42, факс 8(0152) 73 19 10, www.grsu.by

ISBN 978-985-582-600-3

© Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік», 2024
© Афармленне. Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Янкі Купалы», 2024

ЗМЕСТ

Авчинникова Ю. А.

Застройка исторического центра г. Полоцка в первой половине 20-х гг. XX в. по материалам муниципализации жилого фонда (ул. Надвинская, ул. Задвинская, ул. Интернациональная, ул. Гоголевская, ул. Старовокзальная).....	4
--	---

Бараненко Т. В.

Строчевышитые изделия Полоцкой фабрики художественных изделий (1960–2012 гг.): производство, ассортимент, потребление.....	12
--	----

Бортнік І. А.

Фарміраванне ідэй народнага суверэнітэту ў грамадска-палітычнай думцы Вялікага Княства Літоўскага канца XVI – пачатку XVII стст.	17
---	----

Воднева И. П.

Особенности развития Полоцкого завода стекловолокна во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг.	27
--	----

Гриб Е. П.

История Полоцкого рыбного завода в 1944–1964 гг.	37
---	----

Кашкур Дз. А.

Кніжныя зборы музеяў Рэспублікі Беларусь: агляд буйнейшых калекцый.....	44
---	----

Козел А. В.

Калекцыя ручнікоў у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Гістарыяграфія, аб'ём, склад, структура каталога.....	50
---	----

Копыл С. П.

Имена и память. Страницы Холокоста в городе Полоцке в годы нацистской оккупации.....	55
--	----

Костюкевич А. А.

Творческий путь Виктора Шилко.....	69
------------------------------------	----

Магалінскі І. У.

Крыжападобная падвеска «скандынаўскага» тыпу з даследаванняў 2020 г. на Верхнім замку Полацка.....	74
--	----

Машнюк Г. А.

Эвакуация детей Дома ребёнка имени К. Н. Самойловой в июне 1941 года.....	77
---	----

Рудаков П. С.

Деятельность инженерно-технического отдела Белорусского штаба партизанского движения в 1943–1944 гг.	84
---	----

Смирнова Т. Р.

Формы организации работы с детьми младшего дошкольного возраста (3–4-х лет) с использованием музейной педагогической технологии.....	95
--	----

Соловьёв А. А.

Итоги археологических исследований в районе дома № 13 по ул. Зелёной в г. Полоцке.....	102
--	-----

Сыревич И. В.

Детский городок имени Ленина в Быковщине, бывшем имении Козелл-Поклевских: история создания и становления (1920–1930-е гг.).....	110
--	-----

Трыгорлава Л. Б.

Дзейнасць органаў улады па аднаўленні і развіцці кінасеткі на Полаччыне ў 1944–1954 гг.	119
--	-----

Філімонава В. А.

Польскамоўныя выданні міжваеннага перыяду ў фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Агляд калекцыі.....	127
---	-----

Шкляр П. А.

Развитие льноводческой отрасли в Полоцком округе в 1924–1938 гг.	131
---	-----

Ю. А. Авчинникова

**ЗАСТРОЙКА ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА г. ПОЛОЦКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х гг. XX в.
ПО МАТЕРИАЛАМ МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА
(ул. НАДВИНСКАЯ, ул. ЗАДВИНСКАЯ, ул. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ,
ул. ГОГОЛЕВСКАЯ, ул. СТАРОВОКЗАЛЬНАЯ)***

Одним из немногочисленных источников, отражающих градостроительную ситуацию, сложившуюся в г. Полоцке в 20–30-е гг. XX в., являются отчётные документы коммунального отдела Полоцкого уездного исполнительного комитета, составленные в ходе реализации мероприятий советского правительства по муниципализации жилого фонда. Анализ муниципализированных объектов застройки по ул. Надвинской, ул. Задвинской, ул. Интернациональной, ул. Гоголевской и ул. Старовокзальной представлен в данной статье.

Ключевые слова: Полоцк, 20–30-е гг. XX в., муниципализация, городская застройка, градостроительная ситуация, здания, дома.

В первой половине 1920-х гг. улицы Надвинская, Задвинская, Интернациональная, Гоголевская и Старовокзальная входили в планировочную структуру уличной сети центральной части города, пролегавшей перпендикулярно реке Западной Двине в направлении с севера на юг.

Согласно данным отчётных списков муниципализации жилого фонда по ул. Надвинской (в 1938 г. переименована в ул. Энгельса), ул. Задвинской (с 1938 г. — ул. Свердлова) [16], ул. Интернациональной (до 7 декабря 1919 г. именовалось ул. Еврейской) [9], ул. Гоголевской (до 1923 г. — ул. Вокзальная, с 1946 г. — ул. Гоголя) [10; 7], ул. Старовокзальной (с 1936 г. — ул. Пушкинская, с 1946 г. — ул. Пушкина) [15; 7] в 1923–1924 гг. было национализировано 29 домов [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454].

В числе муниципализированных объектов застройки указанных улиц преобладали каменные 1-, 2-этажные дома, число деревянных строений в списках незначительно. Площадь домов, поступивших в управление коммунального отдела Полоцкого уездного исполнительного комитета, варьировалась от 31,8 м² до 302,8 м², средний показатель составлял около 135 м² [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454].

Особую группу муниципализированных зданий в границах кварталов рассматриваемых улиц составляли каменные и деревянные торговые корпуса Нижнего базара (7 единиц), территория которого была ограничена участками улиц Ленинской, Троицкой, Задвинской и Интернациональной (район современных домов № 32 по проспекту Ф. Скорины и № 34 по ул. Гоголя).

Муниципализированные корпуса Нижнего базара представляли собой достаточно крупные, преимущественно каменные строения (площадью от 104 до 180 м²), разделённые на небольшие торговые помещения (лавки). Здания корпусов включали в среднем от 22 до 15 лавок [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454]. По воспоминаниям краеведа И. П. Дейниса, в начале XX в. на Нижнем базаре торговали «...мясом, салом, рыбой, дичью, грибами, ягодами, картошкой, фруктами, кадками, горошком...» [1, с. 19].

Наиболее значимым объектом в границах торгового квартала Нижнего базара являлось здание единоверческой церкви Сошествия Святого Духа, южный фасад храма был ориентирован на рыночную площадь.

Каменный однефный крестово-купольный храм был возведён в период с 1854 по 1860 г., придя на смену обветшалой деревянной молельне полоцких старообрядцев-единоверцев. Проект строительства Высочайше утверждён в январе 1854 г. [11].

Достаточно крупных размеров церковное здание было перекрыто по продольной оси двускатной крышей, основной объём венчал купол, установленный на высоком барабане. Входная часть храма была акцентирована высокой башней-колокольней с шатровым завершением; со стороны южного и северного фасадов, в выступах трансепта, имелись дополнительные дверные проёмы. В оформлении окон и дверей церкви использовались декоративные элементы псевдорусского стиля [5, с. 107–108]. Здание Свято-Духова храма было серьёзно повреждено в годы Великой Отечественной войны, в полуразрушенном состоянии оно находи-

*Начало см. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў НППГМЗ у 2017 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск : Медысонт, 2019. — 212 с.

лось до конца 1940-х гг., а к началу 1950-х гг. руины церкви были окончательно разобраны. В 1950-х гг. на месте бывшего единоверческого храма было построено трёхэтажное здание городского почтамта (современный дом № 32 по проспекту Ф. Скорины).

В числе каменных зданий по **ул. Надвинской**, вошедших в перечень муниципализированных, можно отметить:

- дом № 4 — двухэтажный каменный дом с каменным амбаром. Согласно данным списков муниципализации жилого фонда здание изначально принадлежало наследникам Ивана Ивановича Шпакова — представителя одного из крупных полоцких купеческих семейств. Указанный дом предположительно находился на участке ул. Надвинской (современной ул. Энгельса) между существующим домом № 3 по ул. Энгельса и трассой ул. Троцкого (южная сторона современного проспекта Ф. Скорины). Дом № 4 по ул. Надвинской мог входить в комплекс каменных двухэтажных зданий по ул. Троцкого (современные дома № 18–20 по проспекту Ф. Скорины), также принадлежавших в первой половине XX в. купцам Шпаковым. В 1924 г. дом № 4 по ул. Надвинской был отведён под частное жильё [1, с. 25; 12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454];
- дом № 7 — двухэтажное каменное здание. В начале 20-х гг. XX в. здесь располагалось Бюро юстиции при исполнительном комитете Полоцкого уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Витебской губернии («убюст»), предположительно, это существующий жилой дом № 4 по ул. Энгельса;
- группа домов № 9, 11, 13 — одноэтажные каменные здания со встроенными лавками, которые входили в застройку торгового квартала, примыкавшего к Верхнему базару. По состоянию на 1924 г. все три указанных здания были разрушены;
- дом № 19 — крупный одноэтажный каменный дом с подвалом, согласно данным списков муниципализации в 1923–1924 гг. в здании находился Дом инвалидов, действовавший в Полоцке с 1920 г. В 1925 г. данное учреждение было реорганизовано в интернат для инвалидов с системой самообслуживания [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454].

В 1924 г. в доме № 19 по ул. Надвинской открылось Полоцкое агентство государственного банка, в штат которого входили два сотрудника: заведующий агентством и бухгалтер [6, с. 359–360].

В перечень немногочисленных зданий по **ул. Задвинской**, муниципализированных в 1923–1924 гг., были включены каменные одноэтажные дома (со встроенными торговыми помещениями), входившие в застройку торговых кварталов Верхнего и Нижнего базара — это дома № 12 (с 19 лавками), 14 (с 2 лавками), 16 (с 2 лавками). В числе национализированных деревянных одноэтажных жилых домов — дом № 17 (ранее принадлежал наследникам Израиля Копейкина — известного в начале XX в. полоцкого торговца галантерейными товарами) и дом № 27 (ранее принадлежал Готгильфу (?) Мовше Ароновичу и Готгильфу (?) Израилу Ароновичу) [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454; 14, с. 36].

По **ул. Интернациональной*** в число муниципализированных строений вошли каменные двухэтажные дома с надворными постройками (флигелями, амбарами, сараями) — № 2, 4, 5, 7. Функциональное назначение указанных зданий в списках городского коммунального хозяйства не зафиксировано, вероятно, они пополнили жилой фонд. Исключение составил дом № 5 по ул. Интернациональной, где размещался народный суд и рабочий клуб [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454].

В числе муниципализированных объектов одноэтажной деревянной жилой застройки ул. Интернациональной можно отметить дом № 17 (ранее собственником дома являлась Муся Иосифовна Дименштейн, возможно, из семьи известных полоцких владельцев меховых мануфактурных лавок начала XX в.), дом № 34 (ранее принадлежал Пятовой (?) Хане Мовшевне), дом № 43 (бывшее здание еврейской общественной богадельни) [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454; 14, с. 36]. После передачи указанных домов в управление городского коммунального хозяйства они были приспособлены под жильё для служащих.

По **ул. Гоголевской** в ведение комхоза в 1923–1924 гг. поступило шесть зданий, в их числе: два крупных двухэтажных каменных дома — № 1 (функциональное назначение объекта в списках не зафиксировано) и № 2 (здание находилось в ведении городского отдела милиции), один двухэтажный «смешанный»

*В настоящее время улица не существует, её трасса пролегла с севера на юг между современными ул. Свердлова и ул. Гоголя.

дом № 33* и три одноэтажных деревянных жилых дома (№ 4, № 40, № 62). Согласно спискам муниципализации в доме № 40 по ул. Гоголевской, ранее принадлежавшем Юлии Герасимовне (?) Лисовской, в начале 1920-х гг. располагался детский сад и Клуб железнодорожников [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454].

Формирование трассы и последующей застройки **ул. Старовокзальной** напрямую связано с развитием железнодорожного транспортного сообщения Полоцка с другими регионами Российской империи. Открытие движения на полоцком участке Риги–Орловской железной дороги в мае 1866 г., а затем по железнодорожной ветке Полоцк–Витебск в октябре того же года послужило импульсом для активного освоения северо-восточной окраины города. Здесь возводится комплекс инженерных сооружений железнодорожных путей, двухэтажное каменное здание пассажирского вокзала, а также многочисленные объекты станционной инфраструктуры: депо, пакгаузы, вагонные и дровяные сараи, водоёмные здания и др. Постепенно на прилегающих территориях формируются кварталы жилой застройки.

Связующей артерией между пристанционной частью города и правобережьем реки Западной Двины становится ул. Ново-Вокзальная. Беря начало от здания пассажирского вокзала и завершаясь вблизи храма Покрова Пресвятой Богородицы, трасса ул. Ново-Вокзальной до конца XIX в. маркировала восточную границу черты города [8, с. 755–757].

После возведения железнодорожного моста через р. Западную Двину и открытия в 1907 г. движения на участке пути Бологое–Невель–Полоцк–Седлец в двух верстах от города (территория современного микрорайона Громы) было построено новое кирпичное здание железнодорожного вокзала, именовавшегося Николаевским, а также целый комплекс сопутствующих строений новой станции Полоцк-2, обеспечивавшей движение как пассажирских, так и грузовых составов [17, с. 115–121].

Объекты железнодорожной инфраструктуры станции Полоцк-2 стали ядром формирования района Громы, задали основные направления развития планировки этой части города. Постепенно восточная граница городской застройки сместилась в район будущей ул. Артиллерийской (с 1962 г. – ул. Юбилейной). Ново-Вокзальная улица в первое десятилетие XX в. была переименована в Старовокзальную, с 1936 г. – в ул. Пушкинскую, а с 1946 г. – в ул. Пушкина [15; 7].

По состоянию на 1923–1924 гг. по **ул. Старовокзальной** в перечне муниципализированных каменных строений числилось только 3 объекта:

- дом № 6 – одноэтажный каменный дом, ранее принадлежавший бывшему Полоцкому Борисоглебскому монастырю. Следует отметить, что основная часть муниципализированных строений, относившихся к указанному монастырю (немногочисленные деревянные жилые дома и хозяйственные постройки), располагалась в районе Задвинья по ул. Борисоглебской и Борисоглебскому переулку. Каменные объекты собственно монастырского храмового комплекса XII в.: Борисоглебская церковь, храм св. Параскевии Пятницы, Большой (Успенский) собор и храм-триконх – к началу 1920-х гг. находились в руинированном состоянии и не подлежали муниципализации. Дом № 6 по ул. Старовокзальной был отведен под частное жильё [4; 12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454];
- дом № 11 – крупный одноэтажный каменный дом входил в комплекс жилых и хозяйственных построек Полоцкой старообрядческой общины, располагавшихся в непосредственной близости к старообрядческой церкви Успения Пресвятой Богородицы. Каменный храм был возведён в 1907 г. в границах квартала, образуемого современными улицами Пушкина, Юбилейной, Коммунистической, Войкова (в настоящее время район расположения ГУО «Средняя школа № 1 г. Полоцка»). Здание церкви сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны и было окончательно снесено в 50-е гг. XX в. при осуществлении работ по трассировке ул. Коммунистической в восточном направлении в соответствии с Генеральным планом реконструкции и восстановления Полоцка 1948 г. [2, с. 102; 12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454]. Дом № 11 по ул. Старовокзальной, после его изъятия из собственности старообрядческой общины и передачи в управление городского коммунального хозяйства, числился в списках муниципализации как нежилой;
- дом № 14 – одноэтажный деревянный дом, ранее принадлежавший Василию Афанасьевичу Калинин, был отведён под частное жильё [12, л. 109–109 об.; 13, л. 441–454].

*Деревянный сруб на высоком каменном цоколе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дейнис, И. П. Полоцк в XX веке, 1905–1914 / сост., предисл., примеч. А. И. Судника. — Полоцк : Полоцкое книжное изд-во, 2012. — 71 с. : ил. — (Наследие Полоцкой земли ; Вып. 15).
2. Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.) / Д. У. Дук, І. А. Марзалюк, А. А. Агароднікаў [і інш.]. — Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2019. — 132 с. : іл.
3. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс. — Мінск : Медисонт, 2007. — 330 с.
4. Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 54. Оп. 1. Д. 343. Л. 25–26.
5. Орлова, Т. А. Историческая застройка кварталов, расположенных на территории г. Полоцка, ограниченной с севера — четной стороной пр-та Франциска Скорины, с юга — ул. Нижне-Покровской, с запада — ул. Энгельса, с востока — ул. Юбилейной (по картографическим материалам середины XIX в.) / Т. А. Орлова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2015 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск : Медысонт, 2018. — С. 95–123.
6. Памяць : гіст.-дакумент. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 2002. — 912 с.
7. Полоцкий городской Совет депутатов. Полоцкий городской исполнительный комитет и его структурные подразделения // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 658. Оп. 1. Д. 24. Л. 185–189.
8. Полоцкие Епархиальные Ведомости. — 1892. — № 18. — С. 755–757.
9. Постановление Военно-революционного совета, комитета партии и уездного исполкома // Изв. Губернского совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. — 1918. — 12 дек. — № 270. — С. 3.
10. Постановления Полоцкого уездного исполнительного комитета и уездного финотдела // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Фонд 51. Оп. 1. Д. 137. Л. 16.
11. Проект на постройку каменной Единоверческой церкви в Полоцке Витебской губернии, РГИА (СПб). — Ф. 218. Оп. 4. Д. 2427. НПИКМЗ КДФ4-3971.
12. Протокол заседаний Полоцкого уездного исполнительного комитета (уисполкома), крестьянского комитета, общественной взаимопомощи (УККОВ), комиссии по организации школы крестьянской молодежи в округе, месячные отчеты по работе общего отдела уисполкома и других учреждений и организаций // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 109–109 об.
13. Протокол заседаний Полоцкого уездного исполнительного комитета (уисполкома), крестьянского комитета, общественной взаимопомощи (УККОВ), комиссии по организации школы крестьянской молодежи в округе, месячные отчеты по работе общего отдела уисполкома и других учреждений и организаций // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 441–454.
14. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года: К торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк / сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судник. — Полоцк : А. И. Судник, 2006. — 48 с. : ил.
15. Решение Президиума Полоцкого городского совета от 19.11.1936 // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 104. Оп. 1. Д. 96. Л. 690.
16. Решение Президиума Полоцкого городского совета // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 1186. Оп. 1. Д. 210. Л. 13.
17. Филиппенко, Я. Д. «Железнодорожная» архитектура Полоцка в конце XIX — начале XX вв. / Я. Д. Филиппенко // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф. к 50-лет. Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 18–19 окт. 2018 г. / Полоц. гос. ун-т ; под общ. ред. В. Е. Овсейчика (отв. ред.), Г. И. Захаркиной, Р. М. Платоновой. — Новополоцк, 2018. — С. 115–121.

Авчинникова Юлия Александровна,

магистр исторических наук,
заведующий научно-реставрационным отделом НПИКМЗ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица — Списки муниципализированных зданий и строений г. Полоцка 1923–1924 гг.*

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м)	ФИО бывшего владельца / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
1	2	3	4	5	6	7
<i>ул. Надвинская</i>						
4	2-этажный каменный дом; надворные постройки (каменный амбар)	21,80 кв. саж. / 99,2 кв. м	Наследники Шпакова Ивана Ивановича	Проживают частные жильцы	С 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
5	1-этажный каменный дом с подвалом; 1-этажный деревянный флигель	37,16 кв. саж. / 169 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
7	2-этажный каменный дом	21,80 кв. саж. / 99,2 кв. м	Убюст	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
9	1-этажный каменный дом с 1 лавкой	—	Разрушен	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
11	1-этажный каменный дом с 3 лавками	—	Разрушен	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
13	1-этажный каменный дом с 3 лавками	—	Разрушен	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
19	1-этажный каменный дом с подвалом, надворные постройки (сарай)	59,35 кв. саж. / 270,1 кв. м	Дом инвалидов	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
<i>ул. Задвинская</i>						
10	1-этажный каменный дом с подвалом и 2-этажной каменной пристройкой; 1-этажный каменный флигель	59,23 кв. саж. / 269,6 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9

*Таблица составлена по материалам Зонального государственного архива в г. Полоцке: Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 109–109 об.; Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 441–454.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
12	1-этажный каменный дом с 19 лавками	—	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
14	1-этажный каменный дом с 2 лавками	—	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
16	1-этажный каменный дом с 2 лавками	—	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
17	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	22,63 кв. саж. / 103 кв. м	Наследники Израйля Копейкина	Проживают частные жильцы	С 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
27	1-этажный деревянный дом	15,00 кв. саж. / 68,2 кв. м	Готгильф (?) Мовша Аронович, Готгильф (?) Израиль Аронович	Проживают частные жильцы	С 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
ул. Интернациональная						
2	2-этажный каменный дом с подвалом	65,43 кв. саж. / 297,8 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
4	2-этажный каменный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	66,53 кв. саж. / 302,8 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
5	2-этажный каменный дом; 2-этажный каменный флигель; надворные постройки (1-этажный каменный амбар)	59,98 кв. саж. / 273 кв. м	—	Народный суд, рабочий клуб	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
7	2-этажный каменный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки	59,36 кв. саж. / 270,2 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
17	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	21,88 кв. саж. / 99,6 кв. м	Диментштейн (?) Муся Иосифовна	Проживают служащие	С 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
34	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (дощатый сарай)	22,63 кв. саж. / 103 кв. м	Пятова (?) Хана Мовшевна	Проживают служащие	С 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
43	1-этажный деревянный дом	62,8 кв. саж. / 285,8 кв. м	Еврейская общественная богадельня	Проживают рабочие и служащие	С 1920 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
<i>ул. Гоголевская</i>						
1	2-этажный каменный дом	42,49 кв. саж. / 193,4 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
2	2-этажный каменный дом с подвалом; 1-этажный каменный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	55,34 кв. саж. / 251,9 кв. м	Гормилиция	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
4	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (сарай)	17,17 кв. саж. / 78,16 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
33	2-этажный смешанный дом; 1-этажный каменный флигель; 1-этажный деревянный флигель	35,99 кв. саж. / 163,8 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
40	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	46,44 кв. саж. / 211,4 кв. м	Лисовская Юлия Герасимовна (?)	Детский сад, клуб железно- дорожников	С 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
62	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки	17,43 кв. саж. / 79,3 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
<i>ул. Старовокзальная</i>						
6	1-этажный каменный дом	7,00 кв. саж. / 31,8 кв. м	Бывший Борисоглебский монастырь	Проживают рабочие	С 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
11	1-этажный каменный дом	39,1 кв. саж. / 177,9 кв. м	Бывшая старообрядческая община	Нежилой	С 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
14	1-этажный деревян- ный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	7,6 кв. саж. / 34,5 кв. м	Калинин Василий Афанасьевич	Проживают частные жильцы	С 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
<i>Нижний базар</i>						
	Каменный торговый корпус (первый ряд с 16 лавками)	28 кв. саж. / 127,4 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
	Каменный торговый корпус (второй ряд с 14 лавками)	25 кв. саж. / 113,8 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
	Деревянный торговый корпус (третий ряд с 13 лавками)	23 кв. саж. / 104,7 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
	Каменный торговый корпус четвертый ряд с 14 лавками)	25 кв. саж. / 113,8 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
	Каменный торговый корпус (пятый ряд с 22 лавками)	39,6 кв. саж. / 180,2 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
	Деревянный торговый корпус (шестой ряд с 20 лавками)	36 кв. саж. / 163,8 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
	Каменный торговый корпус (седьмой ряд с 6 лавками)	10,8 кв. саж. / 49,1 кв. м	—	—	С 1918 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
<i>Угол ул. Надвинской, ул. Советской, ул. Карла Маркса</i>						
	1-этажный каменный дом с 26 лавками	—	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
<i>Угол ул. Советской, ул. К. Маркса, ул. Гоголевской</i>						
40	2-этажный каменный дом; 1-этажный деревянный флигель; 2-этажный каменный флигель; 1-этажный каменный флигель	69,6 кв. саж. / 316,8 кв. м 15,8 кв. саж. / 71,9 кв. м 10,4 кв. саж. / 47,3 кв. м 14,41 кв. саж. / 65,5 кв. м	Городская управа	Милиция	С 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бывший владелец отсутствует)
<i>Угол ул. К. Маркса и ул. Боровой</i>						
41	1-этажный деревянный дом с подвалом; 1-этажный деревянный флигель	35,48 кв. саж. / 161,5 кв. м	—	—	С 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9

Т. В. Бараненко

СТРОЧЕВЫШИТЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПОЛОЦКОЙ ФАБРИКИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ (1960–2012 гг.): ПРОИЗВОДСТВО, АССОРТИМЕНТ, ПОТРЕБЛЕНИЕ

Внимание уделено строчевышитым изделиям Полоцкой фабрики художественных изделий. Детально описываются и раскрываются некоторые особенности в производстве, ассортименте и потреблении рассматриваемого вида изделий фабрики.

Ключевые слова: строчевышитые изделия, художественные изделия, фабрика, вышивка, Полоцк.

В 1960 г. в Полоцке на базе действующей артели «Красная вышивальщица» (организована в 1945 г.) создаётся новое предприятие – Полоцкая фабрика художественных изделий (с 1996 г. по 2012 г. – Полоцкая фабрика художественных изделий «София») [22, л. 3]. Как и у артели, целью реорганизованного предприятия был пошив товаров лёгкой промышленности для нужд советского потребителя. Одними из разновидностей таких товаров являлись строчевышитые изделия.

Строчевышитые изделия – это декоративные и носильные вещи с машинной или ручной вышивкой. Для изготовления строчевышитых изделий на отрезки ткани наносится вышивка, затем эти отрезки раскраиваются и из них шьют изделия.

К ассортименту строчевышитых изделий относятся:

- 1) столовое бельё – скатерти, салфетки, дорожки, полотенца, наподносники, сухарницы, подстаканники и др.;
- 2) постельное бельё – пододеяльники, покрывала, наволочки, накладки на подушки, подзоры;
- 3) декоративные изделия – портьеры, ламбрекены, шторы, занавески, наволочки на диванные подушки, накомодники, настенные коврики и др.;
- 4) носильное бельё и платье – мужские верхние сорочки (украинские, гуцульские, косоворотки и др.), женские и детские сорочки, женские и детские блузки и платья и т. п.;
- 5) платочные изделия – головные и носовые платки [23].

Следуя традициям белорусского народного искусства, понимая и изучая современные направления моды и разнообразие стилей, художники Полоцкой фабрики художественных изделий «София» решали задачи по созданию ассортимента строчевышитых изделий [4, с. 63; 16; 17].

Для изготовления строчевышитых изделий на фабрике использовали ткани различных видов: шерсть, шёлк (женские и детские платья, блузы), лён (столовое и постельное бельё, платья), хлопчатобумажные ткани – бязь, ситец, сатин (женские и детские платья, блузы, ночные сорочки), фланель (халаты), мадаполам (блузы). Непосредственно для вышивки использовали шёлковые нитки, мулине, редко – бисер [9; 10; 11; 12; 14].

Ткань и фурнитура для изготовления строчевышитых изделий использовались отечественного производства. Так, в частности, в 1990–2000-х гг. фабрика тесно сотрудничала с РУПТП «Оршанский льнокомбинат»: «<...> делали на Оршанском льнокомбинате, на оршанском стопроцентном льне <...> И вот тогда мы приехали на Оршанский льнокомбинат к генеральному директору с нашим директором и под тот цвет мы заказали определённую колористику откаты, открасить <...> Мы напрямую работали с отделом маркетинга Оршанского льнокомбината. Я когда приезжала отгружать ткани на склады, я так открываю (дверь. – Авт.) „О, Полоцк!“» [8].

Уже с самого начала работы фабрики процесс вышивки на строчевышитых изделиях осуществлялся как вручную, так и посредством машинной вышивки [21, л. 9].

Среди технологий ручной вышивки наибольшее значение мастерами фабрики уделялось вышивке крестом, гладью, тамбурной вышивке. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. на фабрике появляется ещё одна техника вышивки – хардангер, которая быстро приобрела популярность при декорировании текстильной продукции фабрики.

Среди техник машинной вышивки, которыми декорировались текстильные изделия, преобладали гладь, ришелье, различные украшающие швы (бисерный шов, шов «козлик» и др.) [9; 10; 11; 12; 14].

Следует отметить, что в первые десятилетия работы фабрики в технологии изготовления вышивки главный акцент ставился на ручную вышивку. С течением времени, когда появились новые, более усовершенствованные вышивальные машины, на предприятии наметился значительный рост строчевышитых изделий, украшенных машинной вышивкой. Так, в пояснительной записке за 1979 г. указывается, что «участок машинной вышивки оснащён универсальными машинами 22 кл и 1022 кл» [20, л. 17]. Уже в 1980 г. для корректной работы и проведения ремонтных работ вышивальных машин на предприятии функционировал отдельный пульт управления машинной вышивкой [1, л. 5, 13] (рис. 1).

Рисунок 1 — На участке вышивки. Фотография из альбома Полоцкой фабрики художественных изделий к 35-летию со дня основания фабрики. 1980 г. [1]

Наличие вышивальных машин вышеупомянутых классов уже 1990-е гг. подтверждает Е. Л. Кацуро, мастер лозоплетения, художник-конструктор ФХИ «София» в 1992–2012 гг.: «Третий этаж был вышивкой занят. Там стояли машины 1022 класса» [7]. Стоит отметить, что швейные машины названных классов характеризовались своей надёжностью и универсальностью, а по определённым параметрам не уступают и сегодня современным образцам вышивальной техники.

Как отмечает Л. И. Козлова, инженер-конструктор, ведущий художник ФХИ «София» в 1992–2007 гг.: «Уже на тот момент, 90-е гг., сами понимаете, какое это время было, как раз „в шуфлядку“ задвигали ручную, по технологической загрузке она считалась как бы дорогая, потому что это часы, вышивальщица, мастерство, счёт ниточек по ткани, по нити утка, по нити основы, и она трудозатраты ставила естественно в часах серьёзные <...> очень дорогая, как и сейчас...» [8].

С образованием фабрики среди организационных вопросов, вопросов производства, дальнейшего развития, встал вопрос качества выпускаемой строчевышитой продукции. В адрес предприятия поступали письма потребителей и торговых предприятий о некачественном товаре: «...в Минском универмаге „Белунивермага“ в процессе реализации выявлена одна блузка..., имеющая производственные дефекты» (1962 г.) [18, л. 63].

Исходя из вышеуказанного, строчевышитые изделия Полоцкой фабрики художественных изделий стали проходить тщательный контроль качества. На 1964 г. главным инженером фабрики был составлен список мероприятий по выполнению постановления Главбытмествпрома, согласно которому надлежало:

«...9. Обязать тов. Часную установить строгий контроль за качеством раскроя, виновных в выпуске брака привлекать к ответственности...»

14. Не пускать в производство изделия с плохим художественным оформлением.

15. Провести собрание с рабочими по качеству продукции, – до 20 мая 1964 г.

16. Установить межоперационный контроль в цеху пошива и вышивки» [13, л. 3].

Итогом предпринятых руководством фабрики контрольных мер стало участие полоцкого предприятия в 1966 г. во Всесоюзной выставке сувениров и подарочных товаров, которая открылась на ВДНХ СССР (г. Москва). Фабрика на выставке представляла два полотенца, декорированных ручной вышивкой [19, л. 23].

В пояснительной записке за 1979 г. также отмечается достаточно серьёзный контроль качества выпускаемой продукции на предприятии: «Работает постоянно действующая комиссия по качеству, 16 постов общественных контролёров в количестве 16 человек. Внутрифабричная аттестация изделий и узлов проводится регулярно в соответствии с графиком, утверждённым гл. инженером фабрики» [20, л. 18].

Рассмотренные выше действия руководства предприятия по усилению контроля качества продукции позволили фабрике выйти на качественно новый уровень производства строчевышитых изделий, что, в свою очередь, способствовало участию изделий полоцкого предприятия в аттестации на Государственный знак качества СССР. Так, в 1979 г. 7 строчевышитых изделий фабрики стали выпускаться с Государственным знаком качества СССР [20, л. 18].

В 1990–2000-е гг. качество строчевышитой продукции Полоцкой фабрики художественных изделий высоко ценилось как на отечественном, так и на зарубежном рынке. Рынками сбыта стали страны ближнего и дальнего зарубежья, в частности, доля экспорта приходилась на город-побратим Полоцка – Фридрихсхафен (Германия) [14; 15].

Вот как описывается коллекция блуз Полоцкой фабрики художественных изделий в рекламном каталоге «Белая магия» за 1994 г., изданном на русском, немецком и английском языках: «Свежесть хлопка и льна, изощрённая фантазия художников-модельеров и тепло рук народных мастеров сотворили это чудо. В них органично сочетаются чистота линий Софии Полоцкой и спокойная красота белорусской земли. Украшенные разноцветной или белоснежной ажурной вышивкой, плетёными кружевами они подчеркнут прелесть любой женщины. Разнообразие моделей, их богатая стилистика и оригинальная отделка позволят каждой из вас найти именно ту вещь, которая соответствует вашей индивидуальности» [14, с. 3] (рис. 2).

Каждое выпущенное фабрикой изделие для поступления в реализацию сопровождалось фирменной этикеткой. На ней, как правило, для потребителя указывалась следующая информация: полное название предприятия-изготовителя, его адрес и логотип, наименование, номер рисунка, артикул ткани, размер, сорт, цена [2].

Поступали строчевышитые изделия Полоцкой фабрики художественных изделий в розничную торговую сеть магазинов БССР, часть шла на экспорт [14; 15]. Следует отметить, что Полоцкая фабрика художественных изделий в 1990-х гг. открыла свой собственный фирменный магазин, который размещался по адресу: г. Полоцк, ул. Пушкина, 1 [5].

Жители Полоцка как потенциальные потребители отмечали, что в магазине был представлен хороший ассортимент строчевышитых изделий фабрики: столовое и постельное бельё, носильное бельё и платья (блузки, платья, халаты). Из последнего потребители отмечают скромный ассортимент мужской одежды, зачастую ограничивающийся представленными в магазине мужскими рубашками: «Из мужского я помню только лён, вот рубашки льняные» [5]. На неширокое представление мужского ассортимента указывает и малочисленная или даже вовсе отсутствующая информация о нём в рекламных каталогах продукции фабрики [9; 10; 11; 12; 15] (рис. 3).

Посетители фирменного магазина Полоцкой фабрики художественных изделий отмечают, что продукция фабрики с качественной стороны не вызывала нареканий и соответствовала соотношению «цена – качество» [6].

Рисунок 2 — Обложка каталога «Белая магия».
Коллекция блуз Полоцкой фабрики
художественных изделий. С текстом
на русском, немецком и английском языках.
1994 г. [10]

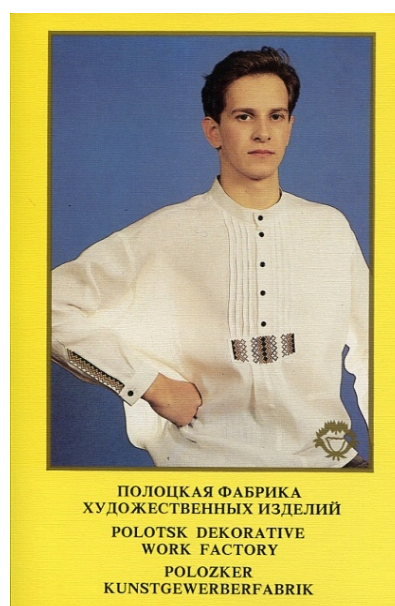

Рисунок 3 — Листовка рекламная
«Полоцкая фабрика художественных
изделий». № 3. Мужская сорочка из
льняной ткани. Вышивка ручная — «крест».
Нитки мулине. Республика Беларусь.
1991–1996 гг. [11]

Таким образом, строчевышитые изделия во все времена являлись популярным товаром потребления. Первостепенную роль при создании строчевышитых изделий играл производственный коллектив Полоцкой фабрики художественных изделий, который на протяжении более чем полувековой своей истории отвечал за их востребованность на рынках сбыта. На производстве внедрялись новые технологии в пошиве строчевышитых изделий, изделия проходили тщательный мониторинг контроля качества, что позволило предприятию получить известность как на внутреннем, так и на внешних рынках сбыта. Конечный потребитель высоко оценивал качество строчевышитых изделий фабрики.

Таблица 1 — Наличие строчевышитых изделий Полоцкой фабрики художественных изделий
(с 1996 г. — ФХИ «София») (1960–2012 гг.) в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (на 01.01.2022)

Вид	Наименование	Количество единиц хранения	Год выпуска	Книга поступлений
Столовое бельё	салфетка	2	1984	КП-201201 КП-201202
Постельное бельё	наволочка	1	1981	КП-201013/2
Декоративные изделия	панно	3	1979–1980 1997	КП-100411 КП-016042 КП-016043
Носильное бельё и платье	блуза	4	1989 1993–1994	КП-004496 КП-004497 КП-004498 КП-049226
	платье	1	1995	КП-038917/А-Б
Платочные изделия	—	0	—	—

Вместе с этим, в ассортименте строчевышитых изделий Полоцкой фабрики художественных изделий покупатели отмечали значительный недостаток мужских изделий. Причина этого, вероятно, кроется в мар-

кетинговой стратегии предприятия, его специализации, рассчитанной, в большинстве своём, на потребителя женского пола.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альбом Полоцкой фабрики художественных изделий к 35-летию со дня основания фабрики // Архив производственного цеха «София» г. Полоцка Государственного производственно-торгового объединения «Белхудожпромислы» Управления делами Президента Республики Беларусь. — 1980. — 18 л.
2. Образцы-эталоны продукции Полоцкой фабрики художественных изделий на 1990–2007 гг. // Архив производственного цеха «София» г. Полоцка Государственного производственно-торгового объединения «Белхудожпромислы» Управления делами Президента Республики Беларусь.
3. Белхудожпромислы. О компании [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://suvenir.by/about/o-kompanii/>. — Дата доступа: 24.07.2021.
4. Белхудожпромислы: государственный концерн : каталог изделий / сост. И. И. Павлова. — Минск : Спектрдиалог, 1999. — 82 с.
5. Записано Бараненко Т. В. в 2021 г. от Буйловой Светланы Михайловны, 1962 г. р., г. Полоцк.
6. Записано Бараненко Т. В. в 2021 г. от Водневой Ирины Петровны, 1973 г. р., г. Полоцк.
7. Записано Бараненко Т. В. в 2021 г. от Кацуро Елены Леонидовны (с 1992 г. по 2012 г. — мастер лозаплетения, художник-конструктор ФХИ «София»), г. Полоцк.
8. Записано Бараненко Т. В. в 2021 г. от Козловой Ларисы Ивановны (с 15.06.1992 по 02.05.2007 — инженер-конструктор, ведущий художник ФХИ «София»), г. Полоцк.
9. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). — Ф. 2183. Оп. 4. Д. 38. Коллекция строчевышитых изделий на 1993 г.
10. ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 4. Д. 14а. Коллекция изделий фабрики за 1989 г.
11. ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 4. Д. 28а. Коллекция изделий фабрики за 1990 г.
12. ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 24. Альбомы образцов ручной и машинной вышивки и других изделий.
13. Мероприятия по выполнению постановления Главбывтместпрома на 1964 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.
14. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (НПИКМЗ). — КП23-48332. — Каталог «Белая магия». Коллекция блуз Полоцкой фабрики художественных изделий. — Минск : Тип. изд-ва «Белорусский Дом печати», 1994. — 16 с.
15. НПИКМЗ. — КП15-14038 — КП-15 14053. — Листовки рекламные «Полоцкая фабрика художественных изделий». № 1, 3–5, 9, 10, 12–20. Республика Беларусь. 1991–1996 гг.
16. НПИКМЗ. — КП23-48343. — Альбом. Каталог образцов вышивки, разработанных художниками Полоцкой фабрики художественных изделий «София» для украшения текстильных изделий. — Полоцк, 2005. — 25 л.
17. НПИКМЗ. — КП23-48344. — Альбом. Каталог образцов вышивки, разработанных художниками Полоцкой фабрики художественных изделий «София» для украшения текстильных изделий. — Полоцк, 2000–2012. — 25 л.
18. Письмо директору фабрики художественных изделий г. Полоцк от товароведа Минского универмага «Белунивермага» от 4 июля 1962 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–63 об.
19. Письмо и. о. директора фабрики Захарова в ВДНХ СССР г. Москва № 70 от 29 июля 1966 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 47. Л. 23.
20. Пояснительная записка за 1979 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 265. Л. 17–19.
21. Протокол № 48 Общего собрания членов профсоюза Полоцкой фабрики художественных изделий от 3 октября 1961 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–15.
22. Список фабрик художественных изделий Белхудожпромтреста, созданных на базе артелей. Приложение № 1 к приказу № 3. 1960 г. // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 2183. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.
23. Строчевышитые изделия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mintorgmuseum.ru/vocabulary/1169/>. — Дата доступа: 24.07.2021.

Бараненко Татьяна Валерьевна,

магистр исторических наук,

ведущий научный сотрудник Музея традиционного ручного ткачества Поозерья —

филиала НПИКМЗ

І. А. Бортнік

ФАРМІРАВАННЕ ІДЭЙ НАРОДНАГА СУВЕРЭНІТЭТУ Ё ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ ДУМЦЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА КАНЦА XVI — ПАЧАТКУ XVII СТСТ.

Вызначаюцца асаблівасці фарміравання ідэй народнага суверэнітэту ё грамадска-палітычнай думцы Вялікага Княства Літоўскага канца XVI — пачатку XVII стст. У якасці задачы для дасягнення пастаўленай мэты разглядаецца шырокі агульнаеўрапейскі кантэкст станаўлення дадзеных ідэй у Еўропе ё познім Сярэднявеччы і ё ранні Новы час, у непасрэднай залежнасці ад якога ідэі народнага суверэнітэту складваліся ё палітычным дыскурсе ВКЛ. Апошнія праяўляліся ё форме цвярджэнняў пра народ як крыніцу ўсялякай улады, пра ўзаемаадносіны манарха і народа як вынік узаемных дагаворных абавязацельстваў, пра дапушчальнасць супраціўлення ўладзе ё тым выпадку, калі яна набывае рысы тыраніі. Спецыфічнай рысай пры гэтым выступае разуменне народа як супольнасці ўсяго шляхецкага стану (Рэч Паспалітая).

Ключавыя словы: грамадскі дагавор, народны суверэнітэт, права, Рэч Паспалітая, шляхта.

У сучасным свеце тэрмін «суверэнітэт» трывала ўвайшоў у палітычны слоўнік. У самым агульным сэнсе гэты тэрмін азначае вяршэнства і незалежнасць улады ё дачыненні да пэўных груп насельніцтва. Само паняцце суверэнітэту паўстае ё сувязі з фарміраваннем раннемадэрных дзяржаў. Розныя даследчыкі звычайна прыводзяць у якасці аўтара першай комплекснай і тэарэтычна абгрунтаванай канцэпцыі суверэнітэту французскага палітыка, філосафа і юрыста другой паловы XVI ст. Жана Бадэна. Ён вызначае суверэнітэт як вышэйшую, абсалютную і вечную ўладу над грамадзянамі і падданымі ё дзяржаве [8, с. 424; 13, с. 167; 18]. Гэтая канцэпцыя лягла ё аснову тэорыі дзяржаўнага суверэнітэту, якія падкрэсліваюць самадастатковасць, адзінства і пастаянства ўлады на тэрыторыі дзяржавы.

У арсенале сучаснай навукі маецца шмат падыходаў да разумення паняцця суверэнітэту. Сярод іх важнейшае значэнне мае дактрына народнага суверэнітэту, якая прадугледжвае, што народ з'яўляецца першаснай крыніцай улады і валодае дзейснымі палітычнымі сродкамі для рэальнага ўдзелу ё кіраванні дзяржавай. У сучасным свеце яна выступае адным з важнейшых прынцыпаў канстытуцыйнага ладу ё дэмакратычных дзяржавах.

У літаратуры часта можна знайсці цвярджэнне, што дактрына народнага суверэнітэту ўзнікае ё сацыяльна-палітычнай думцы часоў Асветніцтва, перадусім у творах Ж.-Ж. Русо. Аднак у спецыяльных навуковых даследаваннях адзначаюцца яе больш глыбокія гістарычныя карані, звязаныя з эпохай позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Дадзены артыкул ставіць сваёй мэтай вызначыць асаблівасці фарміравання ідэй народнага суверэнітэту ё сацыяльна-палітычнай думцы Вялікага Княства Літоўскага канца XVI — пачатку XVII стст. у агульнаеўрапейскім кантэксце.

Даследчыкі вылучаюць дзве крыніцы ідэй народнага суверэнітэту ё еўрапейскім тэарэтычным дыскурсе эпохі позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу.

Першай з іх з'яўляецца антычная інтэлектуальная традыцыя з яе разуменнем поліса і рэспублікі ё якасці спецыфічнага грамадскага аб'яднання. Арыстоцель разглядаў поліс як самадастатковае грамадскае аб'яднанне некалькіх сем'яў і паселішчаў, якое існуе для забеспячэння шчаслівага жыцця [3, с. 378]. Цыцэрон вызначаў «res publica» як «res populi» (набытак народа), што прадугледжвае аб'яднанне многіх людзей, звязаных паміж сабой згодай у пытаннях права і агульнасцю інтарэсаў [10, с. 20]. У палітычным дыскурсе антычных часоў адсутнічала разуменне аб дакладным падзеле грамадства і дзяржавы. Антычная рэспубліка разглядалася як натуральнае ўтварэнне, у аснове якога ляжыць прыродная схільнасць людзей да камунікацыі [31, с. 36]. На фарміраванне ё пазнейшыя часы ідэй народнага суверэнітэту істотны ўплыў аказала цвярджэнне грамадзян у якасці асоб, якія валодаюць правамі і прымаюць актыўны ўдзел у прыняцці палітычных рашэнняў.

Другой крыніцай ідэй народнага суверэнітэту з'яўляецца сярэднявечная традыцыя дагавораў паводле феадальнага права, што прадугледжвала двухбаковыя ўзаемныя абавязкі. Гэтыя абавязкі вынікалі з узаемага пагаднення паміж сеньёрам і васалам і выступалі асновай узаемаадносін паміж імі. Першапачаткова такія

дагаворы мелі індывідуальны характар, аднак у працэсе фарміравання саслоўнай манархіі яны трансфармаваліся ў традыцыю заключэння пагадненняў паміж манархам і прывілеяванымі саслоўямі (напрыклад, Вялікая хартыя вольнасцяў 1215 г. у Англіі, Залатая була караля Андраша 1222 г. у Венгрыі) [35, с. 66–67, 72–73]. На станаўленне ідэі народнага суверэнітэту ў дадзенай сувязі паўплывала ўяўленне аб кантрактнай форме ўлады, што прадугледжвае абавязкі кіруючых у дачыненні да кіруемых.

У XIV–XVI стст. у еўрапейскай грамадска-палітычнай думцы складаюцца дзве супрацьлеглыя канцэпцыі суверэнітэту. З аднаго боку, гэта канцэпцыя абсалютнага дзяржаўнага суверэнітэту, якая была сугучная тэндэнцыям станаўлення ранніх абсалютных манархій у Еўропе. Найбольш поўнае адлюстраванне ў гэты час яна знайшла ў творчасці Жана Бадэна і Юста Ліпсія, а ў XVII ст. найбольш вядомым тэарэтыкам абсалютнага дзяржаўнага суверэнітэту быў Томас Гобс. Так, Жан Бадэн, разважаючы пра суверэнітэт, падкрэсліваў адзінства, выключнасць і самадастатковасць дзяржаўнай улады, яе прымат перад законам. Тым самым не дапускалася магчымасць дэлегавання вярхоўнай улады яе прадстаўнікам [13, с. 167; 18].

Ідэя народнага суверэнітэту, згодна з меркаваннем большасці сучасных даследчыкаў, упершыню ў еўрапейскай сацыяльна-палітычнай думцы была сфармулявана ў працы Марсілія Падуанскага «Абаронца міру» (1324). У гэтай працы, напісанай паводле норм схаластычнага дыскурсу, народ абвяшчаецца дзеючай прычынай дзяржавы. Народ або пераважная яго частка, паводле Марсілія Падуанскага, з'яўляецца носьбітам заканадаўчай улады. Прадстаўнікамі народу, у адпаведнасці з антычнай традыцыяй, выступаюць грамадзяне, надзеленыя правамі прымаць удзел у кіраванні і судзе. У адпаведнасці з іх заканадаўчай воляй выпрацоўваюцца законы, накіраваныя на забеспячэнне агульных інтарэсаў, абіраецца форма дзяржаўнага ладу і дэлегіруюцца ўладныя паўнамоцтвы носьбітам выканаўчай улады, напрыклад, манархам [6, с. 122–125, 128–129; 7, с. 114–119]. У рэаліях таго часу пад суверэнным народам маглі разумецца прадстаўнікі прывілеяваных саслоўяў або паўнапраўныя грамадзяне гарадоў-рэспублік. Канцэпцыя Марсілія Падуанскага прадугледжвае пастаянны кантроль з боку суверэна за дзеяннямі органаў выканаўчай улады і магчымасць санкцый у выпадку іх парушэння: «Прад'яўленне правіцелю абвінавачванняў у парушэнні закона або здзяйсненні нягодных учынкаў, вынясенне прысуду і яго выкананне павінны быць даручаны заканадаўцы ці некалькім людзям, зацверджаным заканадаўцам» [6, с. 183]. Брытанскі даследчык К. Скінэр фіксуе падобныя ідэі таксама ў вядомага італьянскага юрыста XIV ст. Бартола дэ Сасаферата [7, с. 114–119].

Варта адзначыць, што ідэя народнага суверэнітэту ў Марсілія Падуанскага экстрапалюецца на царкву, у адпаведнасці з чым крыніцай царкоўнай улады абвяшчаецца супольнасць вернікаў, якая рэалізуе яе праз саборы як аналаг саслоўна-прадстаўнічых органаў дзяржаўнай улады. Падобная мадэль царквы атрымала пашырэнне ў XIV–XV стст. у межах дыскурсу канцылярыстаў, найбольш вядомай постаццю сярод якіх быў Жан Жэрсон, які цалкам падтрымліваў тэзіс Марсілія Падуанскага аб тым, што вярхоўная заканадаўчая ўлада ў дзяржаве павінна належаць прадстаўнічаму сходу грамадзян. На пачатку XVI ст. дадзеная ідэя знайшла працяг у творах позніх канцылярыстаў з Парыжскага ўніверсітэту Жана Майра і Жака Альмена [8, с. 169–180].

Рэфармацыя і Контррэфармацыя, рэлігійныя войны, канфлікты паміж манархамі і саслоўямі ў розных еўрапейскіх дзяржавах актуалізавалі ідэю залежнасці ўлады ад грамадзян. У гэтай сувязі найбольшы інтарэс для даследчыкаў дадзенай праблемы працяглы час маюць творы французскіх, шатландскіх, англійскіх, нямецкіх пратэстанцкіх аўтараў другой паловы XVI ст., якія атрымалі назву «манархамахаў», сярод якіх найбольш вядомымі персонамі з'яўляюцца Тэадор Бэза, Франсуа Отман, Філіп Дзюплесі-Марнэ, Джон Панэт, Джон Нокс, Джордж Б'юкенэн, Іаган Альтузій. Усе «манархамахі», нягледзячы на некаторыя ад рознення паміж імі, падзялялі шэраг агульных ключавых ідэй:

- 1) Сцвярджанне супрэматыі ўлады народа як крыніцы ўсялякай улады ў дзяржаве («не народы былі створаны для кіруючых асоб, а наадварот, кіруючыя асобы дзеля народа» [17]).
- 2) Эксплікацыя дзяржавы як выніку дагавору паміж уладай і народам, што прадугледжвае ўзаемныя абавязкі. У выніку дагавору народ дэлегуе ўладу пэўным асобам або супольнасцям на акрэсленых умовах, выкананне якіх легітымізуе ўладу. Адметна, што калі ў творах французскіх пратэстантаў у

якасці гаранта дагавору ўказваецца Бог, то ў працах Дж. Б'юкенэна і І. Альтузія прадстаўлена дастаткова секулярная мадэль грамадскага дагавору [8, с. 507–508].

- 3) Сцвярдженне неабходнасці кантролю з боку народа ў форме прадстаўнічых інстытутаў над дзеяннямі выканаўчай улады і выкананнем ёю сваіх абавязкаў, а таксама дапушчальнасць актыўнага супраціўлення і пазбаўлення ўлады кіраўнікоў дзяржавы, калі тыя парушаюць законы і не выконваюць свае абавязкі. Французскія і пераважна нямецкія «манархамахі» лічылі актыўнае супраціўленне законным у тым выпадку, калі яно санкцыянавана ніжэйшымі органамі дзяржаўнай улады (напрыклад, кіраўнікамі правінцый) або інстытутамі саслоўнага прадстаўніцтва. У той жа час шатландскія і англійскія радыкальныя пратэстанты лічылі дапушчальнай ва ўмовах тыраніі арганізацыю ўзброенага супраціўлення непасрэдна любымі прыватнымі грамадзянамі. Так, Дж. Панэт сцвярджае, што забойства тырана – справядлівая справа, якая прадугледжана боскім наканаваннем: «Калі правіцель рабуе сваіх падданных, ён злодзей, і як злодзей павінен быць пакараны. Калі ён іх беззаконна забівае, то ён забойца, і як забойца павінен быць пакараны» [2, с. 54].

Пытанне пра крыніцы, характар і ўплыў на фарміраванне сучасных тэорый дэмакратыі ідэй «манархамахаў» з'яўляецца прадметам працяглых спрэчак у асяроддзі даследчыкаў. Некаторыя даследчыкі бачаць карані гэтых ідэй у сярэднявечнай феадальнай традыцыі, іншыя, наадварот, падкрэсліваюць іх наватарства і мадэрны характар; ідуць таксама спрэчкі наконт уплыву на ідэі «манархамахаў» кальвінісцкай тэалогіі. Так, расійская даследчыца І. Я. Эльфанд, вылучыўшы ідэі народнага суверэнітэту ў творах французскіх «манархамахаў», у сваіх высновах, зробленых у розных сваіх працах, пераходзіць ад сцвярджэння аб іх адпаведнасці старым феадальным катэгорыям пры знешнім наватарстве да абвешчэння іх рэвалюцыйнай інтэрпрэтацыяй ідэй канстытуцыйналізму [11, с. 519; 12, с. 85; 14, с. 293]. Паводле К. Скінэра, у творах шатландскага мысліцеля Дж. Б'юкенэна «Права на каралеўства ў Шатландыі» (1567) і нямецкага філосафа І. Альтузія «Палітыка» (1603) выкладзена цалкам сугучная Новаму часу тэорыя народнага суверэнітэту, у якой слаба заўважныя элементы тэалагічнага разумення грамадства, якія моцна праяўляюцца ў працах французскіх «манархамахаў» [8, с. 503–513]. Пры гэтым К. Скінэр прызнае, што ў аснове новай тэорыі знаходзіліся многія моманты, выпрацаваныя ў папярэднія стагоддзі ў межах схаластычнага і гуманістычнага дыскурсаў. На глыбока дэмакратычны змест палітычнай філасофіі І. Альтузія ўказваў польскі даследчык З. Аганоўскі [29, с. 61–62].

Варта заўважыць, што ідэя народнага суверэнітэту атрымала ў другой палове XVI – пачатку XVII стст. прызнанне і ў межах неасхаластычнай контррэфармацыйнай думкі. Яе вядучыя прадстаўнікі Раберта Беларміна, Франсіска Суарэс, Луіс Маліна, абапіраючыся на тэорыю натуральнага права, таксама абвешчалі першаснай крыніцай улады народ, які дзякуючы здольнасцям прыроднага розуму ініцыіруе грамадскі дагавор. Трэба, аднак, адзначыць, што большасць каталіцкіх тэарэтыкаў сцвярджае, што ў выніку грамадскага дагавору народ не дэлегіруе, а цалкам і безумоўна перадае ўладу кіраўніцтву дзяржавы, пераносячы на яго функцыі суверэна. Тым самым думка ідэолагаў Контррэфармацыі збліжаецца з канцэпцыямі абсалютнага дзяржаўнага суверэнітэту [8, с. 217–272]. Разам з тым, некаторыя каталіцкія мысліцелі сфармулявалі ў сваіх творах ідэі, блізкія да тых, што выказвалі пратэстанцкія «манархамахі». Так, іспанскі тэолаг і філосаф Хуан дэ Марыяна ў сваёй працы «Кароль і выхаванне караля» (1599) сцвярджае, што са стварэннем дзяржавы народ не страчвае сваіх суверэнных правоў, а кіраўнік дзяржавы з'яўляецца звычайнай службовай асобай, які абавязаны выконваць функцыі па абароне агульных інтарэсаў грамадзян. У духу «манархамахаў» дапускаецца актыўнае супраціўленне тыраніі, якое можа быць ініцыявана кожным грамадзянінам. Гэта дае падставу К. Скінэру сцвярджаць: «Езуіт Марыяна, такім чынам, працягвае руку пратэстанту Б'юкенэну, фармулюючы тэорыю народнага суверэнітэту, якая будучы схаластычнай па паходжанні і кальвінісцкай у сваім далейшым развіцці, існавала, па сутнасці, незалежна ад аднаго і другога веравызнання і магла выкарыстоўвацца ўсімі бакамі ў надыходзячых канстытуцыйных бітвах XVII ст.» [8, с. 516].

Ужо ў першай палове XVI ст. ідэі аб вырашальнай ролі народа сталі запатрабаваныя ў грамадска-палітычнай думцы Польскага каралеўства. Гэта было абумоўлена істотным пашырэннем правоў шляхты, што адлюстравалася ў прыняцці канстытуцыі «Nihil Novi» 1505 г., якая істотна абмяжоўвала заканадаўчыя

правы манарха [37, р. 300]. Ужо ў XV ст. у польскай думцы назіраецца рэцэпцыя палітычнай тэорыі антычных мысліцеляў, асабліва Арыстоцеля і Цыцэрона. Гэтая тэорыя, як ужо паказвалася, не прадугледжвала ідэі народнага суверэнітэту, але несла ў сабе пэўныя перадумовы, што зрабілі апошняю магчымай. У XVI ст. шырока распаўсюдзіўся тэрмін «Рэч Паспалітая», які з'яўляецца перакладам лацінскага паняцця «*res publica*». Гэты тэрмін ужываўся ў двух сэнсах: з аднаго боку, для пазначэння дзяржавы, з другога, аб'яднанага палітычнага народа (пад якім разумелася ўся шляхта), прадстаўнікі якога разглядаюцца як паўнапраўныя грамадзяне, што ўдзельнічаюць у прыняцці палітычных рашэнняў [30, s. 27–30]. Найбольш вядомы прадстаўнік польскай сацыяльна-палітычнай думкі XVI ст. Анджэй Фрыч Маджэўскі ў працы «Аб выпраўленні Рэчы Паспалітай» сцвярджаў, што Рэч Паспалітая – гэта «чалавечая супольнасць, аб'яднаная правам, якая ўключае ў сябе шмат суседзяў, устаноўленая для добрага і шчаслівага жыцця» [27, s. 7]. Яшчэ ў 1507 г. Станіслаў Забароўскі ў творы «Трактат аб прыродзе правоў і ўладанняў, а таксама аб выпраўленні каралеўства і кіраванні дзяржавай» зрабіў выснову аб тым, што супольнасць грамадзян-шляхты валодае вышэйшай уладай у адносінах да манарха, адлюстраваннем чаго з'яўляецца каралеўская прысяга падчас каранацыі» [16, s. 73; 23, s. 133; 31, s. 205]. Агульнапрынятымі ў польскай грамадскай думцы становяцца сцвярджэнні аб абмежаванні ўлады манарха, аб непарушнасці права, аб рэалізацыі ў Польскім каралеўстве ідэалу змешанага праўлення. З сярэдзіны XVI ст. умацаванню і распаўсюджанню дадзеных ідэй у шляхецкім дыскурсе садзейнічала Рэфармацыя [25].

Інтэграцыя Вялікага Княства Літоўскага з Польскім Каралеўствам пасля Люблінскай уніі, зацвярджэнне шляхецкіх правоў і вольнасцяў у аб'яднанай Рэчы Паспалітай, рэцэпцыя заходнееўрапейскай інтэлектуальнай культуры абумовілі фарміраванне ідэй народнага суверэнітэту адпаведна ў грамадска-палітычнай думцы ВКЛ, пачынаючы з другой паловы XVI ст.

Значны ўплыў на станаўленне ўзгаданых ідэй аказала практыка першых бескаралеўяў, падчас якіх былі зацверджаны на элекцыйным сойме ў маі 1573 г. Генрыкавы артыкулы, падпісаныя прадстаўніком новаабранага караля Генрыха Валуа [38, р. 133–134]. У 1576 г. гэты дакумент быў зацверджаны новым каралём Стэфанам Баторыем [38, р. 150–153] і з таго часу стаў неад'емнай часткай права Рэчы Паспалітай. Генрыкавы артыкулы ўяўлялі з сябе дагавор паміж каралём і супольнасцю паўнапраўных грамадзян – прадстаўнікоў прывілеяванага шляхецкага саслоўя. У гэтым сэнсе яны ўзыходзяць да традыцыі дагавораў паміж манархамі і саслоўямі, якая склалася ў Еўропе ўжо ў познім Сярэднявеччы. Паводле Генрыкавых артыкулаў, за шляхтай усёй Рэчы Паспалітай замацоўвалася права вольнай элекцыі, што было моцным сімвалічным момантам у падкрэсліванні суверэннасці шляхецкага палітычнага народа. Такія абмежаванні манархічнай улады, як забарона для караля прызначаць сабе пераемніка, мець зносіны з замежнымі дзяржавамі, абвешчаць вайну, склікаць паспалітае рухэнне, аднаасобна выдаваць законы, вяршыць суд і ўстанаўліваць падаткі без згоды шляхты, абавязак кожныя два гады склікаць вальны сойм, а таксама замацаванне акта Варшаўскай канфедэрацыі, згодна з якім абвешчалася свабода веравызнання ў межах хрысціянства для прадстаўнікоў шляхты, умацоўвалі ў межах шляхецкай палітычнай культуры ўсведамленне дзяржаваўтваральнай ролі палітычнага народа. У апошнім пункце Генрыкавых артыкулаў падкрэслівалася, што «абывацелі» (грамадзяне-шляхта) маюць права адмовіцца ад паслушэнства манарху ў тым выпадку, калі ён не выконвае ўмовы дагавора: «А калі б (чаго барані Бога) нешта зрабілі насуперак правам, вольнасцям, артыкулам, умовам, або штосьці не выканалі, тады каронныя абывацелі абодвух народаў становяцца вольнымі ад паслушэнства і падпарадкавання нам» [38, s. 152]. Форму публічна-прававога дагавору паміж манархам і шляхтай мелі таксама пакта канвента, якія падпісваліся кожным новаабраным каралём. Дадзены дагавор рэдагаваўся на элекцыйным сойме і ўтрымліваў у сабе тэкст Генрыкавых артыкулаў, а таксама шэраг дадатковых умоў.

Палітычны дыскурс Рэчы Паспалітай канца XVI – першай паловы XVII стст. шырока даследаваны ў польскай гістарычнай навуцы. У межах аб'ёмнага корпусу літаратуры, прысвечанай дадзенай тэматыцы, можна вылучыць працы З. Аганоўскага, Э. Апалінскага, А. Гжэськовяк-Крвавiч, Д. Петжак-Рывес, А. Сухені-Грабоўскай, І. Хаінскай-Мікі, Я. Экеса [21; 23; 24; 29; 30; 31; 36]. У дадзеных даследаваннях падкрэсліваецца рэпрэзентацыя шляхты ў якасці актыўнага палітычнага суб'екту, што суадносіцца ў палітычнай мове з ідэнтыфікацыяй

«абывацеляў» з Рэччу Паспалітай. Гэта дазваляе шэрагу даследчыкаў гаварыць аб шляхецкай дэмакратыі ў разглядаемы перыяд. Адначасова ў палітычным дыскурсе Рэчы Паспалітай замацоўваецца ідэал змешанага праўлення («monarchia mixta»). Гэты ідэальны дзяржаўна-палітычны лад прадугледжвае гарманічны сінтэз манархіі, арыстакратыі і дэмакратыі на аснове права, што ўвасабляецца ў дзейнасці трох соймавых станаў (караля, сената і шляхты, якая высылае сваіх прадстаўнікоў у пасольскую ізбу). Дасканалае функцыянаванне гэтай сістэмы разглядалася як мудрае ўстанаўленне палітычнага народа.

Грунтоўнае даследаванне палітычнай культуры Рэчы Паспалітай узгаданага перыяду, праведзенае польскім гісторыкам Э. Апаліньскім, утрымлівае ў сабе выснову аб тым, што ўзгаданую культуру можна аднесці да культуры ўдзелу, характэрнымі рысамі якой выступаюць разуменне грамадствам сутнасці палітычнай сістэмы і яе прызнанне, палітычная актыўнасць, перакананасць ва ўласнай магчымасці істотна ўплываць на палітычныя рашэнні, высокая ступень ведаў і кампетэнтнасці ў сферы палітыкі [30, s. 7, 294]. Важнейшымі рысамі шляхецкай палітычнай культуры выступаюць разуменне Рэчы Паспалітай не проста як дзяржавы, але і як супольнасці ўсіх «абывацеляў», што належаць да шляхецкага саслоўя; распаўсюджанне шляхецкіх саслоўных каштоўнасцяў, такіх як вольнасць, роўнасць, братэрства, згода; скіраванасць на адстойванне ўласных правоў і прывілеяў у межах існуючай палітычнай сістэмы [30, s. 27–30, 80–96]. Тэзіс Э. Апаліньскага ў значнай ступені быў пацверджаны намі на прыкладзе даследавання палітычнай культуры полацкай шляхты канца XVI – пачатку XVII стст. [19].

Пытанне пра тое, калі ідэя народнага суверэнітэту ўпершыню з'яўляецца ў сацыяльна-палітычнай думцы Вялікага Княства Літоўскага, даволі складанае. Праблема заключаецца яшчэ ў тым, што ў канцы XVI – пачатку XVII стст. у ВКЛ паўстала вельмі мала тэарэтычных твораў, спецыяльна прысвечаных рэфлексіі над праблемай фарміравання і функцыянавання грамадства, дзяржавы і права.

Адным з першых такіх твораў з'яўляецца трактат Андрэя Волана «Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе» (1572). Польская даследчыца Д. Петжык-Рывес разглядае дадзены твор у рэчышчы рэспубліканскай традыцыі, што бярэ пачатак у антычнай думцы і атрымлівае распаўсюджанне ў еўрапейскім палітычным дыскурсе эпохі Адраджэння. Сутнасць дадзенай традыцыі заключаецца ў разуменні «дзяржавы як тэлеалагічнай, самакіруемай палітычнай супольнасці, а рэспублікі – як публічнай рэчы, што з'яўляецца сумесным здабыткам усіх грамадзян, таксама размова ідзе пра такое разуменні палітыкі, якое датычыць стварэння і забеспячэння палітычнага ладу, які абапіраецца на права і справядлівасць» [31, s. 9–10].

Андрэй Волан наступным чынам тлумачыць узнікненне рэспублікі (у цыцэронаўскім разуменні): «Усякая чалавечая супольнасць, якая называецца рэччу паспалітай (рэспублікай), утвараецца дзеля таго, каб людзі праз агульнае паразуменне і ўзаемную падтрымку жылі памысна і шчасліва. А ніякага іншага спосабу забяспечыць прыстойнае і годнае жыццё людзі не вынайшлі, апроч як праз усталяванне міжсобку спакою і міру, гэта значыць – магчымасці свабодна і без турботаў карыстацца сваімі дабротамі» [5, с. 20; 39, s. 88–89]. На аснове гэтага вызначэння Д. Петжык-Рывес сцвярджае, што А. Волан апырэдзіў свой час; ягоныя думкі могуць быць сугучныя з тэорыямі грамадскага дагавору XVII ст., паводле якіх грамадства разглядаецца як дабравольнае згуртаванне асоб, што падпарадкоўваюцца супольна ўстаноўленай уладзе для забеспячэння міру і свабоднага карыстання ўласнасцю. Разам з тым падкрэсліваецца цалкам рэспубліканскае па сваім змесце вылучэнне мэты дзяржавы, што атаясамліваецца з агульным добром і шчасцем [31, s. 218; 32, s. 9–10]. Аналізуючы твор А. Волана, падаецца, што ўсё ж варта з асцярожнасцю бачыць у ім адлюстраванне ідэй народнага суверэнітэту і грамадскага дагавору. Дэфініцыя аб паходжанні дзяржавы можа інтэрпрэтавацца на карысць як дагаворнай, так і традыцыйнай натуралістычнай арыстоцэлеўскай тэорыі.

Значна больш выразна ідэя народнага суверэнітэту знайшла сваё адлюстраванне ў звароце да ўсіх саслоўяў Вялікага Княства Літоўскага падканцлера Льва Сапегі ў прадмове да Трэцяга Статута ВКЛ 1588 г.: «І тое ёсць наша свабода, якой усе мы між іншымі народамі хрысціянскімі хвалімся, каб пана, каб згодна з воляй сваёй, а не згодна з правамі нашымі кіраваў, над сабой не маем, а як славай добрапрыстойнай, так жыццём і маёмасцю свабодна карыстаемся <...> І правільна за праўду маем, за што Госпаду Богу ўдзячны, што пад уладай каралёў іх міласці і вялікіх князёў, паноў нашых тую ўладу і вольнасць у руках сваіх маем, а правы самі сабе ствараем, як найбольш можам вольнасць сваю ахоўваем. Бо не толькі сусед і любы наш абы-

вацель у айчыне, але і сам гаспадар пан наш ніякага вяршэнства над намі выкарыстоўваць не можа, адно столькі, колькі яму права дапускае» [9, с. 13]. У гэтай цытаце падкрэсліваецца супрэматыя ўлады палітычнага народа (супольнасці шляхты-грамадзян), які выступае непасрэднай крыніцай фарміравання права і абрання манарха. Кіраўнік дзяржавы разглядаецца як чыноўнік, які павінен у сваёй дзейнасці падпарадкоўвацца праву, створанаму суверэнным народам.

Падобныя сцвярдженні ў прадмове да афіцыйнага заканадаўчага акту сведчылі пра тое, што яны адпавядалі прынятым у палітычным дыскурсе таго часу ідэям і ўяўленням. Гэта пацвярджаюць разважанні з твору Хрыстафора Філалета «Апокрысіс», выдадзенага ў Вільні ў 1597–1599 гг., які паўстаў у якасці ідэалагічнага абгрунтавання пазіцыі праваслаўнай супольнасці ў яе канфлікце з уніятамі пасля Брэсцкай уніі 1596 г. Характэрна, што аўтарам твора, што выступаў пад псеўданімам Хрыстафора Філалета, паводле меркаванняў сучасных гісторыкаў, быў пратэстанцкі шляхціц з Вялікай Польшчы Марцін Бранеўскі, актыўны палітычны дзеяч, удзельнік рокашу 1606–1609 гг. [20, с. 37–72]. З тэксту «Апокрысіса» можна зразумець погляды аўтара на ўзаемаадносіны паміж «народам» і манархам. Яны заснаваныя на дагаворы: «Што бовем іншого и приступ до тои зацной столицы зъєднало, и фундаментом есть панованья его королевской милости, одно пакта з нами учиненые а права Корунные» [4, с. 1809–1810]. Ва ўмовах Рэчы Паспалітай ролю такога дагавору адыгрывалі Генрыкавы артыкулы і пакта канвента. На аснове дагавору народ абавязваўся падпарадкоўвацца каралю, а той у сваю чаргу выконваць умовы дагавору. Але, згодна з думкай аўтара, першаснай крыніцай улады выступае менавіта народ, прадстаўнікі якога «добровольне подданы» каралю [4, с. 1807–1808]. Так, адзначаючы права манарха да надання зямельнай маёмасці праваслаўным епіскапам, ён сцвярджае, што яно даверана каралю як выканаўцу волі Рэчы Паспалітай [4, с. 1291–1292]. Разуменне шляхты як дзяржаўна-элементу суправаджалася падкрэсліваннем яе палітычных правоў і свабод, якія складаюць «славу» Рэчы Паспалітай [4, с. 1809–1810].

Яскравай праявай функцыянавання і развіцця ідэй народнага суверэнітэту ў сацыяльна-палітычным дыскурсе ВКЛ як часткі Рэчы Паспалітай выступае грамадска-палітычная думка часоў рокашу 1606–1609 гг. Спробы ўмацавання манархічнай улады на пачатку каралявання Жыгімонта Вазы, неэфектыўная дзейнасць соймаў актуалізавалі ідэю пра неабходнасць рэалізацыі непасрэднай, а не прадстаўнічай, улады шляхецкай супольнасці. У шматлікіх публіцыстычных творах прыхільнікаў рокашу ў гэты перыяд, прамовах на шляхецкіх з'ездах, соймавых інструкцыях, накіраваных паслам на гэтыя з'езды, рокаш разглядаўся як сход усёй шляхты і ў гэтым сэнсе як спецыфічны інстытут шляхецкага суверэнітэту.

Характэрна, што прыхільнікі рокашу не адмаўлялі канцэпцыю змешанага праўлення ў якасці ідэальнага ладу Рэчы Паспалітай, але фактычна ў творах, якія паўсталі ў іх асяроддзі, прасоўваецца ідэя аб тым, што народ як супольнасць усёй шляхты выступае крыніцай вышэйшай дзяржаўнай улады, у параўнанні з якім кароль і сенат займаюць падпарадкаванае становішча. У адным з ананімных публіцыстычных твораў «Праўдзівы і кароткі адказ на ліст, які паклёпнічае на добрапрыстойных людзей, пад тытулам «Вось табе і рокаш», выдадзены на агіду рыцарству, якое сабралася на рокаш», які паўстаў прыблізна ў сярэдзіне верасня 1606 г., рокаш разглядаецца як вынік рэалізацыі супольнай грамадскай волі шляхецкага саслоўя, як сродак абароны шляхецкіх правоў і вольнасцяў, як сродак барацьбы супраць злоўжыванняў з боку ўлады і прадухілення перспектывы ўстанаўлення абсалютнага праўлення («*absolutum dominium*»), і тым самым у выніку як сродак умацавання Рэчы Паспалітай [33, с. 42–45].

Адзін з найбольш актыўных дзеячоў рокашу, прадстаўнік полацкай шляхты, парнаўскі кашталян Пётр Стаброўскі на з'ездзе ў Любліне ў чэрвені 1606 г. заяўляў: «На рокашу павінна быць каралеўская асоба, як мне падаецца, каб дэпутаты з ваяводстваў агалашвалі свае прыватныя і супольныя крыўды. Трэба запрасіць да нас караля, каб ён нам усё гэта патлумачыў, а тых, хто даваў яму парады, нам выдаў. Трэба зразумець, што калі Рэч Паспалітая дае каралям права да кіравання, то ў яе моцы таксама некаторым спосабам яго трохі абмежаваць і затрымаць <...> Таксама калі якая-небудзь пертурбацыя адбылася з-за нядбальства або парад і дзеянняў паноў сенатараў, каб яны перад намі сталі і растлумачылі <...>» [34, с. 23]. Гэтая цытата выразна сведчыць пра тое, што аб'яднаная супольнасць шляхты выступае як суверэн, які фарміруе і змяняе асновы дзяржаўна-палітычнага ладу, у залежнасці ад якога знаходзяцца манарх і ўсе інстытуты выканаўчай улады.

Далей у сваёй прамове Пётр Стаброўскі ўзгадвае права палітычнага народа на супраціўленне тыранічнай уладзе, што дзейнічае па-за межамі вызначаных прававых нормаў: « <...> аналы сведчаць, што шмат улада-роў дэтранізавана, калі яны не прытрымліваліся права» [34, s. 22]. Хаця польскі даследчык Я. Мацішэўскі выказаў меркаванне аб тым, што П. Стаброўскі на той момант не разглядаў рокаш як бунт супраць караля, а акцэнтаваў перадусім яго антысенатарскую скіраванасць [34, s. 187], тым не менш заўважна, што дыскус ідэолагаў рокашу мае падабенства да дыскурсу заходнееўрапейскіх «манархамахаў».

Польскі гісторык Ч. Хаванец вызначыў агульныя ідэі ў публіцыстыцы прыхільнікаў рокашу і ў творах французскіх манархамахаў: разуменне народу як крыніцы ўсялякай улады; разуменне дзяржавы як прадукту дагавору, што прадугледжвае ўзаемныя абавязкі паміж уладай і грамадствам; абгрунтаванне неабходнасці абмежавання манархічнай улады правам і народным прадстаўніцтвам, права на супраціўленне тыраніі [22, s. 259–262].

Вынікам рокашу стаў кампраміс паміж манархам і шляхецкай супольнасцю. Выразам гэтага стала соймавая канстытуцыя 1609 г., якая пры пэўных умовах дапускала супраціўленне ўладзе, калі тая дзейнічае насуперак праву. У крайнім выпадку дапускалася дэтранізацыя манарха [38, s. 462–463]. Дадзеная канстытуцыя з'явілася наступным крокам у прызнанні суверэнных правоў шляхты ў справе кантролю над дзеяннямі выканаўчай улады.

Ідэі народнага суверэнітэту, выпрацаваныя падчас рокашу, працягвалі і надалей выкарыстоўвацца ў публіцыстычнай літаратуры. Так, напрыклад, у ананімным творы «Пабожнага евангеліка да братоў таго ж веравызнання перасцярога і напамін» (1611), які выйшаў з асяроддзя пратэстанцкіх інтэлектуалаў (як лічыцца, у колах блізкіх да двароў прадстаўнікоў біржанскай лініі Радзівілаў), сцвярджаецца, што Рэч Паспалітая як супольнасць усяго шляхецкага палітычнага народа, з'яўляецца носьбітам суверэннай улады: «Бясспрэчна тое, што гарады, якія называюцца каралеўскімі, лічыліся гарадамі непасрэдна ўсёй Рэчы Паспалітай, у тым ліку і евангелікаў, як складовай часткі гэтай Рэчы Паспалітай, у адпаведнасці з тым, што кароль валодае імі не як уласнасцю, не на аснове родавага, дзедзічнага, вечнага і нават пажыццёвага права, а карыстаецца імі толькі ўмоўна паводле прысягі, г. зн. да тых часоў, пакуль ён выконвае тую прысягу і зацверджаныя ёй правы» [33, s. 182–183]. Адзначаны ўрывак сугучны з разуменнем адносін паміж уладай і грамадствам як кантракту ў заходнееўрапейскай кальвінісцкай думцы. Для параўнання прывядзем падобную цытату з французскага трактата «Абарона супраць тыранаў», які прыпісваецца Ф. Дзюплесі-Марнэ: «<...> Зямля, якую валадар, пашыраючы межы дзяржавы заваёўвае зброяй, змагаючыся з ворагам, ці тая, якую атрымлівае шляхам канфіскацыі, належыць валадарству. Яна належыць не валадару, а народу, які па сутнасці і з'яўляецца валадарствам, гэтаксама як слуга робіць падобнае для свайго гаспадара» [1, с. 306].

Аўтар трактату «Пабожнага евангеліка <...> перасцярога і напамін» адмаўляе пасіўнасць грамадзян адносна парушэнняў права. У гэтай сувязі ён апелюе да пратэстанцкай канцэпцыі супраціўлення тыраніі: «<...> Хрыстос Пан, загадваючы не супраціўляцца злу, не гаворыць пра ўсё адносна зла, а асабліва пра тыя выпадкі, калі закранаюць веру нашых блізкіх, пагражаюць хвале Боскай і ягонаму касцёлу. <...> Тыя словы звернутыя да прыватных асоб, якія заахвочваюць кожнага паасобку цярдліва зносіць прыватныя крыўды. Але людзям, якія займаюць уладныя пасады, асабліва свецкія, а таксама тым, каму належыць клапаціцца пра агульнае дабро, неабходна прадухіляць зло і не перашкаджаць тым, хто паводле законаў Рэчы Паспалітай змагаюцца з супраціўнымі» [33, s. 182–183]. Паводле польскага гісторыка У. Аўгустыняк, тут мае месца рэцэпцыя кальвінісцкай тэорыі, згодна з якой сачыць за тым, каб улада не пераўтваралася ў тыранію, а ў выпадку неабходнасці ўзначальвае супраціўленне тыраніі, павінны асобы, якія займаюць пасады ў апарце дзяржаўнага кіравання, а таксама органы прадстаўнічай улады. У той жа час супраціўленне без санкцыі дадзеных інстытутаў не з'яўляецца дапушчальным [15, s. 230–231].

У іншым ананімным пратэстанцкім публіцыстычным творы «Меркаванне невядомага евангеліка аб рэлігійнай талеранцыі ў Польшчы», які з'явіўся ў 1613 г., верагодней за ўсё, у тых жа колах, блізкіх да біржанскіх Радзівілаў, і ў якім маюцца спасылкі на папярэдне узгаданы трактат, абгрунтоўваецца ідэя аб дапушчальнасці ўзброенага паўстання супраць тыраніі. У якасці станоўчага прыкладу прыводзяцца падобныя дзеянні пратэстантаў у іншых краінах [40, s. 250].

Такім чынам, у грамадска-палітычнай думцы Вялікага Княства Літоўскага канца XVI – пачатку XVII стст. адбываецца фарміраванне ідэй народнага суверэнітэту, якія ў далейшым шырока распаўсюдзіліся у шляхецкім палітычным дыскурсе. Сведчаннем складвання дадзеных ідэй з’яўляюцца сцвярджэнні, якія змяшчаюцца ў творах разглядаемага перыду, што ўтрымліваюць сацыяльна-палітычную праблематыку, пра народ як крыніцу ўсялякай улады, пра ўзаемаадносіны манарха і народа як вынік узаемных дагаворных абавязацельстваў, пра дапушчальнасць супраціўлення ўладзе ў тым выпадку, калі яна набывае рысы тыраніі. Спецыфічнай рысай пры гэтым выступае разуменне народа як супольнасці ўсяго шляхецкага стану (Рэч Паспалітая) (іншыя станы з гэтай супольнасці выключаюцца). У якасці трыггерных падзей для пашырэння ідэй народнага суверэнітэту выступілі бескаралеўі апошняй трэці XVI ст., што выклікалі да жыцця істотныя абмежаванні манархічнай улады ў выглядзе Генрыкавых артыкулаў, а таксама рокаш 1606–1609 гг.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Абарона супраць тыранаў // ARCHE. – 2012. – № 1–2 (112–113). – С. 269–329.
2. Английская реформация (Документы и материалы) / под ред. Ю. М. Сапрыкина. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 104 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета в двух текстах польском и западнорусском 1597–1599 года // Русская историческая библиотека : в 39 т. – СПб. : Тип. А. Траншеля, 1903. – Т. 19 : Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3 / под ред. П. Гильтебранта. – С. 1003–1082.
5. Волан, А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе / А. Волан ; пер. з лац. У. Шатон. – Мінск : Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
6. Марсилья Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Марсилья Падуанский ; пер. с фр. Б. У. Есенова ; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г. П. Лупарева. – М. : Дашков и К, 2014. – 656 с.
7. Скиннер, К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. / К. Скиннер. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 1 : Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. А. Олейникова ; под науч. ред. В. В. Софронова. – 464 с.
8. Скиннер, К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. / К. Скиннер. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2 : Эпоха Реформации / пер. с англ. А. А. Яковлева ; под науч. ред. В. В. Софронова. – 568 с.
9. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2016. – 263 с.
10. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Цицерон ; пер. с лат. В. О. Горенштейна ; под ред. С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1966. – 225 с.
11. Эльфонд, И. Я. Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века / И. Я. Эльфонд // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20, вып. 4. – С. 517–527.
12. Эльфонд, И. Я. Тираноборцы / И. Я. Эльфонд. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 142 с.
13. Эльфонд, И. Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI века / И. Я. Эльфонд // Культура Возрождения и власть / редкол.: Л. М. Брагина (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1999. – С. 162–171.
14. Эльфонд, И. Я. Эволюция идей конституционализма во Франции XVI века / И. Я. Эльфонд // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян ; отв. ред. О. В. Дмитриева. – СПб. : Алетей, 2007. – С. 286–301.
15. Augustyniak, U. Państwo świeckie czy księżę? Spór o rolę duchowieństwa katolickiego w Rzeczypospolitej w czasach Zygmunta III Wazy. Wybór tekstów / U. Augustyniak. – Warszawa : Semper, 2013. – 688 s.
16. Bernacki, W. Myśl polityczna I Rzeczypospolitej / W. Bernacki. – Kraków : ARCANA, 2011. – 430 s.
17. Beza, T. On the Rights of Magistrates [Электронны рэсурс] / T. Beza ; transl. by H. L. Gonin ; ed. by P. S. Poole. – Рэжым доступу: <http://www.yorku.ca/comnine1/courses/3020pdf/Beza.pdf>. – Дата доступу: 21.02.2022.

18. Bodin, J. Six Books on the Commonwealth [Электронны рэсурс] / J. Bodin ; abrid. and transl. by M. J. Tooley. — Рэжым доступу: http://www.yorku.ca/comminel/courses/3020pdf/six_books.pdf. — Дата доступу: 14.03.2022.
19. Bortnik, I. Kultura polityczna szlachty Województwa Połockiego na przełomie XVI–XVII wieku w świetle instrukcji sejmikowych / I. Bortnik // *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*. — 2016. — T. 9. — S. 3–36.
20. Byliński, J. Marcin Broniewski — trybun szlachty wielkopolskiej w czasach Zygmunta III / J. Byliński. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. — 192 s.
21. Choińska-Mika, J. Obywatele u władzy : narodziny, rozkwit i zmierzch szlacheckiej republiki / J. Choińska-Mika // *Klio*. — 2013. — T. 26 (3). — S. 23–34.
22. Chowaniec, Cz. Poglądy polityczne rokoszan 1606–1607 wobec doktryn monarchomachów francuskich // *Reformacja w Polsce*. R. 3. — 1924. — Nr 11–12. — S. 256–266.
23. Ekes, J. Złota demokracja / J. Ekes. — Warszawa : Instytut Wydawniczy PAX, 1987. — 364 s.
24. Grześkowiak-Krwawicz, A. Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Pojęcia i idee / A. Grześkowiak-Krwawicz. — Toruń : Wyd-wo naukowe UMK, 2018. — 451 s.
25. Kriegseisen, W. Reformacja a geneza demokracji szlacheckiej / W. Kriegseisen // *Rocznik Teologiczny*. — T. LX. — 2018. — Z. 3. — S. 189–219.
26. Maciszewski, J. Wojna domowa w Polsce (1606–1609) : studium z dziejów walki przeciw kontrreformacji. Cz. 1 : Od Stężyca do Janowca / J. Maciszewski. — Wrocław : Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1960. — VI, 368 s.
27. Modrzewski, A. F. O poprawie Rzeczypospolitej / A. F. Modrzewski. — Lwów : Dr. J. Czamskiego w Samborze, 1882. — 556 s.
28. Na pismo potwarzające ludzie cnotliwe pod tytułem «Otóż tobie rokosz», wydane na ohydę rycerstwa na rokoszu będącego, prawdziwa i krótka odpowiedź // *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego: 1606–1608 : 3 t.* / wyd. J. Czubek. — Kraków : Akademia Umiejętności, 1918. — T. 3 : Proza. — S. 40–51.
29. Ogonowski, Z. Filozofia polityczna w Polsce i tradycje demokracji europejskiej / Z. Ogonowski. — Warszawa : PAN, 1992. — 175 s.
30. Opaliński, E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652 / E. Opaliński. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. — 347 s.
31. Pietrzyk-Reeves, D. Ład Rzeczypospolitej. Polska myśl polityczna XVI wieku a klasyczna tradycja republikańska / D. Pietrzyk-Reeves. — Kraków : Wydawnictwo UJ, 2012. — 465 s.
32. Pietrzyk-Reeves, D. O pojęciu «Rzeczpospolita» (res publica) w polskiej myśli politycznej XVI wieku / D. Pietrzyk-Reeves // *Czasopismo prawnohistoryczne*. — 2010. — T. LXII, z. 1. — S. 37–63.
33. Pobożnego ewangelika do braciej tegoż wyznania narodu polskiego i litewskiego przestroga i napomnienie, ręką p[ana] Kochlewskiego pisana [1595–1599, 1611] // Augustyniak, U. Państwo świeckie czy księżę? Spór o rolę duchowieństwa katolickiego w Rzeczypospolitej w czasach Zygmunta III Wazy. Wybór tekstów / U. Augustyniak. — Warszawa : Semper, 2013. — S. 179–234.
34. Rokosz Zebrzydowskiego. Materiały historyczne poprzedzone przedmową i rozprawą pod tytułem Konfederacja i rokosz w dawnym prawie państwowym polskim / wyd. A. Rembowski. — Warszawa : Druk. E. Lubowskiego i S-ki Mazowiecka, 1893. — XXX, [315], 535 s.
35. Skomiął, J. Ius resistendi w wiekach średnich. Zarys problematyki / J. Skomiął // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. — 2015. — Nr 2. — S. 63–93.
36. Sucheni-Grabowska, A. Wolność i prawo w staropolskiej koncepcji państwa / A. Sucheni-Grabowska. — Warszawa : Muzeum Historii Polski, 2009. — 271 s.
37. Volumina legum : w 9 t. / przedruk zbioru staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782 wydanego. — SPb. : Druk J. Ohryzki, 1859–1860. — T. 1 : Ab anno 1347 ad annum 1547. — 1859. — [21], 288, [12] p.

Бортнік І. А.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-17-26>

38. Volumina legum : w 9 t. / przedruk zbioru staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782 wydanego. — SPb. : Druk J. Ohryzki, 1859—1860. — T. 2 : Ab anno 1550 ad annum 1609. — 1859. — 483 s.
39. Wolan, A. De libertate politica sive civili. O wolności Rzeczypospolitej albo ślacheckiej / A. Wolan ; tłum. S. Dubin-gowicza ; oprac. M. Eder i R. Mazurkiewicz. — Warszawa : Neriton, 2010. — 478 s.
40. Zdanie bezimennego ewangelika o tolerancji religijnej w Polsce [1613—1615] // Augustyniak, U. Państwo świeckie czy księżę? Spór o rolę duchowieństwa katolickiego w Rzeczypospolitej w czasach Zygmunta III Wazy. Wybór tekstów. — Warszawa : Semper, 2013. — S. 235—260.

Бортнік Ігар Аляксандравіч,
кандыдат філасофскіх навук, дацэнт,
старшы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НПГКМЗ

И. А. Бортник

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII вв.

Определяются особенности формирования идей народного суверенитета в общественно-политической мысли Великого Княжества Литовского конца XVI — начала XVII вв. В качестве задачи для достижения поставленной цели рассматривается широкий общеевропейский контекст становления данных идей в Европе в позднем Средневековье и в раннее Новое время, в непосредственной зависимости от которого идеи народного суверенитета складывались в политическом дискурсе ВКЛ. Последние проявлялись в форме утверждений о народе как источнике всякой власти, о взаимоотношениях монарха и народа как результате взаимных договорных обязательств, о допущении сопротивления власти в том случае, если она приобретает черты тирании. Специфической чертой при этом выступает понимание народа как сообщества всего шляхецкого сословия (Речь Посполитая).

Ключевые слова: общественный договор, народный суверенитет, право, Речь Посполитая, шляхта.

Бортник Игорь Александрович, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Музея белорусского книгопечатания — филиала НПИКМЗ.

И. П. Воднева

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛОЦКОГО ЗАВОДА СТЕКЛОВОЛОКНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Рассматриваются особенности развития одного из градообразующих предприятий Полоцка во второй половине XX в. В качестве источников используются архивные документы, материалы периодической печати и воспоминания лучших работников предприятия, которые были удостоены звания «Почётный гражданин города Полоцка».

Ключевые слова: Полоцкий завод стекловолокна, звание «Почётный гражданин города Полоцка», периодическая печать Полотчины.

Очередной Пленум ЦК КПСС, который состоялся в мае 1958 г., одобрил мероприятия, намеченные Советом Министров СССР и направленные на увеличение до конца седьмой пятилетки (1961–1965) синтетических волокон в 4,6 раза, пластических масс и синтетических смол — в 8 раз, синтетического каучука — в 3,4 раза [42, с. 2]. На этой основе планировалось за короткий срок достичь небывалого расширения выпуска товаров первой необходимости для населения всего Советского Союза. Интенсивное развитие химической промышленности именно в БССР было обусловлено целым рядом предпосылок: потребностью со стороны сельского хозяйства, машиностроения и других видов промышленности, выгодным экономико-географическим положением, развитой транспортной сетью, обеспеченностью трудовыми ресурсами, источниками водоснабжения, укрепившейся энергетической базой региона [5, с. 48]. Бурное развитие химической промышленности нашло отражение и в социально-экономическом развитии Полоцка. Город относился в то время к наиболее благоприятным городам для первоочередного промышленного развития. Он располагал значительными по численности условно свободными трудовыми ресурсами, выгодным транспортным положением, удовлетворительными территориально-плановыми условиями, имел местную строительную базу, сравнительно высокий уровень оборудования жилищного фонда и достаточно развитую сеть культурно-бытового обслуживания населения. С учётом комплекса перечисленных условий у Полоцка было неоспоримое преимущество для первоочередного размещения в нём предприятий промышленности и строительства [5, с. 158]. Именно поэтому на базе строящихся корпусов новой швейной фабрики приказом Управления стекольной промышленности Совнархоза БССР в ноябре 1958 г. был введён в строй Полоцкий завод стекловолокна (ЗСВ), ставший впоследствии градообразующим предприятием [44, с. 102].

Свою первую продукция Полоцкий ЗСВ дал ещё в конце 1957 г., когда была частично сдана в эксплуатацию первая очередь завода. За октябрь–декабрь 1957 г. было выработано 7 т однонаправленного и непрерывного стекловолокна [44, с. 76]. На очередном собрании партийного актива в 1958 г. директор завода А. Ф. Чудинов отмечал: «Зараз няма амаль ніводнай галіны прымысловасці, якая не мела б патрэбы ў прадукцыі, што вырабляецца са шклавалакна. Наш малады калектыў сустрэў прапанову майскага Пленума ЦК КПСС як баявую задачу. Мы працуем над асваеннем новай галіны вытворчасці і маем некаторыя поспехі» [14, с. 2]. Но несмотря на это у предприятия в те годы были и проблемы: на начало лета 1958 г. не было полностью закончено строительство цехов завода, работы по монтажу сантехнического оборудования и вентиляции были выполнены лишь на 50–60 %, затягивалось строительство административного корпуса, отсутствовала столовая для рабочих. Со слов директора завода, это происходило из-за недофинансирования со стороны Управления стеклохимической промышленности Совнаркома БССР. Руководство предприятия прикладывало максимум усилий для завершения сдачи в эксплуатацию 1-ой очереди завода к концу 1958 г. Годовое производство составило 515 т [44, с. 103].

Ещё больше планов у заводчан было на будущее. В 1959 г. на сессии Полоцкого горсовета заместитель председателя исполкома С. П. Портнов отмечал: «У бліжайшае сямігоддзе ўступяць у строй 2-я чарга завода шкловалакна і цэх шклошарыкаў. Магутнасць завода ў параўнанні з 1958 г. павялічыцца ў 6 разоў. Ужо ў 1959 г. разгорнецца будаўніцтва новага вытворчага комплексу. У 1962 г. намечана газафікаваць завод. На вуліцах Камуністычнай, Гоголя, Пушкіна вырастуць шматпавярховыя жылыя дамы працаўнікоў. Праектуецца пабудаваць заводскі Дом культуры» [40, с. 2]. Реализовывать эту программу довелось уже новому директору предприятия Л. И. Григорьевой (рис. 1).

Рисунок 1 — Григорьева Лидия Ивановна — директор Полоцкого завода стекловолкна в 1963—1983 гг.

Лидия Ивановна Григорьева родилась в Абхазии. После окончания в 1952 г. Ивановского текстильного института она работала на заводе стекловолкна в г. Гусь-Хрустальном сначала руководителем смены, затем — начальником отделочного и ткацкого цехов. В 1957 г. Лидия Ивановна возглавила ткацкий цех на Полоцком ЗСВ, непродолжительный период занимала должность заместителя главного инженера, а с 1962 по 1983 гг. возглавляла само предприятие [22; 24; 25]. В 1987 г. она была удостоена звания «Почётный гражданин города Полоцка».

С начала 1960-х гг. расширение Полоцкого завода стекловолкна, открытие новых цехов и модернизация производства были поставлены на контроль не только со стороны городских и областных структур, но и союзных. На основании Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР № 795 от 23 июня 1958 г. к 1960—1961 гг. планировалось произвести увеличение мощности завода в 3 раза за счёт организации на его площади дополнительного производства объёмом 2 тыс. *т* стекловолкна в год [44, с. 118]. Кроме этого, в 1958 г. в окрестностях Полоцка началось строительство нефтеперерабатывающего завода. Вместе с расширяемым заводом стекловолкна Полоцк постепенно превратился бы в крупнейший центр химической промышленности Беларуси.

Уже с первых лет работы руководство Полоцкого ЗСВ своими главными задачами считало совершенствование технологического оборудования, отработку технологических процессов, механизацию и автоматизацию производства. На 2-й заводской конференции новаторов отмечалось, что на предприятии в 1959 г. работает 84 рационализатора, за первое полугодие внесено 103 рационализаторских предложения, в производство воплощено уже 57 предложений, а 31 предложение находится в стадии разработки. В целях расширения движения новаторов на предприятии проводятся конкурсы на лучшие рационализаторские предложения, постоянно выпускаются бюллетени рационализаторов [14, с. 2]. В 1960 г. количество заводских новаторов увеличивается. Как отмечала Л. И. Григорьева, на заводе насчитывается уже 140 рационализаторов, которые внесли за год более 200 полезных предложений: «Большасць з іх укаранёна ў вытворчасць і дала 1185 тыс. руб. эканоміі» [10, с. 3].

Согласно решениям Пленума ЦК КПСС 1958 г. внедрение на предприятиях новых технологий проходило в рамках годового планирования. Это экономило финансовые средства, тем самым уменьшая себестоимость

продукции: «Кожны інжынер і тэхнік павінны стаць рацыяналізатарам і зберагчы дзяржаве ў першым годзе сямігодкі не менш сумы гадавога фонду сваёй зароботнай платы» [1, с. 3]. Постоянно перед заводчанами озвучивались планы на будущее: «У сямігадовым плане калектыў нашага завода ўзяў на сябе вялікія абавязальствы. У 1963 г. мы павінны павялічыць выпуск прадукцыі ў 4 разы. Трэба пабудаваць другую чаргу завода, шкловарны цэх. Нам прадстаіць вялікая работа па механізацыі і аўтаматызацыі вытворчых працэсаў. Рацыяналізатары ў гэтую справу павінны ўнесці свой дастойны ўклад» [1, с. 3].

Для успешного развития рационализаторства руководство завода широко развернуло не только пропаганду новаторского движения, но и теоретическую подготовку среди рабочих и служащих. В школах рационализаторов можно было получить знания по основам физики, механики, черчения и металловедения. В эти же годы Л. И. Григорьева в рамках семинара по изучению экономики социалистических предприятий читала лекции для помощников мастеров завода. Позже Лидия Ивановна вспоминала, что все теоретические выкладки на занятиях она обязательно дополняла практикой, много примеров брала конкретно из опыта работы ткацкого цеха, которым сама руководила несколько лет: «У прыватнасці, наглядна паказвала, што рост прадукцыйнасці працы вышэй там, дзе лепшы стан абсталявання, а значыць меншы расход дапаможных матэрыялаў. У якасці станоўчага прыкладу выступае камплект № 7, дзе працуюць слухачы семінара Вязаў і Кустоў. Тут у выніку добрай арганізацыі працы, умелага выкарыстання абсталявання ўсе рабочыя перавыконваюць нормы, дабіваюцца высокай якасці прадукцыі» [9, с. 2]. Большую работу по созданию и укоренению новой техники и улучшению технологических процессов проводили сотрудники заводской научно-исследовательской лаборатории и конструкторского бюро. В 1962 г. укоренение рационализаторских предложений дало Полоцкому стеклозаводу 3978 руб. годовой экономии [1, с. 2].

Широкое движение на Полоцком заводе стекловолокна получило и социалистическое соревнование за досрочное выполнение годовых производственных программ [21, л. 191]. Соревнование по примеру московских предприятий активно внедрялось как среди цехов, смен, бригад полоцких предприятий, так и среди коллективов из других городов республики. В 1961 г. Л. И. Григорьева в составе 12 членов комиссии Полоцкого горкома КПБ посетила ведущие предприятия г. Орши, с рабочими и служащими которых соревновались полочане. Будущий директор Полоцкого ЗСВ обратила внимание на техническое оснащение и культуру производства оршанцев, их наглядную агитацию, культурный отдых работников предприятий и их детей [11, с. 2]. Позже, став во главе Полоцкого ЗСВ, Л. И. Григорьева многое из увиденного реализовала на практике. Стеклозаводчане, работая под девизом «Передай свои знания, умения товарищу по работе, своевременно приди на помощь отстающему, чтобы добиться общего подъёма», стремились получить почётное звание предприятия коммунистического труда, прикладывая к этому немало общих усилий [32, с. 3]. Согласно статистическим данным, в 1960 г. практически каждый третий работник завода участвовал в соцсоревновании за звание ударников и бригад коммунистического труда [31, с. 2]. 4 бригадам и 37 работникам уже было присвоено это почётное звание: «Сацыялістычнае спаборніцтва, укараненне ў вытворчасць механізацыі і аўтаматызацыі, агульнаадукацыйная вучоба прыносілі добрыя плады. План першага паўгоддзя 1960 г. выкананы на 106,5 %. Датэрмінова завершаны план 7 месяцаў. Радуюць і якасны паказчыкі. Па выніках работы за другі квартал 1960 г. калектыву прадпрыемства прысуджаны пераходны Чырвоны сцяг Саўнаргаса БССР і Белсаўпрафа і першая грашовая прэмія ў суме 200 тыс. рублёў» [31, с. 2].

К 1100-летнему юбилею города, который отмечали полочане в 1962 г., Полоцкий завод стекловолокна подходил с хорошими показателями. Председатель Полоцкого исполкома Н. П. Клепацкая отмечала: «Слава індустрыяльнага Полацка — завод шклянога валакна. У вялікіх і светлых карпусах з блакітнымі вокнамі працуе тысячы людзей. Яго каштоўная прадукцыя знаходзіць шырокае прымяненне ў народнай гаспадарцы краіны. Завод расшыраецца. У гэтым годзе ў строй уступіць 2-я чарга завода. Аўтаматыка зойме галоўнае месца на прадпрыемстве. Сёлета шклозаводцы ў 2 разы павялічаць выпуск тканіны» [29, с. 2].

Однако несмотря на рост производственных показателей, широкую индустриализацию, активное проведение социалистических соревнований за досрочное выполнение годовых производственных программ, у завода было много проблем. На страницах местной газеты в постоянной рубрике «Рабкораўскі пост паведамляе» печатались статьи о недоработках на отдельных производственных участках, например, при пуске

2-й очереди завода стекловолокна, которая относилась к числу ударных строек семилетки по республике: «Из-за просчётов проектировщиков сдерживались темпы работ, что удорожало строительство. На заводе были срывы в монтаже вентиляционного оборудования и поставках стройматериалов для кислотного цеха, проблемы в прокладке теплотрассы. Оставался открытым вопрос и с отселением семей для расширения территории завода. При этом сроки сдачи объектов в эксплуатацию никто не менял» [38, с. 2]. Вопросы о недоработках на строящихся объектах, ошибках и промахах политбюро, о неиспользованных возможностях и резервах постоянно обсуждались на отчётно-выборных партийных собраниях заводчан. Политбюро критиковало за беспринципность в решении ряда задач: «...своечасова не заўважала ценявыя бакі гаспадарчага кіраўніцтва, а калі намячаўся яўны правал, толькі тады гэта становілася прадметам абмеркання» [4, с. 2].

К середине 1960-х гг. в СССР, несмотря на достижения в социально-экономическом развитии, наблюдались серьёзные разногласия среди высшего партийного руководства в вопросах управления народно-хозяйственным комплексом. В октябре 1964 г. Н. С. Хрущёв был освобождён от занимаемой должности. Первым секретарём ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев. Новое руководство страны понимало, что требовался кардинальный поворот в организации экономической жизни, назрела хозяйственная реформа. Начало её было положено в 1965 г. мартовским Пленумом ЦК КПСС, принявшим постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Следующим шагом в осуществлении реформы стал сентябрьский Пленум ЦК КПСС, который принял новое постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [45, с. 314]. Эти документы и положили начало крупномасштабной экономической реформе, которая активно реализовывалась в последующие годы, в том числе и на Полоцком ЗСВ.

С середины 1960-х гг. Полоцкий стеклозавод демонстрировал высокие темпы производства [27, с. 119]. Он был в числе первых, кто перешёл в городе на новые методы планирования и экономического стимулирования. Директор завода Л. И. Григорьева постоянно выступала перед заводчанами и разъясняла условия работы в рамках новой экономической реформы: «Кіраўніцтвам завода былі прааналізаваны і перагледжаны нормы выдаткавання сыравіны, дапаможных матэрыялаў, электраэнергіі. Прыняты эфектыўныя меры па паляпшэнню выкарыстання вытворчых магутнасцей і поўнаму асваенню абсталявання. Паўсюдна распрацаваны і ўжо прымяняюцца палажэнні аб выплаце грашовых ўзнагарод па выніках работы за месяц і квартал. Ва ўмовах новай рэформы матэрыяльнае заахвочванне кожнага працаўніка пастаўлена ў прамую залежнасць ад паспяховай работы прадпрыемства. За кошт дадатковых прыбыткаў будучь расці сумы адлічаныя на развіццё вытворчасці, на сацыяльна-культурныя мерапрыемствы, будаўніцтва новых дамоў. Цікавая з'ява: рабочыя становяцца сапраўднымі гаспадарамі вытворчасці. Эканамічная рэформа мяняе чалавечы характар. Яна павышае не толькі матэрыяльную зацікаўленасць, але і грамадскую актыўнасць» [8, с. 3]. Успешным показателем внедрения в производство новых методов работы стали и конкретные цифры по предприятию. На начало 1968 г. основные цеха завода для материального стимулирования работников уже могли использовать 637 тыс. руб., сэкономленных в ходе перевыполнения плана по основным показателям на 15 % [12, с. 2]. Перевыполнение планов происходило и в дальнейшем. Это позволило предприятию на протяжении почти 60 кварталов подряд выходить победителем в соцсоревновании и получать переходящее Красное знамя Всесоюзного Министерства и ЦК профсоюзов [35; 41; 8]. В интервью, которое давала в 1968 г. в рамках празднования 10-летнего юбилея директор завода Л. И. Григорьева, отмечалось, что продукция Полоцкого ЗСВ поставляется более чем 500 предприятиям Советского Союза и за рубеж [23, л. 191]. Впервые в СССР Полоцкий завод стекловолокна освоил производство декоративной гладкоцветной стеклоткани и кремнезёмных стекловолокнистых материалов [8, с. 3]. На заводе постоянно укоренялись достижения науки и техники, новые технологии, прогрессивные формы организации труда и производства. Автоматизация ткацких станков позволила увеличить зону обслуживания, повысить продуктивность и значительно снизить себестоимость продукции [41, с. 2]. Постоянно выступая перед коллективом, Л. И. Григорьева обращала внимание на то, что главной движущей силой предприятия является соцсоревнование: «Оно рождает массовый героизм, горячее стремление работать лучше, завоёвывать новые рубежи...» [13, с. 2]. Л. И. Григорьева не просто озвучивала общие цифры, она постоянно называла фамилии лучших работников производства: «Вялікі

працоўны поспех мы заваявалі настойлівай, стараннай працай. У спаборніцтве кожны імкнецца ўнесці свой дастойны ўклад у выкананне ўзятых абавязацельстваў. Больш 200 рабочых датэрмінова ў 1970 г. завяршылі свае пяцігодкі. Сярод іх ткачыкі А. В. Разумава і С. В. Цура, снавальшчыцы Н. А. Малышава, А. В. Бародзіч, Е. І. Яўсеенка, аператары Л. Д. Быхавец, Н. А. Галавань і іншыя». Лидия Ивановна, по воспоминаниям своей подруги Валентины Павловны Ильяшенко, всегда любила и уважала работников завода, была с ними открыта, помогала в решении производственных и личных проблем [19]. Доброту и человеколюбие директора завода можно заметить и при анализе её интервью, которые публиковались на страницах местных газет: «Славу, працоўную біяграфію прадпрыемства ствараюць людзі, той, хто стаіць каля шклоплавільных агрэгатаў, хто абслугоўвае ткацкія станкі, задумваецца над чарцяжамі і разлікамі. Кожны, пачынаючы ад рабочага і канчаючы інжынерам, уносіць часціцу сваёй працы ў агульную справу» [42, с. 2].

Ежегодно в 1970-е гг. показывать высокие результаты по всем показателям Полоцкому ЗСВ позволяло и постоянное повышение квалификации рабочих, изучение новых форм и методов работы. На предприятии выбирались инструкторы-наставники, которые имели профильное образование, большой стаж работы, высокие моральные качества и умение передавать свой профессиональный опыт. Кроме этого руководством организовывались производственные технические курсы, школы по изучению передовых методов труда [36, с. 3]. В числе тех, кто в те годы показывал наиболее успешную работу с высоким качеством продукции, была крутильщица О. П. Кундалевич (рис. 2).

Рисунок 2 — Кундалевич Ольга Петровна — крутильщица Полоцкого завода стекловолокна в 1964—1992 гг.

Неоднократно материалы о Кундалевич публиковались на страницах газеты «Сцяг камунізма», где в интервью Ольга Петровна рассказывала, что на завод она пришла работать в августе 1964 г. [20]. Только 2 месяца вместо 4-х была учеником крутильщицы. Сначала обслуживала 58 веретён, со временем дошла до 264, а потом и до 352. Уже к середине 1970-х гг. она постоянно была ударником коммунистического труда, имела Ленинскую юбилейную медаль (1970) и Почётную грамоту Министерства химической промышленности [34, с. 1]. В середине 1980-х гг. Ольга Петровна была награждена орденом Трудовой Славы III степени, удостоена званий «Лучший по профессии», «Отличник качества», «Мастер золотые руки». Её считали одной из лучших размотчиц в СССР [30, с. 2—3]. В 1983 г. Ольга Петровна стала лауреатом Государственной премии СССР, которую передала в Советский фонд мира [20]. В благодарственном письме на её имя пред-

седатель Правления фонда А. Е. Карпов отмечал: «Своим самоотверженным трудом вы стали лучшей работницей химической промышленности. Присущие вам аккуратность, старание, мастерство стали слагаемыми высокой производительности, воплощением профессиональной гордости рабочего человека»*. Когда у Ольги Петровны спрашивали, как ей удалось достичь таких высот, она отвечала: «Асабістых сакрэтаў маёй работы няма. Проста да сваіх абавязкаў адношуся па-рабочаму шчыра, як і належыць кожнаму добра сумленнаму чалавеку. Заступаю на змену і ўсе 360 мінут аддаю справе. Канечне, рабочае месца загадзя падрыхтавана. Пераканана, што да работы трэба адносіцца з душой, калі хочаш мець добры вынік. Вядома, працаваць прыходзіцца з вялікім напружаннем, бо абслугоўваю 352 верацёны. Гэта амаль 3 зоны» [37, с. 3]. Один из корреспондентов, который наблюдал за работой О. П. Кундалевич, написал: «Назіраю за працай Вольгі Пятроўны. Лёгка рухаецца яна ўздоўж машын з верацёнамі. Уся — увага. Спрытна, лёгка і весела працуюць яе ўмелыя рукі. Працоўныя навыкі даведзены да дасканаласці» [30, с. 2—3]. О. П. Кундалевич не один год была наставником молодёжи. К середине 1980-х гг. у неё уже было более 40 учениц, которые так же, как и учитель, со временем вошли в число лучших работниц предприятия. Среди них А. Есипёнок, Т. Сундукова, Т. Корзун. Ольга Петровна вела также и активную общественную работу [8, с. 3]. Она постоянно выступала на собраниях, участвовала в обсуждении злободневных проблем, высказывала конкретные предложения и по улучшению производственной деятельности. В характеристике, подписанной директором завода Л. И. Григорьевой, указывалось, что О. П. Кундалевич была членом рейдовой бригады и товарищеского суда цеха. При личной встрече в 2016 г. Ольга Петровна о своих общественных нагрузках говорила, что к поручениям относилась с пониманием, а на встречи по квартирам с теми, кто отличался недисциплинированностью, иногда ходила с супругом [20]. В 1987 г. она была удостоена звания «Почётный гражданин города Полоцка».

На Полоцком ЗСВ движение наставничества постоянно расширялось, партийные и профсоюзные организации проводили большую работу по трудовому и моральному воспитанию молодёжи. В число учителей привлекали не только передовиков производства, но и ветеранов труда и Великой Отечественной войны. В 1970-е гг. на заводе существовал Совет наставников, который работал на основе специального Положения и памятки. На начало девятой пятилетки (1976—1980) в его составе числилось 95 человек. «Маяком» наставников считался слесарь участка ремонта технологического оборудования Герой Советского Союза С. А. Пашкевич [4, с. 312] (рис. 3).

Степан Афанасьевич Пашкевич родился в 1921 г. в Полоцке. В годы Великой Отечественной войны служил командиром отделения особого моторизованного понтонно-мостового батальона. За успешное выполнение боевого задания в декабре 1944 г. (форсирование Днепра на территории Румынии) был награждён орденом Ленина и Золотой Звездой «Герой Советского Союза». В 1947—1963 гг. работал на ответственных должностях в Полоцке, Докшицах, Шарковщине и Сиротине. В 1963—1991 гг. был слесарем на Полоцком заводе стекловолокна. Ещё в годы Великой Отечественной войны С. А. Пашкевич вступил в ряды Коммунистической партии. В 1960—1980-е гг. он неоднократно избирался членом бюро горкома КПБ, членом заводского партбюро [37, с. 1]. В 1974 г. парторг ЗСВ К. Кирпичёнок о С. А. Пашкевиче отзывался так: «Гонар завадскога парткома С. А. Пашкевіч. Ён увасабляе ў сябе ўсе якасці, якія ўласцівы партыйцу: ціпласць і прынцыповасць, душэўнасць і непрымірымасць да зла, беззапаветную адданасць ленінскаму сцягу. Пасля заканчэння работы слесар не адразу ідзе дамоў. Партыйныя даручэнні патрабуюць іншы раз затрымацца на вытворчасці. Настаўніку-агітатару неабходна пагаварыць з юнакамі, якія аступіліся, сустрэцца з моладдзю як палітінформатару па ваенна-патрыятычнаму выхаванню» [28, с. 2]. Степан Афанасьевич, несмотря на высокие боевые награды и ответственные должности, которые он занимал в послевоенное десятилетие, был прост в общении, трудолюбив, дисциплинирован. Именно поэтому он стал примером для молодого поколения стеклозаводчан. Его часто приглашали в качестве политинформатора на тематические вечера, лекции, где он рассказывал о событиях времён Великой Отечественной войны, роли советской армии в современном мире и в обороне страны [7, с. 2]. Главный механик завода А. В. Старовойтов, он же — руководитель агитколлектива предприятия,

*Информация взята из источника: письмо на имя О. П. Кундалевич из фондов НПИКМЗ (КП 201331).

неоднократно присутствовал на таких мероприятиях и давал оценку выступлениям С. А. Пашкевича: «Степан Афанасьевич с молодыми людьми всегда легко общается и во время, и после своего выступления. Эти встречи он считает важными в деле воспитания чувства советского патриотизма и интернационализма. Он относится к ним с большой ответственностью» [39, с. 2]. О С. А. Пашкевиче, который в 1979 г. был удостоен звания «Почётный гражданин города Полоцка», неоднократно публиковались материалы и на страницах местной газеты: «Сцяпан Афанасьевіч добра працуе на заводзе, актыўна ўдзельнічае ў грамадскім жыцці. Ён часта праводзіць гутаркі з маладымі рабочымі, піянерамі і школьнікамі. Прастата і сціпласць, душэўная чуласць і жаданне дапамагчы таварышу спалучаецца ў камуніста Пашкевіча з высокай прынцыповасцю. Ён заўсёды гатовы дапамагчы чалавеку сваім вопытам і павагай, падтрымаць у цяжкую мінуту, а, калі трэба, то прама і адкрыта сказаць аб недахопах» [7, с. 2]. Свой твёрдый характер С. А. Пашкевич показал и на одной из заводских партийных конференций, где с возмущением говорил о тех, кто позорит заводской коллектив. «Мы часта ліберальнічаем з парушальнікамі дысцыпліны і грамадскага парадку, не вядзем прынцыповай з імі барацьбы. Перавод на ніжэй аплачваемыя работы — разумны сродак выхавання, але такіх работнікаў нельга пакідаць па-за ўвагай» [17, с. 2].

Рисунок 3 — Пашкевич Степан Афанасьевич — слесарь Полоцкого завода стекловолокна в 1963–1991 гг.

Полоцкий завод стекловолокна в 1970-е — первой половине 1980-х гг. постоянно расширял ассортимент своей продукции. В 1971 г. цех стеклопластиков освоил выпуск лыжных палок. Этот товар был в то время в постоянном дефиците из-за сырья — импортного бамбука и тонкой алюминиевой трубки. Полоцкие технологи разработали собственную конструкцию, где вместо опорного кольца впервые применили асимметричную лапку. Среди авторов конструкции, за которую коллектив разработчиков был удостоен бронзовой медали ВДНХ, был и Яков Александрович Борисов (рис. 4). Позже в личной беседе он вспоминал, что сам победитель Чемпионата мира и Олимпийских игр В. П. Веденик приезжал на завод, чтобы выразить благодарность за стеклопластиковые лыжные палки [18].

Я. А. Борисов пришёл работать на завод в 1960 г. после демобилизации из армии. Имея за плечами небольшой трудовой стаж и вечерние курсы, он по направлению завода поступил учиться на энергетический факультет БПИ. В 1966 г. после окончания вуза возвратился назад и возглавил новый небольшой цех по производству стеклопластиков на основе стекловолокна и жидких смол, который уже в 1967 г. выпустил свою первую продукцию — пятизвеньевые удилища [44, с. 170]. Эти товары народного потребления продавались

не только в магазинах СССР, но и в Болгарии, Польше, Венгрии, Чехословакии [44, с. 203]. Яков Александрович был человеком инициативным, он стал автором 35 рационализаторских предложений, которые были внедрены в производство [44, с. 277]. В 1983–1998 гг. он возглавил Полоцкое производственное объединение «Стекловолокно». Л. И. Григорьева видела в своём приемнике «...смелого реформатора, руководителя, способного преодолеть зигзаги экономической системы и время доказало это» [44, с. 317]. Ещё будучи начальником цеха, Я. А. Борисов был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а в должности директора предприятия получил звание «Почётный химик СССР». В 1968–1972 гг. на Полоцком ЗСВ было освоено 26 видов новых изделий, в числе которых, например, была фильтрующая рукавная ткань для цементной промышленности, получившая Государственный знак качества. На награждении директор завода Л. И. Григорьева сказала: «Многа бывае незабыўных дат у жыцці калектыву. Мы памятаем, калі радаваліся выпуску першай тканіны, калі выйшлі пераможцамі ва Усесаюзным спаборніцтве. Сёння новая хваляючая падзея ў нашым калектыве. Першымі ў горадзе заводу ўручылі Знак якасці прадукцыі, якая вырабляецца залатымі рукамі нашых аператараў, круцільшчыц, размотчыц, ткачоў» [26, с. 1].

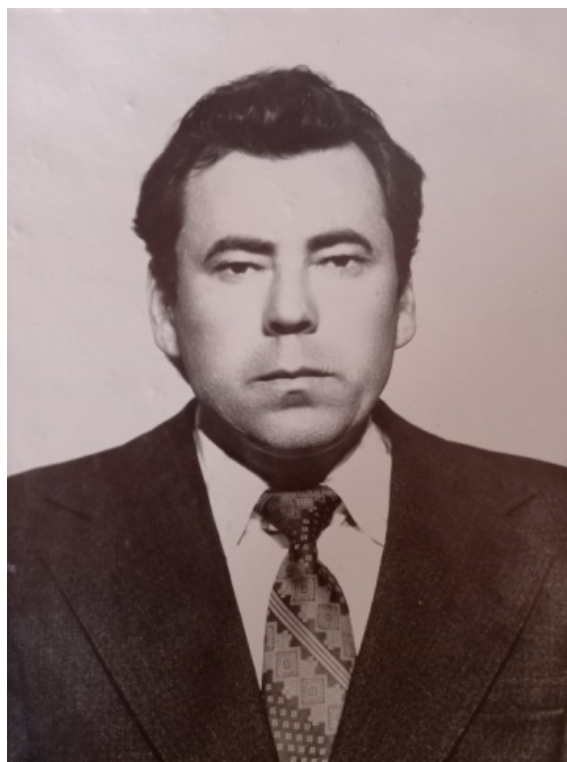

Рисунок 4 — Борисов Яков Александрович — директор ППО «Стекловолокно» в 1983–1998 гг.

Благодаря успехам коллектива и выполнению планового задания, в годы восьмой (1966–1970) и девятой (1971–1975) пятилеток постоянно расширялись отчисления в фонд завода, что позволяло развивать социальный сектор. В 1972 г. было закончено сооружение парка культуры и отдыха, к концу года вошёл в строй Дом физкультуры с 2-мя спортивными залами и единственным в городе плавательным 25-метровым бассейном. Тогда же начала работу детская спортивная школа по плаванию, ежегодно стали проходить соревнования на кубок Героя Советского Союза С. А. Пашкевича [33, с. 4]. Новые корпуса повились и в заводском пионерском лагере на берегу оз. Суя, а в санатории-профилактории было установлено новое оборудование, на берегу р. Туровлянка была создана семейная база отдыха, куда провели водопровод и электроснабжение. К местам загородного отдыха стеклозаводчан в 1971 г. была проложена новая заасфальтированная подъездная дорога [44, с. 215]. В том же году были введены в строй два новых детских сада, а в 1974 г. открыт долгожданный Дворец культуры с залом на 700 мест [6, с. 2].

В 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О расширении Полоцкого завода стекловолокна на основе импортного технологического оборудования и закупки за рубежом новой технологии». С 1976 г. на площадке за городом в районе д. Ксты началось масштабное строительство. К сожалению, не всё выполнялось своевременно, у предприятия было много проблем, о чём сообщали материалы СМИ во второй половине 1970 — начале 1980-х гг. Из-за срывов подрядчиками сроков сдачи объектов произошла смена главной строительной компании, а у нового подрядчика — треста «Нефтестрой» — были проблемы с доставкой материалов и рабочих, из-за чего шла постоянная корректировка планов [2; 3]. Лишь в 1983 г. была введена в строй 1-я очередь нового производства, которое возглавил уже Я. А. Борисов. Именно он в качестве руководителя группы специалистов ездил в Англию на фирму «Вудл Дакхам», которая занималась одностадийной выработкой стекловолокна. Опыт, полученный у зарубежных коллег, успешно был применён на практике. Уже в мае 1984 г. Я. А. Борисов открывал торжественный митинг по случаю выпуска одностадийной нити на Полоцком стеклозаводе [15, с. 1]. Так у Полоцкого ЗСВ начиналась новая страница истории.

Таким образом, на протяжении первых 25 лет своего развития Полоцкий завод стекловолокна прошёл путь от зарождения до превращения в крупнейшее промышленное предприятие БССР, поставляющее свою продукцию по всему Советскому Союзу. В первое десятилетие своего существования, которое пришлось на годы шестой (1956—1960) и седьмой (1961—1965) пятилеток, упор делался на применение достижений научно-технического прогресса. Основные трудоёмкие процессы на ЗСВ успешно модернизировались. Руководством заводов и общественными организациями приветствовалось рационализаторство, высоко оценивались успехи полочан — победителей соцсоревнований за досрочное выполнение годовых производственных показателей. С середины 1960-х гг., после проведения экономической реформы, Полоцкий завод стекловолокна стал использовать новые методы хозяйствования и стимулирования работников. Директор завода Л. И. Григорьева всегда отмечала успехи лучших работников предприятия, достойно оценивая труд каждого передовика производства. Среди тех, кто отличился в те годы, были Я. А. Борисов, С. А. Пашкевич, О. П. Кудалевич, удостоенные впоследствии звания «Почётный гражданин города Полоцка». Введение новых методов работы в годы восьмой (1966—1970) и девятой (1971—1975) пятилеток позволило Полоцкому ЗСВ создавать конкурентоспособную продукцию, которая пользовалась спросом на мировом рынке. Работники предприятия спустя годы отмечали, что сэкономленные средства активно использовались для развития социальной сферы. Архивные документы свидетельствуют о строительстве для заводчан жилья, детских садов, введение в строй санатория-профилактория (1965), турбазы, Дома физкультурников, Дворца культуры. Пуск первой стекловаренной печи в мае 1984 г. на новой площадке за городом стал вторым рождением Полоцкого ЗСВ, предприятия с законченным технологическим циклом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баранаў, Л. Засядае савет майстроў / Л. Баранаў // Сцяг камунізма. — 1975. — 21 мая. — С. 2.
2. Барэйша, М. А. Побач працуе цэх / М. А. Барэйша // Сцяг камунізма. — 1983. — 17 мая. — С. 2.
3. Барэйша, М. А. У чаканні зялёнай вуліцы / М. А. Барэйша // Сцяг камунізма. — 1983. — 24 верас. — С. 1.
4. Берагчы добрае імя завода // Сцяг камунізма. — 1962. — 18 ліп. — С. 2.
5. Богданович, А. В. Города Белоруссии : краткий экономический очерк / А. В. Богданович, П. А. Сидоров. — Минск : Наука и техника, 1967. — 188 с. : с картосхемами.
6. В'юненька, З. Адпачынак людзей — наш клопат / З. В'юненька // Сцяг камунізма. — 1974. — 19 чэрв. — С. 2.
7. Вазьмі сабе ў прыклад героя // Сцяг камунізма. — 1973. — 27 сак. — С. 2.
8. Грыгор'ева, Л. Больш прадукцыі пры найменшых затратах / Л. Грыгор'ева // Сцяг камунізма. — 1967. — 28 мая. — С. 3.
9. Грыгор'ева, Л. І. Галоўнае ў прапагандысцкай рабоце — сувязь з жыццём / Л. І. Грыгор'ева // Сцяг камунізма. — 1960. — 12 ліст. — С. 2.
10. Грыгор'ева, Л. І. Уклад ў сямігодку / Л. І. Грыгор'ева // Сцяг камунізма. — 1961. — 1 студз. — С. 3.
11. Грыгор'ева, Л. І. Што мы бачылі ў Оршы / Л. І. Грыгор'ева // Сцяг камунізма. — 1961. — 21 снеж. — С. 2.

12. Грыгор'ева, Л. Май юбілейнага года / Л. Грыгор'ева // Сцяг камунізма. — 1968. — 1 мая. — С. 2.
13. Грыгор'ева, Л. Раўненне на сцяг / Л. Грыгор'ева // Сцяг камунізма. — 1971. — 7 ліст. — С. 2.
14. Дзяржаць, тварыць у імя пяцігодкі // Сцяг камунізма. — 1959. — 21 ліп. — С. 2.
15. Ёсць шкляная нітка // Сцяг камунізма. — 1984. — 18 мая. — С. 1.
16. Жарчанка, В. На рубяжах / В. Жарчанка // Сцяг камунізма. — 1983. — 6 мая. — С. 3.
17. За добрае імя завода // Сцяг камунізма. — 1970. — 30 кастр. — С. 2.
18. Записано автором 24.09.2017 г. от Борисова Якова Александровича, 1938 г. р., проживающего в г. Полоцке.
19. Записано автором 20.05.2018 г. от Ильяшенко Валентины Павловны, 1931 г. р., проживающей в г. Полоцке.
20. Записано автором 24.08.2016 г. от Кундалевич Ольги Петровны, 1944 г. р., проживающей в г. Браславе.
21. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). — Ф. 658. Оп. 1. Д. 252.
22. ЗГАП. — Ф. 2219. Оп. 4. Д. 14.
23. ЗГАП. — Ф. 2219. Оп. 4. Д. 32.
24. ЗГАП. — Ф. 2219. Оп. 4. Д. 54.
25. ЗГАП. — Ф. 2219. Оп. 4. Д. 58.
26. Знак якасці — шклотканіне // Сцяг камунізма. — 1971. — 17 ліп. — С. 1.
27. Ипполитов, Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических исторических исследованиях и некоторые методические подходы к их анализу [Электронный ресурс] / Г. М. Ипполитов. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-istochnikov-v-problemno-tematicheskikh-istoriograficheskikh-issledovaniyah-i-nekotorye-metodologicheskie-podhody-k-ih/viewer>. — Дата доступа: 21.08.2020.
28. Кірпічонак, К. Асабіста адказны / К. Кірпічонак // Сцяг камунізма. — 1974. — 18 крас. — С. 2.
29. Кляпацкая, Н. Другое нараджэнне / Н. Кляпацкая // Сцяг камунізма. — 1962. — 1 сак. — С. 2.
30. Ліхачоў, У. Ёсць дзве пяцігодкі / У. Ліхачоў // Сцяг камунізма. — 1984. — 1 жніўня. — С. 2–3.
31. Малахаў, А. На нашым заводзе / А. Малахаў // Сцяг камунізма. — 1960. — 4 жніўня. — С. 2.
32. Мелюшкевіч, Л. Мы прыдзём да перамогі камуністычнай працы / Л. Мелюшкевіч // Сцяг камунізма. — 1960. — 26 ліст. — С. 3.
33. На прыз героя // Сцяг камунізма. — 1975. — 19 сак. — С. 4.
34. На фінішы чацвёртага, вызначальнага // Сцяг камунізма. — 1974. — 3 снеж. — С. 1.
35. Права быць сцяганосцам // Сцяг камунізма. — 1972. — 23 мая. — С. 2.
36. Пудава, Г. Кожнаму рабочаму — высокую кваліфікацыю / Г. Пудава // Сцяг камунізма. — 1975. — 26 жніўня. — С. 3.
37. Пяцігодку — датэрмінова // Сцяг камунізма. — 1972. — 1 ліп. — С. 1.
38. Рашаючыя месяцы завода другой чаргі пуска шкловалакна // Сцяг камунізма. — 1962. — 1 ліп. — С. 2.
39. Старавойтаў, А. Усхваляванае слова палітінфарматара / А. Старавойтаў // Сцяг камунізма. — 1970. — 7 сак. — С. 2.
40. Сход гарадскога партыйнага актыву // Сцяг камунізма. — 1957. — 6 сак. — С. 2.
41. У адказ на ўзнагароду // Сцяг камунізма. — 1968. — 21 снеж. — С. 2.
42. У інтарэсах савецкага народа // Сцяг камунізма. — 1958. — 4 чэрв. — С. 2.
43. У калоне пераможцаў // Сцяг камунізма. — 1978. — 1 мая. — С. 1.
44. Шапиро, В. Основа жизни / В. Шапиро. — Минск : Ю. М. Сапожков, 1998. — 512 с.
45. Экономическая история Беларуси : учеб. пособие / В. И. Голубович [и др.] ; под ред. проф. В. И. Голубовича. — 5-е изд. — Минск : Современная школа, 2007. — 392 с.

Воднева Ирина Петровна,
магистр исторических наук, заведующий Краеведческим музеем —
филиалом НПИКМЗ

Е. П. Гриб

ИСТОРИЯ ПОЛОЦКОГО РЫБНОГО ЗАВОДА В 1944–1964 гг.

Рассматривается процесс развития Полоцкого рыбного завода в период 1944–1964 гг. На основе материалов Зонального государственного архива (г. Полоцк) даётся экономическая характеристика предприятия, рассматривается развитие структуры предприятия, анализируются основные производственные показатели, а также рассматриваются вопросы организации труда.

Ключевые слова: Полоцк, Полоцкий рыбзавод, Полоцкий рыбхоз, развитие промышленности.

Полоцкий рыбный завод (рыбзавод) был в числе первых предприятий, которые восстановили свою деятельность после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Предприятие было образовано на основании постановления СНК БССР и решения Полоцкого областного исполкома Совета депутатов трудящихся от 13.07.1944 г. в составе Витебского государственного рыбопромышленного треста Главного управления рыбной промышленности при СНК БССР. В годы оккупации на Полоцком рыбзаводе было «уничтожено и расхищено врагом товарно-материальных ценностей» на сумму 318 тыс. руб., кроме того был нанесён ущерб основным средствам производства на сумму 66,79 тыс. руб. [1, л. 12]. Для реализации плана по запуску производства на Полоцком рыбзаводе, восстановительные работы на котором начались 30 июля 1944 г., требовалось выделение средств на сумму 898,9 тыс. руб. За 1944 г. рыбаками трёх бригад Полоцкого рыбзавода было выловлено 28,8 ц рыбы-сырца. Из них облрыбтрестам было сдано 0,2 ц, а 28,6 ц поступило потребкооперации и другим организациям [3]. По состоянию на 31.12.1944 г. на балансе Полоцкого рыбзавода числилось 10 лодок (общей грузоподъёмностью 27 т), 1 деревянный ледник, 2 лошади и 4 деревянных санок, 3 невода [1, л. 14].

Приказом Витебского Госрыбтреста Главрыбпрома при СНК БССР от 20.01.1945 г. перед Полоцким рыбзаводом были поставлены задачи по укомплектованию административно-управленческого аппарата, юридическому оформлению завода, постройке новых орудий лова и рыбообрабатывающего посольного пункта. В связи с невыполнением планов по добыче рыбы, созданию и укомплектованию рыболовческих бригад, изготовлению орудий лова решением Полоцкого облисполкома Совета депутатов трудящихся от 16.03.1945 г. началась мобилизация трудоспособного населения для работ по восстановлению рыбного хозяйства Полоцкой области. За Полоцким рыбзаводом было закреплено 75 человек из Полоцкого, Ветринского, Дисненского и Докшицкого районов [2, л. 3–6, 22–23].

На начало 1945 г. Полоцкий рыбзавод имел 1 склад для продукции по улице Республиканской. Во второй половине 1945 г. началось строительство второго склада и рыбной базы. Среднесписочное число работников на 1 января 1945 г. составляло 42 человека. К середине 1945 г. ежедневный объём добычи рыбы тремя бригадами Полоцкого рыбного завода составил 500 кг. Ввиду отсутствия собственного транспорта выловленная рыба доставлялась средствами потребителей. Основным покупателем являлся Полоцкий горпищепромторг. 30 июня 1945 г. Полоцкий рыбзавод вошёл в подчинение к вновь образованному Полоцкому государственному рыбопромышленному тресту Главрыбпрома при СНК БССР.

Первым директором Полоцкого рыбзавода был Иванов Александр Иванович. Приказом по Главному управлению рыбной промышленности при СНК БССР № 65 от 27.03.1945 г. он был снят с должности как «...несправившийся с работой и не обеспечивший план рыбодобычи...» Новым директором стал Лещенко А. Ф. [2, л. 50]. Однако уже в октябре он был заменён на Чуприянова Григория Васильевича, который проработал в этой должности чуть менее 5 лет [8].

Таблица 1 – Директоры Полоцкого рыбного завода в 1944–1964 гг.

Ф. И. О	Годы в должности директора
Иванов Александр Иванович	июль 1944 г. – март 1945 г.
А. Ф. Лещенко	март – октябрь 1945 г.
Чуприянов Григорий Васильевич	октябрь 1945 г. – июль 1950 г.
Половников Николай Семенович	июль 1950 г. – февраль 1951 г.
Б. И. Макух	февраль 1951 г. – октябрь 1952 г.
Бутарин Михаил Владимирович	октябрь – декабрь 1952 г.
Бабусько Константин Егорович	декабрь 1952 г. – октябрь 1953 г.
Коников Абрам Хаймович	октябрь 1953 г. – июль 1955 г., октябрь 1956 г. – апрель 1962 г.
В. Ф. Шкиренко	июль 1955 г. – октябрь 1956 г.
Донской Николай Петрович	апрель 1962 г. – 1964 г.

На 01.01.1946 г. за Полоцким рыбзаводом числилось 3 ледника, 9 лодок, 14 лошадей, автомашина «Опель-Блитц», 2 телеги на железном и одна на деревянном ходу, 3 параконные повозки и одна бричка, 3 невода, 17 ставных сетей, один мутник и 5 бучей [4]. Укрепление материально-технической базы завода дало положительные результаты. Так, если в 1945 г. предприятием не были выполнены планы по основным показателям работы, то в 1946 г. коллективу Полоцкого рыбзавода удалось перевыполнить план по добыче рыбы на 27,5 % и по валовой продукции – на 32,4 %, продав организациям и населению более 740 ц продукции. Подсобное хозяйство Полоцкого рыбзавода дало 49,8 ц сена, 18 ц овощей и 0,8 ц культурных кормов [5]. По результатам 1946 г. бригада № 3 Гослова (бригадир – Александр Харченко) Полоцкого рыбзавода стала победителем социалистического соревнования, выполнив план добычи рыбы на 150 % [6]. Однако, стоит отметить, что на протяжении второй половины 1940-х гг. предприятие работало неритмично. В 1947 г. план по валовой продукции был выполнен на 54,6 %, в 1948 г. – на 110 %, в 1949 г. – на 74,3 %. В мае 1948 г. постановлением Совета Министров БССР Полоцкий рыбзавод был переименован в Полоцкое озёрно-рыбное хозяйство (рыбхоз). В 1949 г. выпуск рыбной продукции на Полоцком рыбхозе составил 1974 ц, что на 65 % больше, чем в 1947 г. и на 5,5 % больше, чем в 1948 г. [7; 10; 11, л. 24]. Среднесписочное число работников в 1949 г. составило 66 человек. В 1949 г. для увеличения производственных мощностей, улучшения качества продукции и расширения ассортимента было выделено 404 тыс. руб. Данная сумма была потрачена на строительство рыбопитомника «Навлица», цеха холодного копчения, ледового холодильника и сушильных печей [11, л. 11–12, 26].

В первой половине 1950-х гг. главными направлениями работы Полоцкого рыбхоза оставались добыча рыбы, скупка рыбы и раков от колхозов и населения на основании заключённых договоров, обработка рыбы и реализация рыбной продукции. В ноябре 1950 г. были завершены основные работы по строительству рыбопитомника в селе Навлица Ветринского района. Однако работы по зарыблению водоёмов, закреплённых за предприятием, начали проводить только в 1952 г. На начало 1950 г. за Полоцким рыбхозом было закреплено 85 водоёмов общей площадью 12 148 га, которые располагались в Полоцком, Россонском и Ветринском районах [9]. С присоединением в 1951 г. к Полоцкому рыбхозу в качестве участков Освейского и Ушачшского озёрно-рыбных хозяйств количество водоёмов увеличилось до 169, а общая площадь – до 27 005,5 га [13].

К 1952 г. Полоцкий рыбхоз обладал достаточной материально-технической базой, улучшилось положение в обеспечении транспортными средствами, увеличилось техническое оснащение рыбаков орудиями лова. Так, по состоянию на декабрь 1952 г. Полоцкий рыбхоз имел на учёте следующие здания и сооружения:

- в Полоцке — дом-контора, льдосолевой холодильник, сушилка, гараж, конюшня, сарай, ледник, бензосклад, копильный цех;
- в Россонах — конюшня;
- в Ушачах — дом-контора, ледник, сарай;
- в Навлице — химическая лаборатория, склад, конюшня, баня;
- в Освее — жилой дом, контора, сарай, приёмный пункт, ледник, материальный склад [17, л. 16].

Автопарк Полоцкого рыбхоза состоял из 7 машин марок ГАЗ ММ, ГАЗ-51 и ЗИС-150, а также 2 одноосных и 1 двухосного прицепа. Кроме того, за предприятием числилось 34 лошади, обеспеченные упряжью, санками и телегами. Флот Полоцкого озёрно-рыбного хозяйства был представлен 4 моторными и 39 гребными лодками. Орудия лова были представлены 22 неводами, 20 сетями, 130 мережами и 4 мутниками [17, л. 16–17].

На протяжении первой половины 1950-х гг. в Полоцком рыбхозе наблюдался как рост числа бригад, так и рост числа рыбаков, которые были задействованы в добыче рыбы. Так, если в 1950 г. на добыче рыбы работали 6 бригад Гослова, одна бригада из колхоза «Октябрь» и 5 человек по контракту, то в 1953–1954 гг. лов рыбы производился силами 11 бригад Гослова, рыболовецкими бригадами рыболовецкого колхоза им. Суворова и колхозов Полоцкого, Ушачского, Ветринского и Освейского районов. Общая численность рыбаков в бригадах Гослова увеличилась с 44 в 1950 г. до 100 в 1954 г. [12, л. 1–3; 14, л. 215–216; 17, л. 23]. Однако отмеченное увеличение числа рыбаков в бригадах не покрывало необходимость Полоцкого рыбхоза в рабочей силе, что наряду с проблемами в организации труда в бригадах, логистике доставки рыбаков к местам лова и добытой рыбы на участки приёма, недостаточным обеспечением орудиями лова, приводило к неудовлетворительным результатам работы предприятия. Коллектив Полоцкого озёрно-рыбного хозяйства на протяжении первой половины 1950-х постоянно недовыполнял планы по основным видам деятельности (см. таблицу 2) [12, л. 5–8; 14, л. 218–220; 16; 17, л. 13, 24–25].

Таблица 2 — Показатели работы и выполнения плана Полоцким озёрно-рыбным хозяйством в 1950–1954 гг.

Год	Добыча рыбы		Выпуск основных видов продукции		Валовая продукция	
	цент.	% от плана	цент.	% от плана	тыс. руб.	% от плана
1950	2663	76,1 %	2028	x	x	x
1951	x	x	4560	83,2 %	2098	82,9 %
1952	4363	72,7 %	3953,5	75 %	1824,7	75 %
1953	3147	72,3 %	3523,2	65,2 %	2097,4	87,6 %
1954	4407	77,3 %	4049,8	82,1 %	2215,9	82,5 %

Вторая половина 1950-х гг. для Полоцкого рыбхоза была связана с рядом реорганизаций в структурах управления предприятиями рыбной промышленности, расширением производства, внедрением механизации в процесс добычи рыбы, нестабильными показателями производственной деятельности и укоренением накопившихся проблем. В июле 1954 г. на базе предприятий Главного управления рыбной промышленности Министерства промышленности продовольственных товаров БССР образовано Управление рыбной промышленности при Совете Министров БССР. Полоцкое озёрно-рыбное хозяйство переименовано в озёрно-рыбное хозяйство «Полоцк». В 1957 г. с ликвидацией Главрыбпрома при Совете Министров БССР предприятие было передано в ведение СНХ БССР.

В январе 1956 г. в озёрно-рыбном хозяйстве «Полоцк» введён в строй консервный цех. Однако новое структурное подразделение отработало лишь 190 дней против предусмотренных планом 234 дней. Это стало причиной невыполнения плана по выработке консервов — из предусмотренных планом 300 туб. (тысяча условных банок) было выпущено 251 туб., или 83,7 %. Из сданного на склад озёрного хозяйства количества консервов списано по актам бомбажа 730 банок и уценено 2600 банок, вследствие чего предприятию был нанесен материальный ущерб в размере 10 150 тыс. руб. [19, л. 4].

Для улучшения качества продукции и увеличения объемов производства на производственных участках Полоцкого рыбхоза в 1957 г. было установлено новое оборудование: в консервном цехе — второй автоклав и второй закаточный станок, в обрабатывающем цехе — мясорубка, что позволило освоить выпуск котлет, в котельной — второй паровой котел. Для механизации лова внедрено 4 катера-метчика, закуплено 2 льдобурильных агрегата [18, л. 158].

В 1956—1959 гг. за озёрным хозяйством «Полоцк» было закреплено 160 озёр площадью 28 315 га, которые располагались на территории 5 районов Витебской области (Полоцкий, Россонский, Ветринский, Освейский, Ушачский), а также 84 км р. Западной Двины. Однако лов рыбы в отмеченный период производился не на всех озёрах, а лов на р. Западная Двина был не систематическим [19, л. 1—3; 21, л. 1].

Как и в предыдущий период, так и во второй половине 1950-х гг. озёрный хозяйством «Полоцк» работал нестабильно: планы по выпуску основных видов продукции, добыче рыбы и валовой продукции не выполнялись (см. таблицу 3). В то же время, стоит отметить, что увеличение процента выполнения плановых показателей в 1956—1958 гг. по сравнению с 1955 г. связано, в первую очередь, с их снижением. Так, в 1955 г. план добычи рыбы составлял 6900 ц, а в 1956—1958 гг. — от 4700 до 5000 ц [15; 18, л. 159; 19, л. 2—3; 20]. Исключением из неприглядной картины развития предприятия стал 1959 г., когда предприятие обеспечило перевыполнение плана по добыче рыбы на 17,9 %, выпуску продукции — на 32 % и валовой продукции — на 23 %. Успехи коллектива были отмечены присуждением в I квартале денежной премии в сумме в 7 тыс. руб., во II квартале — вручением переходящего Красного Знамени СНХ БССР и Республиканского Совета профсоюзов и денежной премии в сумме 14 тыс. руб., в III квартале — второго места в Республиканском соцсоревновании и денежной премии в сумме 10 тыс. руб. [21, л. 1—2].

Таблица 3 — Показатели работы и выполнения плана Полоцким озёрно-рыбным хозяйством в 1955—1959 гг.

Год	Добыча рыбы		Выпуск основных видов продукции		Валовая продукция	
	ц	% от плана	ц	% от плана	тыс. руб.	% от плана
1955	4307,8	62,4 %	3987,8	62,3 %	2122,2	55,5 %
1956	4538	92,6 %	х	х	2960,6	92,3 %
1957	3667	73,3 %	1967	65 %	2877	83,9 %
1958	4144	88,2 %	х	х	х	х
1959	5542,2	117,9 %	3122,1	132 %	4788	123 %

На протяжении второй половины 1950-х гг. руководство Полоцкого озёрного хозяйства искало решение проблемы обеспечения своих работников и их семей жильём. Как результат, обобществлённый жилищный фонд предприятия на 01.01.1960 состоял из 7 жилых строений, в которых проживало 57 человек. Среди жилых строений были одноэтажный дом на 5 квартир (ул. Пушкина, 26), двухэтажный дом на 4 квартиры (ул. Первомайская, 44), одноэтажный кирпичный дом на 2 квартиры (ул. Ветринское шоссе, 19а), одноэтажный дом щитовой конструкции (ул. Ветринское шоссе, 17а), деревянный двухкомнатный дом (с. Навлица, Ветринский район), деревянный многоквартирный дом (пос. Освея, Дриссенского района) [22].

В мае 1960 г. в соответствии с распоряжением СНХ БССР №576-р Полоцкий озёрный хозяйством был переименован в Полоцкий рыбзавод. В сентябре того же года приказом начальника Управления рыбной промышленности

при СНХ БССР в состав Полоцкого рыбозавода в качестве структурного подразделения был включён Лепельский рыбозавод [23]. Таким образом, к 1961 г. сформировалась следующая организационная структура Полоцкого рыбозавода:

- головное предприятие в Полоцке;
- 2 отделения: Лепельское и рыбопитомник «Навлица»;
- 6 рыбоприёмных пунктов.

В первой половине 1960-х гг. основными направлениями деятельности рыбозавода были лов рыбы, рыбообработка, производство рыбных консервов и воспроизводство рыбных запасов [24].

Для переработки рыбы на Полоцком рыбозаводе имелся консервный цех производительностью 2 тыс. банок в смену, копильный цех производительностью 1 т рыбы холодного копчения и 0,5 т рыбы горячего копчения. На территории предприятия имелся аммиачный холодильник с камерой заморозки ёмкостью 1 т. Реализация рыбы и рыбопродукции производилась по нарядам Министерства торговли и Витебского облторготдела в основном на территории Витебской и Минской областей [25].

Территория промыслового лова Полоцкого рыбозавода в первой половине 1960-х гг. сократилась с 6 районов Витебской области в 1961 г. до 3 районов в 1964 г. За рыбозаводом в 1960–1962 гг. было закреплено 231 озеро площадью 34 908 га, из которых часть не облавливались ввиду их непромыслового значения, зарастания травой и обмеления. В 1964 гг. количество закреплённых водоёмов снизилось до 136, а общая площадь — до 25 243 га. Добыча рыбы осуществлялась бригадами государственного лова, звеньями для работы с мелкими орудиями лова, бригадами рыболовецких колхозов. В первой половине 1960-х гг. Полоцким рыбозаводом был налажен вылов рыбы механизированным способом при помощи катеров-метчиков для буксирования бригад по водоёмам и тяги неводов, а также механических лебедок для тяги неводов и подвесных лодочных моторов для работы мелкими орудиями лова [24; 25; 26].

В 1960–1964 гг. в деятельности Полоцкого рыбозавода можно отметить следующие тенденции:

- 1) устойчивое снижение численности бригад, звеньев и рыбаков, задействованных в лове. В 1960 г. на добыче рыбы Полоцким рыбозаводом работало 12 бригад и звеньев государственного лова, 2 бригады колхоза, 3 звена раколовов, в составе которых насчитывалось 110 человек, в 1964 г. — 5 бригад и 8 звеньев гослова, 1 бригада колхоза и 1 звено раколовов в составе 67 человек. Это стало причиной снижения общей численности работников на предприятии: с 193 чел. в 1960 г. до 138 чел. в 1964 г. В документах предприятия сложившееся положение объясняется политикой руководства колхозов и совхозов, которое лишает рыбаков приусадебных участков, запрещает выпас скота, не выделяет сенокосных участков, что вынуждает рыбаков уходить с предприятия;
- 2) устойчивое снижение объёмов улова (в 1960 г. было добыто 5944 ц рыбы, в 1961 г. — 4445 ц, в 1962 г. — 3309 ц, в 1963 г. — 3309 ц, в 1964 г. — 3083 ц) и как следствие — систематическое невыполнение планов по добыче рыбы. По мнению руководства предприятия, были завышены плановые показатели без учёта реального положения дел. Снижение объёмов улова можно объяснить не только существенным и устойчивым снижением интенсивности рыболовства, но и истощением рыбных запасов водоёмов, а также неудовлетворительными показателями зарыбления;
- 3) перевыполнение планов по выпуску валовой продукции в 1960, 1963 и 1964 г. (в 1960 г. — на 12,2 %, в 1963 г. — на 11,6 %, в 1964 г. — на 6,8 %) за счёт увеличения объёмов завозного сырья для производства консервов (с 637 ц за 1960 г. до 1609 ц за 1964 г.);
- 4) ежегодное перевыполнение планов по производству консервов (в 1960 г. — на 2,3 %, в 1961 г. — на 18,8 %, в 1962 г. — на 23,8 %, в 1963 г. — на 22,5 %, в 1964 г. — на 16,0 %) и систематическое невыполнение плана по производству рыбной продукции (в 1961 г. — 1303 ц, в 1962 г. — 1733 ц, в 1963 г. — 826 ц, в 1964 — 988 ц);
- 5) снижение убытков и выход предприятия на прибыльность по результатам деятельности в 1963–1964 гг. Так, в 1963 г. завод получил прибыль в размере 33,6 тыс. руб.; в 1964 г. — 26,8 тыс. руб. [27].

Таким образом, Полоцкий рыбный завод во второй половине 1940 – первой половине 1960-х гг. прошёл путь от восстановления производственных мощностей и формирования производственной структуры до вполне успешного предприятия, которое занимало одно из ведущих мест в рыбной промышленности Витебской области. Оно осуществляло деятельность по вылову рыбы, её переработке и реализации полученной продукции на рынках Витебской и Минской областей, производству рыбных консервов, выращиванию товарной прудовой рыбы и восстановлению рыбных запасов на водоёмах, закреплённых за заводом. Рост как общей численности работников Полоцкого рыбзавода, так и рыбаков в бригадах и звеньях государственного лова на протяжении конца 1940-х – 1950-х гг. сменился устойчивым снижением в первой половине 1960-х гг. В то же время на протяжении рассматриваемого периода отмечается улучшение в обеспечении рыбаков современными орудиями лова и средствами механизации, что позволило облегчить труд и более эффективно использовать рабочее время, а также в какой-то мере компенсировать снижение численности рыбаков. В вопросах выполнения основных плановых показателей Полоцкий рыбзавод на протяжении второй половины 1940-х – 1950-х гг. отмечался их систематическим невыполнением, за исключением отдельных лет. Однако в первой половине 1960-х г. отмечаются тенденции к стабилизации работы предприятия, что выражается в показателях выполнения плана по выпуску валовой продукции и производству рыбных консервов, а также в выходе рыбзавода на прибыльность в конце указанного периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бухгалтерский отчёт за 1944 год // Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 779. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 14.
2. Приказы Граврыбпрома БССР, Витебского госрыбтреста об утверждении планов лова, выпуска готовой продукции, охране водоёмов, организации оплаты труда рабочим-ловцам озёрно-речного рыболовства // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–6, 22–23, 50.
3. Протоколы собраний рыбаков рыболовческих бригад о повышении трудовой дисциплины и социалистическом соревновании, отчёты о выполнении планов по основным показателям работ, по труду и реализации рыбы, переписка с Витебским Госрыбтрестом по организации и оплате труда // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
4. Бухгалтерский отчёт за 1945 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37.
5. Бухгалтерский отчёт за 1946 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–13, 22.
6. Постановления собраний рыбаков об итогах социалистического соревнования за 1946 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–7.
7. Бухгалтерский отчёт за 1947 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 14. Л. 7, 13.
8. Статистические отчёты о выполнении плана по основным показателям работы, выполнении плана по труду за 1947 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.
9. Списки рыбаков, рыбопромысловых озёр за 1947–1950 гг. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 16. Л. 22–23.
10. Бухгалтерский отчёт за 1948 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
11. Бухгалтерский отчёт за 1949 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 29. Л. 11–12, 24, 26.
12. Бухгалтерский отчёт за 1953 год и объяснительная записка к нему // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–3, 5–8.
13. Списки водоёмов, переданных в эксплуатацию Полоцкому озрыбхозу в 1953 году // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 41. Л. 6–9.
14. Бухгалтерский отчёт и объяснительная записка к нему за 1954 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 52. Л. 215–216, 218–220.
15. Статистический отчёт о выполнении производственных планов по труду за 1955 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 61. Л. 2–3.
16. Статистические отчётные сведения за 1951 год // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 779. Оп. 3. Д. 39. Л. 14, 75.

Гриб Е. П.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-37-43>

17. Акты ревизии финансово-хозяйственной деятельности за 1952 год // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 3. Д. 54. Л. 13, 16–17, 24–25.
18. Годовой отчёт за 1957 год // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 5. Л. 158–159.
19. Акт проверки хозяйственно-финансовой и производственной деятельности от 30 марта 1957 г. с предложениями о ликвидации недостатков // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 7. Л. 1–4.
20. Доклады и сведения о работе озёрхоза за 1958 год // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 14. Л. 6.
21. Годовой отчёт хозяйственно-финансовой и производственной деятельности за 1959 год // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 22. Л. 1–2.
22. Годовые статистические отчёты по хозяйству за 1959 год и индивидуальные характеристики жилых строений // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 23. Л. 1–10.
23. Приказы Управления рыбной промышленности СНХ БССР и акты по приёму-передаче Лепельского рыбзавода Полоцкому // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 27. Л. 3, 5–7.
24. Годовой отчёт Полоцкого рыбзавода за 1961 год // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 51. Л. 61.
25. Справки по выполнению производственных планов // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 65. Л. 1.
26. Годовой бухгалтерский отчёт за 1964 год // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 77. Л. 1.
27. Переписка с Управлением рыбной промышленности СНХ БССР о добыче рыбы и качестве выпускаемой продукции // ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 779. Оп. 6. Д. 88. Л. 13–22.

Гриб Евгений Петрович,
ведущий научный сотрудник Краеведческого музея —
филиала НПИКМЗ

Дз. А. Кашкур

КНІЖНЫЯ ЗБОРЫ МУЗЕЯЎ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: АГЛЯД БУЙНЕЙШЫХ КАЛЕКЦЫЙ

Дзецца характарыстыка буйнейшых кніжных збораў музеяў Рэспублікі Беларусь (Нацыянальнага гістарычнага музея, Віцебскага абласнога краязнаўчага музея, Гомельскага палацава-паркавага ансамбля, Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея, Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея, Дзяржаўнага музея гісторыі беларускай літаратуры, Дзяржаўнага літаратурнага музея Янкі Купалы, Дзяржаўнага літаратурна-мемарыяльнага музея Якуба Коласа, Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі, Веткаўскага музея стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава, Музея кнігі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, Музея рэдкай кнігі Гомельскай абласной універсальнай бібліятэкі, Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Разгледжаны склад разнастайных кніжных калекцый музеяў, пазначаны каштоўнейшыя кніжныя помнікі з музейных фондаў.

Ключавыя словы: кніга, кніжны помнік, кніжныя зборы, кніжныя калекцыі, музей, музеі Беларусі.

Кніжныя калекцыі музеяў Рэспублікі Беларусь буйныя і разнастайныя, яны дэманструюць багацце кніжнай спадчыны нашай краіны. Сёння іх вывучэнне з'яўляецца перспектыўным кірункам навуковай дзейнасці, бо дагэтуль азначаная тэма застаецца маладаследаванай, а звесткі пра кніжныя калекцыі музеяў Рэспублікі Беларусь даволі разрозненыя: прадстаўлены ў асобных энцыклапедыях, музейных альбомах і каталогах, артыкулах супрацоўнікаў, на афіцыйных сайтах музеяў, інфармацыя пра некаторыя кніжныя помнікі прадстаўлена таксама ў Дзяржаўным каталоге Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь (на сённяшні дзень у каталоге змяшчаюцца звесткі пра 33 рукапісныя кнігі, 22 старадрукі, 85 кніг [3]).

Вялікі інфармацыйны патэнцыял кніжных калекцый музеяў тлумачыцца такой якасцю кнігі, як універсальнасць і полісемантычнасць. Каштоўнасць кнігі ў экспазіцыі музея выходзіць за межы значнасці аўтара і зместу, а вызначаецца таксама матэрыяльнымі якасцямі, умовамі бытавання і стварэння. Кніга як музейны прадмет – гэта прадстаўнік пэўнай гістарычнай эпохі, які можа характарызаваць іншыя прадметы, падзеі і працэсы, у экспазіцыі яна задавальняе не толькі прагу пазнання ў наведвальніка, але і яго эстэтычныя і эмацыянальныя патрэбы [24, с. 33–34]. Таму невыпадкова, што кніга становіцца экспанатам не толькі музеяў, непасрэдна прысвечаных ёй, але і займае пачэснае месца ў беларускіх музеях розных профіляў.

На 17 лютага 2022 г. у Рэспубліцы Беларусь налічвалася 155 дзяржаўных музеяў [23]. У музеях сістэмы Міністэрства культуры захоўваецца звыш 3 мільёнаў прадметаў калекцый асноўнага фонду. Штогод дзяржаўны музейны фонд павялічваецца на 2 %. Акрамя музеяў сістэмы Міністэрства культуры, у краіне працуе больш за 200 музейных устаноў іншых ведамстваў [11, с. 8]. Да найбольш значных ведамасных музеяў адносяцца ў тым ліку тыя, што займаюцца зборам кніг, напрыклад, Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (Міністэрства юстыцыі) і Музей кнігі (Нацыянальная бібліятэка Беларусі).

Буйнейшы музейны збор у краіне належыць **Нацыянальнаму гістарычнаму музею Рэспублікі Беларусь**. Ён налічвае больш за 500 тысяч музейных прадметаў [16], размеркаваных больш чым па 50 асобных калекцыях. Сярод калекцый: «Рукапісныя кнігі», «Старадрукаваныя кнігі», «Кнігі. Брашуры. Буклеты» [11, с. 30]. Найбуйнейшая з іх – «Кнігі, брашуры, буклеты» – налічвае каля 8 тысяч адзінак захоўвання [8]. У зборы музея прадстаўлены значныя для гісторыі беларускай кніжнай культуры выданні і кнігавыдавецкія цэнтры. Захоўваюцца такія кніжныя помнікі, як «Апостал» (Вільня, 1595), «Новы Запавет з Псалтыром» (Еўе, 1611), «Актоіх» (Куцейна, 1646). «Выбраныя лісты» Цыцэрона (Нясвіж, 1761), «Азбука» (Супрасль, 1781), «Асновы мастацтва рыторыкі і паэтыкі» (Полацк, 1816) і інш. Прадстаўлены таксама і рарытэтычныя выданні з Венецыі: «Імшал паводле рымскага абраду» (1698), «Кароткая кананічная бібліятэка» Л. Ферарыса (1777). Адно з апошніх паступленняў – кніга ваеннага інжынера і тэарэтыка артылерыі, які лічыцца адным з заснавальнікаў сусветнай ракетнай балістыкі і касманаўтыкі, К. Семяновіча «Вялікае мастацтва артылерыі» (1730). Сярод выданняў калекцыі «Кнігі. Брашуры. Буклеты» – твор В. Дуніна-Марцінкевіча «Гапон» на беларускай і польскай мовах (Мінск, 1855), прыжыццёвае выданне Я. Баршчэўскага «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастыч-

ных апавяданнях» (Санкт-Пецярбург, 1844–1846) [15, с. 22–23], дарэвалюцыйныя публікацыі твораў Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, К. Буйло, Цёткі, кнігі выдавецтва «Загляне сонца ў наша ваконца...», Беларускага выдавецкага таварыства, выданні Інбелкульту, «Маладняка» і інш. [8].

Буйнымі калекцыямі валодаюць таксама абласныя музеі Беларусі. Так, асноўны фонд **Віцебскага абласнога краязнаўчага музея** налічвае больш за 210 тысяч адзінак захоўвання [10], навукова-дапаможны — больш за 50 тысяч [11, с. 138]. Музейныя фонды дзеляцца на 33 калекцыі [10], адной з буйнейшых сярод іх з'яўляецца калекцыя «Друкаваныя выданні». Яна аб'ядноўвае больш за 33 тысячы музейных прадметаў. У калекцыі прадстаўлены старадрукаваныя кнігі XVII ст., выданні віцебскіх гісторыкаў і краязнаўцаў канца XIX — пачатку XX ст. (А. Сапунова, М. Нікіфароўскага, М. Каспяровіча і інш.), партызанскія газеты і баявыя лісткі 1942–1944 гг., якія складаюць асобную «падкалекцыю» [18]. Калекцыя «Друкаваныя і рукапісныя дакументы з XIV ст. па 1917 г.» налічвае больш за 5,5 тысяч адзінак захоўвання. У гэтую калекцыю ўключаны ў тым ліку рукапісы і рукапісныя кнігі, а таксама берасцяная грамата мяжы XIII–XIV ст., знойдзеная ў Віцебску [17].

Асноўны фонд **Гомельскага палацава-паркавага ансамбля** налічвае больш за 170 тысяч адзінак захоўвання, навукова-дапаможны — больш за 80 тысяч. Калекцыя рукапісных і старадрукаваных кніг музея налічвае больш за 300 музейных прадметаў і ўключае ў сябе такія рэдкія выданні, як «Евангелле» П. Мсціслаўца (1575), «Апостал» (1597), а таксама кнігі, выдадзеныя ў беларускіх друкарнях у Гродне, Магілёве, Супраслі, Вільні. Асаблівае месца ў калекцыі займаюць рукапісныя кнігі, якія характарызуюць духоўную культуру стараверства на Гомельшчыне [11, с. 202, 204]. Найбольш ранняя рукапісная кніга з фондаў музея — «Евангелле» XVII ст. [27].

Вялікая калекцыя старажытных кніг захоўваецца ў **Гродзенскім дзяржаўным гісторыка-археалагічным музеі**. Асноўны фонд музея налічвае больш за 190 тысяч адзінак захоўвання, навукова-дапаможны — больш за 30 тысяч [11, с. 256]. У музеі створаны асобны аддзел рэдкай кнігі, дзе захоўваецца каля 30 тысяч выданняў [19], сярод іх 3 інкунабулы і 26 палеатыпаў [11, с. 256].

Асноўны фонд **Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея** налічвае больш за 130 тысяч адзінак захоўвання, навукова-дапаможны — больш за 160 тысяч. Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ў музеі захоўвалася буйная калекцыя рукапісных кніг, але падчас вайны яна была страчана [11, с. 394]. Усе прадметы асноўнага фонду музея збіраліся нанава ў пасляваенны час [2]. Сёння музей мае буйную калекцыю «Рукапісы і друкаваныя выданні», якая падзяляецца на 2 часткі: «Рукапісы і старадрукі» і «Друкаваныя выданні». Старэйшы рукапіс збору захавалася ў кнізе-канвалюце XVIII ст., дзе змяшчаецца спіс ад рукі «Статута воінскага» (1719) і трэцяе перавыданне воінскага статута Пятра I. Самая старажытная друкаваная кніга калекцыі — кароткія каталіцкія пропаведзі, або Пасціла, на старапольскай мове, складзеная Я. Вуекам (Кракаў, 1590). Сярод старадрукаў — трактат па ваеннай справе «Вучэнне і хітрасць ратнага строю пяхотных людзей» (Масква, 1647), кірылічныя кнігі з праваслаўнай друкарні, якая існавала ў XVII ст. пры Магілёўскім брацкім Богаўленскім манастыры [21]. Сярод найбольш каштоўных і цікавых прадметаў з фондаў музея — берасцяная грамата пачатку XIII ст. з раскопак Мсціслаўля [11, с. 396].

Буйнымі кніжнымі калекцыямі валодаюць таксама літаратурныя музеі Беларусі. Так, асноўны фонд **Дзяржаўнага музея гісторыі беларускай літаратуры** налічвае больш за 53 тысячы адзінак захоўвання, навукова-дапаможны — больш за 6 тысяч. Фонд падзелены на 25 калекцый, а яго аснову складаюць кніжныя калекцыі: «Старадрукаваныя і рэдкія выданні», «Кнігі», «Кнігі з аўтографамі» (у іх склад уваходзіць звыш 25 тысяч адзінак захоўвання). У склад калекцыі «Старадрукаваныя і рэдкія выданні» ўваходзяць 42 прадметы. Большасць з іх — кнігі XVII–XVIII стст. — гэта выданні вядомых друкарняў, якія дзейнічалі на тэрыторыі беларускіх зямель: віленскай Мамонічаў, Троіцкай, Супраслеўскай, Гродзенскай (Каралеўскай). Да найбольш каштоўных кніг адносяцца «Трыёдзе поснае» (Вільня, 1609), «Аб веры» (Гродна, 1785), «Катэхізіс» (Гродна, 1788), «Псалтыр» (Гродна, 1789), кнігі на лацінцы XVIII ст. з езуіцкіх друкарняў Нясвіжа і Полацка, езуіцкай акадэміі ў Вільні, Нясвіжскай друкарні князёў Радзівілаў. Рукапісныя кнігі з музейнага збору датуюцца пераважна другой паловай XIX ст. — гэта богаслужэбныя кнігі «Трэбнік», «Актоіх», «Псалтыр» і інш. Сярод іх вылучаецца «Катэхізіс» (1767), які складаецца з прадмовы на 58 старонках і перапісанага тэксту «Катэхізіса» Лаўрэнція

Зізнані маскоўскага выдання 1627 г. Буйнейшай калекцыяй Літаратурнага музея з'яўляецца калекцыя «Кнігі», у якой сабраны выданні XIX–XXI стст., сярод іх першыя выданні твораў беларускіх пісьменнікаў, а таксама рэдкія перавыданні пачатку XX ст. [6].

У фондах **Дзяржаўнага літаратурнага музея Янкі Купалы** захоўваецца больш за 41 тысячу прадметаў асноўнага фонду і больш за 13 тысяч прадметаў навукова-дапаможнага. Музейны фонд падзелены больш чым на 20 калекцый, сярод якіх сваёй значнасцю вызначаецца калекцыя аўтографу Янкі Купалы, рукапісны зборнік «Шляхам жыцця», рукапісы вершаў «Мая доля», «А хто там ідзе?», «Прарок», «Спадчына», п'ес «Паўлінка», «Раскіданае гняздо», «Прымакі», паэмы «Бандароўна», якім прысвоены статус гісторыка-культурнай каштоўнасці Рэспублікі Беларусь 1-й катэгорыі [11, с. 74]. У музеі захоўваюцца прыжыццёвыя выданні пісьменніка, у тым ліку першыя выданні зборнікаў «Жалейка», «Гуслар», «Шляхам жыцця», «Спадчына», «Безназоўнае», сабраныя ў асобную калекцыю «Кнігі Янкі Купалы». Вызначаецца таксама калекцыя «Кола чытання Янкі Купалы», якая ўключае ў сябе выданні беларускіх, рускіх, замежных пісьменнікаў XIX–XX стст., а таксама кнігі з Віленскай бібліятэкі-чытальні Б. Даніловіча «Веды», дзе Янка Купала працаваў бібліятэкарам [5].

Асноўны фонд **Дзяржаўнага літаратурна-мемарыяльнага музея Якуба Коласа** налічвае больш за 34 тысячы адзінак захоўвання, навукова-дапаможны – больш за 4 тысячы. Фонд музея складаецца з 16 калекцый [11, с. 78]. Кніжны фонд складае палову музейнага фонду. Калекцыя «Рукапісы» налічвае больш за 2,5 тысяч адзінак. Да найбольш цікавых і каштоўных матэрыялаў кніжнага фонду адносіцца цыкл дарэвалюцыйных вершаў Я. Коласа, паэмы «Сымон-музыка», «Рыбакова хата», «Суд у лесе», раман «На ростанях», фальклорныя сшыткі і інш. Сярод прадметаў з музейнага збору таксама першыя і амаль усе прыжыццёвыя выданні твораў пісьменніка на беларускай і рускай мовах, адзінае ацалелае з усяго тыражу 4-е выданне паэмы «Новая зямля» (1941), газеты «Наша ніва», «Наша доля», газеты ваенных гадоў, часопісы «Вольны сцяг», «Маладая Беларусь», «Маладняк», «Полымя», «Саха», «Крывіч», «Калоссе», «Славяне», выданні Інбелкульта, АН БССР, кнігі Я. Карскага, П. Шэйна, В. Ластоўскага, Я. Лёсіка, Б. Тарашкевіча, М. Гарэцкага, А. Луцкевіча, А. Станкевіча [13], кнігі з дароўнымі надпісамі Я. Коласа (90 адзінак) [11, с. 78].

Вялікую ролю ў збіранні кніжных помнікаў адыгрываюць музеі, звязаныя з рэлігійнай і канфесіянальнай гісторыяй Беларусі. Так, у асноўным фондзе **Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі** захоўваецца больш за 6 тысяч прадметаў, у навукова-дапаможным – больш за 18 тысяч. Музейны фонд падзелены на 26 калекцый [11, с. 258], сярод іх: «Рукапісы», «Старадрукаваныя выданні», «Кнігі». Калекцыя «Рукапісы» прадстаўлена 191 прадметам асноўнага фонду і 446 прадметамі навукова-дапаможнага фонду. Каштоўнейшыя з рукапісаў – «Полуустав» (XVIII ст.), «Обиходъ певчій Стрипишской общины» (1835–1899), «Ustawy urbanowe Zakonu Braci Mniejszych S. Franciszka» (пасля 1818), збор рукапісных кніг беларускіх татар (XIX ст.), скруткі з тэкстамі кніг Старога Запавету на іўрыце (XIX ст.) [22]. У склад калекцыі «Старадрукаваныя выданні» ўваходзяць 1295 прадметаў асноўнага фонду і 219 – навукова-дапаможнага. Каштоўнейшыя выданні – «Missale Romanum» (Венецыя, 1585), «Евангеліе» (Вільня альбо Еўе, 1644), «Breviarium Monialium» (Вільня, 1684), кнігі з бібліятэкі Гродзенскага францысканскага манастыра (1561–1830 гг.) [26]. Амаль 5 тысяч прадметаў асноўнага фонду і больш за 750 прадметаў навукова-дапаможнага фонду ўтрымлівае калекцыя «Кнігі», сярод іх «Евангелие» (Масква, 1833), кнігі з бібліятэкі А. Станкевіча (пачатак XX ст. – 1930-я гг.), кнігі з бібліятэкі Гродзенскага францысканскага манастыра (1831–1939) [7].

Буйны збор старадрукаў і рукапісаў захоўваецца ў **Веткаўскім музеі стараабраднасці і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава**. Асноўны фонд музея налічвае больш за 7 тысяч адзінак захоўвання, навукова-дапаможны – больш за 6 тысяч [1]. З іх: 300 старадрукаў і 125 рукапісаў, кнігі датуюцца XVI – пачаткам XX ст. [20; 25]. Сярод найбольш рэдкіх выданняў – кнігі першых рускіх і беларускіх майстроў: І. Фёдарова, П. Мсціслаўца, А. Нявежы, а таксама копіі гэтых кніг, зробленыя ў канцы XVI ст. В. Гарабурдам у Віленскай друкарні. У музеі сабраны кнігі лепшых майстроў маскоўскіх двароў 1-й паловы XVII ст.: А. Радзішэўскага, І. Нявежына, В. Бурцава, Н. Фафанава, К. Иванова, у іх ліку і першае выданне друкарскага двара Кіева-Пячэрскай лаўры – «Анфалагіён» (1619). Значную частку музейнай калекцыі складаюць экзэмпляры,

надрукаваныя ў XVIII ст. у беларускіх друкарнях Супрасля, Гродна, Вільні, Магілёва. У зборы рукапісных кніг асабліваю каштоўнасць уяўляюць маляўніча аформленыя Евангеллі XVI–XVII стст. [11, с. 214–215]. У складзе калекцыі рукапісных кніг – пеўчыя рукапісы XVIII – пачатку XIX ст., зборнікі жыццйнай літаратуры, павучанні святых айцоў, аповесці, летапісы, Канонікі, Святцы, Шастадневы, выпіскі са Старога завету, Зерцала, Бісер, Евангеллі, вершы духоўныя і інш. Самыя раннія рукапісы датуюцца 1-й паловай XVI ст., самыя позні – 1916–1918 гг. Унікальнасць калекцыі рукапісных кніг у тым, што амаль усе яны створаны на Веткаўскай зямлі [20].

Кніжныя помнікі Беларусі прэзентуюцца таксама ў музеях, якія ствараюцца пры бібліятэках краіны. Асобнае месца сярод такіх музеяў займае **Музей кнігі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі**, які з’яўляецца структурным падраздзяленнем Навукова-даследчага аддзела кнігазнаўства бібліятэкі. Музейны фонд з’яўляецца спецыялізаванай часткай агульнага фонду бібліятэкі і ўваходзіць у сістэму яе фондаў. У экспазіцыі музея прадстаўлена больш за 300 кніжных помнікаў, сярод якіх рукапісныя кнігі, старэйшыя з якіх датуюцца XV ст. [11, с. 316], выданні Францыска Скарыны, кнігі з Нясвіжскай бібліятэкі Радзівілаў, беларускія старадрукі XVI–XVIII стст. (сярод іх шэдэўры выдавецкага мастацтва Брэсцкай друкарні Радзівілаў, Віленскай друкарні братоў Мамонічаў, Магілёўскай, Куцеінскай друкарняў і інш.). У музеі прадстаўлена найбуйнейшая ў краіне калекцыя выданняў друкарскіх двароў Еўропы XVII–XVIII стст.: Альдаў, Эльзевіраў, Эцценаў, Фрабэнаў, Плантаэнаў і інш. [11, с. 318].

Сярод выбітных музеяў кнігі, створаных пры бібліятэках Беларусі – **Музей рэдкай кнігі**, адкрыты пры Гомельскай абласной універсальнай бібліятэцы імя У. І. Леніна. Музей заснаваны на кніжнай калекцыі князёў Паскевічаў. Старэйшая кніга калекцыі – зборнік канцонаў Ф. Петраркі, надрукаваны ў Венецыі ў 1547 г. Прадстаўлены ўсходнія рукапісы XVII–XIX стст., старадрукі, кнігі з аўтографамі і дароўнымі надпісамі, прыжыццёвыя выданні рускіх і замежных класікаў, мініяцюрныя выданні [12]. У музеі захоўваецца больш за 6,5 тысяч кніг [9].

Прэзентацыяй нацыянальнай кніжнай спадчыны Беларусі займаецца **Музей беларускага кнігадрукавання**, які з’яўляецца адным з філіялаў **Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка**. У фондах апошняга кнігі збіраюцца ў складзе калекцыі «Друкаваныя выданні», «Старадрукаваныя выданні», «Рукапісныя кнігі». У складзе буйнейшай з іх – калекцыі «Друкаваныя выданні» – сабраана больш за 20 тысяч адзінак захоўвання; сярод іх: заходнееўрапейскія выданні XIX – пачатку XX ст., беларускія і рускія выданні XIX – пачатку XXI ст., у тым ліку першыя прыжыццёвыя выданні класікаў беларускай літаратуры Я. Купалы, Я. Коласа, К. Чорнага, У. Караткевіча, калекцыя перыядычных выданняў 1846–2020 гг., выданні часоў Вялікай Айчыннай вайны, слоўнікі, падручнікі беларускай мовы, мініяцюрныя выданні, нотныя выданні, літаратура для дзяцей, кнігі-лаўрэаты конкурсаў «Мастацтва кнігі». Калекцыя «Старадрукаваныя выданні» налічвае больш за 100 выданняў, два з іх маюць статус гісторыка-культурнай каштоўнасці: «12 прамоў» Д. Фалеці (1558) і «Евангелле вучыцельнае» (1595). У калекцыі «Рукапісныя кнігі» прадстаўлена 10 кніг, якія датуюцца XVII ст. – 1920 гг., каштоўнейшая з іх – «Распевы» (пасля 1789), якая таксама мае статус гісторыка-культурнай каштоўнасці [14]. У экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання прадстаўлена больш за 1400 экспанатаў [4], сярод іх 600 – з калекцыі «Друкаваныя выданні», 60 – з калекцыі «Старадрукаваныя выданні», 7 – з калекцыі «Рукапісныя кнігі» [14].

Кніжныя зборы музеяў Рэспублікі Беларусь валодаюць вялікім інфармацыйным патэнцыялам, бо кніга – гэта полісемантычны прадмет, здольны характарызаваць асобныя гістарычныя з’явы і працэсы. У фондах беларускіх музеяў захоўваюцца старажытныя рукапісы, выданні – ад першых узораў друкаваных кніг да сучасных, якія даюць магчымасць рэканструяваць увесь шлях развіцця беларускай кнігі. Вялікія кніжныя калекцыі характэрны не толькі для літаратурных музеяў, але і для музеяў іншых профіляў. Каштоўнейшыя кніжныя помнікі, хоць і ў адзінкавых экзэмплярах, сустракаюцца ў самых розных музеях. Так, у Гістарычным музеі г. Крычава экспануецца кніга Сімяона Полацкага «Обед душевный» (1681), у Музеі гісторыі Магілёва прадстаўлена адзінае ў Беларусі арыгінальнае выданне Статута ВКЛ (1588). Нельга пакінуць па-за ўвагай і ведамасныя музеі краіны, асабліва тыя, што з’яўляюцца структурнымі часткамі бібліятэк. Напрыклад, у Музеі кнігі, створаным на базе Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, захоўваюцца арыгінальныя выданні Францыска

Скарыны і іншыя значныя кніжныя помнікі. У залежнасці ад канцэпцыі канкрэтнага музея і ад складу яго фондаў фарміруюцца разнастайныя і часам унікальныя кніжныя зборы, якія ілюструюць гісторыю Беларусі і яе асобных рэгіёнаў, а таксама адлюстроўваюць гісторыю беларускай кнігі і літаратуры. На наш погляд, сёння сфарміравалася неабходнасць у сістэматызацыі звестак пра кніжныя помнікі, якія захоўваюцца ў фондах розных арганізацый, і звязання гэтых звестак у агульнадаступны рэсурс, які будзе карысны як для спецыялістаў, так і для шырокай грамадскасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Гісторыя Веткаўскага музея [Электронны рэсурс] // Веткаўскі музей стараабраднасці і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава. — Рэжым доступу: <https://vetka-museum.by/ab-muzei/gistoryya-muzeya>. — Дата доступу: 07.03.2022.
2. Гісторыя Магілёўскага музея [Электронны рэсурс] // Магілёўскі абласны краязнаўчы музей імя Е. Р. Раманава. — Рэжым доступу: <https://mogilewmuseum.by/gistoryya-muzeya/gstoryya-maglyoskaga-muzeya-1867-2004-g>. — Дата доступу: 05.03.2022.
3. Дзяржаўны каталог Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://www.dkmf.by/catalog>. — Дата доступу: 09.03.2022.
4. Знаёмства з Музеям [Электронны рэсурс] // Музей беларускага кнігадрукавання. — Рэжым доступу: <http://book.polotsk.museum.by/be/node/733>. — Дата доступу: 09.03.2022.
5. Калекцыі [Электронны рэсурс] // Дзяржаўны літаратурны музей Янкі Купалы. — Рэжым доступу: <http://kupala-museum.by/muzej/kalektsyiya/>. — Дата доступу: 07.03.2022.
6. Калекцыі [Электронны рэсурс] // Дзяржаўны музей гісторыі беларускай літаратуры. — Рэжым доступу: <http://bellitmuseum.by/fondyi-muzeya/>. — Дата доступу: 05.03.2022.
7. Книги [Электронный ресурс] // Гродненский государственный музей истории религии. — Режим доступа: <https://muzej.by/?p=911>. — Дата доступа: 09.03.2022.
8. Кнігі, брашуры, буклеты [Электронны рэсурс] // Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь. — Рэжым доступу: <http://www.histmuseum.by/by/collections/fund-collections/collection-books/>. — Дата доступу: 03.03.2022.
9. Коллекции книг [Электронный ресурс] // Музей редкой книги. — Режим доступа: <http://book-gomel.museum.by/node/52216>. — Дата доступа: 09.03.2022.
10. Коллекции музея [Электронный ресурс] // Витебский областной краеведческий музей. — Режим доступа: <https://ratusha-vit.by/ru/uslugi/kollekcii-muzeya>. — Дата доступа: 05.03.2022.
11. Музеи Беларуси / ред. совет: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Белорус. Энцикл. им. Петруся Бровки, 2018. — 448 с.
12. Музей редкой книги [Электронный ресурс] // Гомельская областная универсальная библиотека имени В. И. Ленина. — Режим доступа: https://goub.by/?page_id=26083. — Дата доступа: 09.03.2022.
13. Музейныя калекцыі [Электронны рэсурс] // Дзяржаўны літаратурна-мемарыяльны музей Якуба Коласа. — Рэжым доступу: <http://kolasmuseum.by/be/muzej/muzejnyya-kalekcyi>. — Дата доступу: 07.03.2022.
14. Музейныя прадметы ў экспазіцыі музея і фондах НПКМЗ [Электронны рэсурс] // Музей беларускага кнігадрукавання. — Рэжым доступу: <http://book.polotsk.museum.by/be/node/49698>. — Дата доступу: 09.03.2022.
15. Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь / уклад.: Н. Калымага [і інш.]. — Мінск : А. Аляксееў, 2015. — 319 с.
16. Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.histmuseum.by/by/>. — Дата доступу: 03.03.2022.
17. Печатные и рукописные документы с XIV в. по 1917 г. [Электронный ресурс] // Витебский областной краеведческий музей. — Режим доступа: <https://www.ratusha-vit.by/ru/uslugi/pechatnye-i-rukopisnye-dokumenty-s-xiv-v-po-1917-g>. — Дата доступа: 05.03.2022.
18. Печатные издания [Электронный ресурс] // Витебский областной краеведческий музей. — Режим доступа: <https://www.ratusha-vit.by/ru/uslugi/pechatnye-izdaniya>. — Дата доступа: 05.03.2022.

Кашкур Дз. А.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-44-49>

19. Раритетные издания времён Речи Посполитой дополнили коллекцию Гродненского музея [Электронный ресурс] // Общенациональное телевидение. — Режим доступа: <https://ont.by/news/raritetnie-izdaniya-vremyon-rechi-pospolitoj-popolnili-kollekciyu-grodnensk>. — Дата доступа: 05.03.2022.
20. Рукапісныя кнігі [Электронны рэсурс] // Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава. — Рэжым доступу: <https://vetka-museum.by/kalektsyi-muzeya/rukapisnyya-knigi>. — Дата доступу: 07.03.2022.
21. Рукапісы і старадрукі [Электронны рэсурс] // Магілёўскі абласны краязнаўчы музей імя Е. Р. Раманава. — Рэжым доступу: https://mogilewmuseum.by/kalektsyi/rukapsy--drukavanyya-vydann/rukapsy--staradruk_17. — Дата доступу: 05.03.2022.
22. Рукописи [Электронный ресурс] // Гродненский государственный музей истории религии. — Режим доступа: <https://muzej.by/?p=932>. — Дата доступа: 09.03.2022.
23. Рээстр музеяў [Электронны рэсурс] // Дзяржаўны каталог Музейнага фонду. — Рэжым доступу: <http://cdn.dkmf.by/RegisterOfMuseums.pdf>. — Дата доступу: 03.03.2022.
24. Сапега, Т. А. Кніга ў музеі як аб'ект успрыняцця / Т. А. Сапега // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / Нацыянальная бібліятэка Беларусі. — Мінск, 2001. — Вып. 4. — С. 33–39.
25. Старадрукаваныя кнігі [Электронны рэсурс] // Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф. Р. Шклярава. — Рэжым доступу: <https://vetka-museum.by/kalektsyi-muzeya/staradrukavanyya-knigi>. — Дата доступу: 07.03.2022.
26. Старопечатные книги [Электронный ресурс] // Гродненский государственный музей истории религии. — Режим доступа: <https://muzej.by/?p=934>. — Дата доступа: 09.03.2022.
27. Характеристика музейного собрания государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль» // Гомельский дворцово-парковый ансамбль. — Режим доступа: <http://www.palacegomei.by/index.php?do=static&page=collection>. — Дата доступа: 05.03.2022.

Кашкур Дзіяна Андрэеўна,

магістр гістарычных навук,

старшы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НПГКМЗ

Д. А. Кашкур

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОБЗОР КРУПНЕЙШИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Описаны крупнейшие книжные собрания музеев Республики Беларусь (Национального исторического музея, Витебского областного краеведческого музея, Гомельского дворцово-паркового ансамбля, Гродненского государственного историко-археологического музея, Могилёвского областного краеведческого музея, Государственного музея истории белорусской литературы, Государственного литературного музея Янки Купалы, Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа, Гродненского государственного музея истории религии, Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова, Музея книги Национальной библиотеки Беларуси, Музея редкой книги Гомельской областной универсальной библиотеки, Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника), рассмотрен состав разнообразных книжных коллекций музеев, указаны наиболее ценные книжные памятники из музейных фондов.

Ключевые слова: книга, книжный памятник, книжные собрания, книжные коллекции, музей, музеи Беларуси.

Кашкур Диана Андреевна, магистр исторических наук, старший научный сотрудник Музея белорусского книгопечатания — филиала НПИКМЗ.

А. В. Козел

КАЛЕКЦЫЯ РУЧНІКОЎ У ФОНДАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА. ГІСТАРЫЯГРАФІЯ, АБ'ЁМ, СКЛАД, СТРУКТУРА КАТАЛОГА

Разглядаюцца калекцыі ручнікоў у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Падрабязна аналізуецца бібліяграфія XIX–XXI стст., прадстаўляецца аб'ём, склад, структура каталога калекцыі.

Ключавыя словы: дэкаратыўна-прыкладное мастацтва, ткацтва, вышыўка, ручнік, рамяство, калекцыя ручнікоў, каталог ручнікоў.

*Сцежкамі у полі ўздоўж дарожных даляў
вышытыя розна ручнікі ляжалі,
белыя, даўгія — гэтак ў час мяцелі
студзень каля хатаў чысты снег пасцэле.
На канцах карункі тонкім павуціннем
альбо пераплётам фрэндзлі зіхацелі.
Ў покуці павесіць, на абраз у хату,
альбо перакінуць цераз плечы свату
ручніка такога не ўстыдно дзяўчыне,
значы з працавітых, калі поўна скрыня.*

Л. Геніюш «Куфар»

Нам, беларусам, засталася надзвычай багатая спадчына. У яе ліку народнае мастацтва — адно з самых традыцыйных відаў нацыянальнай культуры Беларусі. У дэкаратыўна-прыкладным мастацтве ўвасобілася неабдымная, вечна жывая душа народа, яго багаты, назапашаны стагоддзямі практычны вопыт і эстэтычны густ.

Відамі дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва з'яўляюцца ткацтва і вышыўка, якія прайшлі доўгі шлях свайго развіцця, сталі шырока распаўсюджанымі рамёствамі, увабралі ў сябе мясцовыя традыцыі і найбольш ярка адлюстраваліся ў ручніку.

Апошнія дзесяцігоддзі ўсё больш увагі ўдзяляецца збіранню, захаванню і вывучэнню найлепшых дасягненняў народнай творчасці, якія з'яўляюцца культурнай спадчынай. Сёння менавіта Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-З рэгулюе грамадскія адносіны ў сферы культуры ў мэтах захавання і выкарыстання культурных каштоўнасцей [7].

Першыя крокі па вывучэнні спадчыны — беларускага ткацтва, вышыўкі, іх семантыкі — прыпадаюць на другую палову XIX — пачатак XX стст. і звязаны з імёнамі даследчыкаў Е. Р. Раманава [16], А. І. Сербавы [19], П. В. Шэйна [24], М. Я. Нікіфароўскага і інш. [13].

Даследванне М. Я. Нікіфароўскага «Очерки простионародного життя-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (этнографические данные)» багатае на факталагічны матэрыял па гісторыі ручніка беларускіх сялян Віцебшчыны ў 50–60-х гг. XIX ст. Экспедыцыйнае даследванне, якое расцягнулася на дзесяцігоддзі, паказала, што побыт беларусаў сярэдзіны XIX ст. быў немагчымы без ручніка. Аўтар занатоўвае месца ручніка ў сямейных звычаях, разглядае практыкі выкарыстання ручніковых тканін у абрадавай, дэкаратыўнай або ўтылітарнай мэтах, падрабязна разглядае традыцыі вытворчасці тканін.

Такім чынам, напярэдадні XX ст. ужо пачаў фарміравацца інтарэс даследчыкаў, этнографістаў да ткацтва і яго семантыкі.

На пачатку XX ст. у перыядычным выданні «Наша Ніва» за 1908–1914 гг. з'яўляюцца артыкулы аб народных промыслах, народным мастацтве і выставах тэкстылю ў Слуцку (1908), Лепелі (1912), Глыбокім (1912), Навагрудку (1913). Мясцовыя карэспандэнты даюць высокую адзнаку выставам, такім чынам фарміруючы цікавасць грамадскасці да мастацкіх промыслаў, у тым ліку да ткацтва [1; 3].

У 1929 г. кафедрай этнаграфіі Беларускай акадэміі навук было падрыхтавана першае паліграфічнае выданне, прысвечанае традыцыйнаму беларускаму арнаменту — дакладней, арнаменту вёскі Старое Сяло Віцебскага раёна. Матэрыял збірала мясцовая настаўніца А. І. Астрэйка. У канцы 1930-х гг. з яе дапамогай быў падрыхтаваны альбом «Беларускі ткацкі арнамент» (ч. 2. «Зарысоўкі з Віцебшчыны»). Большая частка гэтых арнаментаў увайшла ў альбом «Беларускае народнае мастацтва» (1951) [11, л. 21].

У 1953 г. выйшаў у свет альбом «Беларускі народны арнамент» з прадмовай М. Кацара. У выданні прадстаўлены замалёўкі аўтэнтычных тканін і вышываных узораў. Выданне цікавае, але няма спасылак на рэгіянальнае паходжанне арнаментаў, што не дае сэнсу выкарыстоўваць яго ў навуковым абароце [6].

Даследаванні ў 1950–60-я гг. ішлі марудна, бо падчас Другой сусветнай вайны былі страчаны архівы, калекцыі, фотаматэрыялы.

Грунтоўнае вывучэнне беларускага тэкстылю прыпадае на 1970–90-я гг., у гэты час ручнік становіцца візітоўкай краіны. Падрыхтаваны шэраг манаграфій і артыкулаў па ткацтве і вышыўцы традыцыйнага тэкстылю.

Даследаванні тэкстылю, семантыкі традыцыйнага арнаменту канца 1980–90-х гг. належаць М. М. Віннікавай [5], Г. Р. Нячаевай [14], В. А. Лабачэўскай [8], В. І. Сілівончык [18], М. Ф. Раманюку [15], Я. М. Сахуце [17].

Праблематыка вытворчасці ажурных тканін на рэгіянальных матэрыялах Віцебшчыны распрацавана Марыяй Віннікавай. Яе артыкул «Ажурныя тканіны Віцебшчыны» ўвайшоў у зборнік новых даследаванняў «Помнікі мастацкай культуры Беларусі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору» ў 1989 г. [4]. Абапіраючыся на лакальныя традыцыі рэгіёна і на ўласны вопыт працы ў мастацка-эксперыментальнай лабараторыі Упраўлення мастацкай прамысловасці БССР, яна вывучала ажурныя тканіны Віцебшчыны і па спосабах вырабу падзяліла іх на тры групы. Дзякуючы яе параўнальнаму аналізу можна прасачыць развіццё тэхнікі ажурнага ткацтва рэгіёна. Таксама дзякуючы даследчыку былі адноўлены страчаныя тэхнікі ажурнага ткацтва.

Неабходна адзначыць навуковыя працы Вольгі Фадзеевай, якая ў 1990-я гг. звярнулася да праблем семантыкі тэкстыльнага арнаменту, яго лакальных традыцый. Вынікам яе працы сталі манаграфіі «Аб геаметрычным арнаменце народнага ткацтва і яго месцы ў агульнай карціне свету» і «Беларуская народная вышыўка» [20].

У 1994 г. убачыла свет манаграфія В. Фадзеевай «Беларускі ручнік». У працы выкарыстаны этнаграфічны матэрыял XIX–XX стст., прааналізаваны функцыі ручніка ў сітуацыйнай і каляндарнай абраднасці [21]. Аўтар зрабіла спробу прааналізаваць мастацка-тэхналагічныя прыёмы, спосабы выканання ручніка, яго рэгіянальныя асаблівасці. Адзін з раздзелаў прысвечаны ручнікам Паазер'я, дзе аўтар падрабязна разглядае тры тыпы ручнікоў Паазер'я: полацкія, віцебскія і стараверскія — іх сімволіку, сюжэты і кампазіцыю. Пільную увагу В. Фадзеева надае асаблівасцям палатнін, бранаму, выбарнаму і сеткаваму ткацтву.

Праблематыка семантыкі разглядаецца М. С. Кацарам у кнізе «Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка», што выйшла ў свет у 1996 г. У ёй прадстаўлены каштоўныя матэрыялы — даваенныя запісы, замалёўкі і фотаздымкі, але разважанні аўтара супярэчлівыя і не заўсёды абгрунтаваныя [6].

У 1998 г. падчас стварэння экспазіцыі трэцяй залы Музея традыцыйнага ткацтва Паазер'я менавіта гэтая кніга была ўзята за аснову. Праз усе вітрыны, у якіх прадстаўлены ручнікі васьмі раёнаў рэгіёна, чырвонай стужкай праходзіць расшыфроўка арнаментыкі ручнікоў паводле трактоўкі М. С. Кацара.

Адказ на пытанне, як фарміравалася мастацкая спецыфіка тканін па рэгіёнах Беларусі на прыкладзе традыцыйных ручнікоў, дае Вольга Лабачэўская ў сваёй манаграфіі «Повязь часоў — беларускі ручнік» (2002) [10]. Дапытлівая даследчыца прасачыла змяненне ў часе і ў прасторы ролі ручніка, яго арнаментыкі і мастацкіх ідэалаў. Што тычыцца рэгіёна Паазер'я, аўтар дае падрабязныя апісанні адрозненняў паазерскіх ручнікоў у кантэксце мастацка-стылістычных традыцый; вызначае сюжэты, якія амаль не сустракаюцца ў іншых рэгіёнах Беларусі; асаблівую ўвагу надае стараверскім ручнікам, якія падзяляе на вышываныя і выбарныя.

У 2005 г. выйшаў восьмы том энцыклапедыі «Беларусы» пад рэдакцыяй Я. М. Сахуты, прысвечаны дэкаратыўна-прыкладнаму мастацтву. У раздзеле «Мастацкія тканіны» аўтар дае агульную характарыстыку ткацтву і

вышыўцы ў комплексе, адзначае іх мастацкія рысы ў розных рэгіёнах; разглядае ўтылітарна-дэкаратыўныя тканіны Паазер'я, характарызуе ажурныя тканіны рэгіёна [2].

Чарговая манаграфія В. Лабачэўскай «Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации» выйшла ў 2013 г. [11]. Кніга прысвечана аналізу мастацкага тэкстылю краіны. У манаграфіі аўтар абавіраецца на рэгіянальны матэрыял збораў беларускіх музеяў. Лабачэўская звяртае ўвагу на фарміраванне мастацкіх комплексаў народнага тэкстылю, на арэал іх распаўсюджвання, дае характарыстыку комплексам і выбарнаму ткацтву Паазер'я, аналізуе розныя віды мастацкіх тэхнік. Не абыходзіць аўтар і арнаментыку традыцыйных ручнікоў, а таксама адзначае ўплыў бракараўскіх арнаментаў на знікненне канонаў вышыўкі беларусаў у XX ст.

Мастацка-тэхналагічны асабліваці ўзорнага ткацтва ручнікоў у Музеі ткацтва НППГКМЗ аналізуе ў сваім артыкуле Н. В. Філатава. Яна вылучае тыпавыя віды ўзорыстага ткацтва Паазер'я на аснове калекцыі ручнікоў са збору музея. Аўтар надае ўвагу таксама вышыўцы, прасочвае час бытавання пэўных арнаментаў [23, л. 213].

Такім чынам, названыя навуковыя працы сведчаць аб цікавасці даследчыкаў да беларускага тэкстылю, ручнікоў і арнаментыкі. На жаль, да нашых дзён адсутнічае комплексны падыход да вывучэння тэкстыльнай творчасці Беларусі, што, на наш погляд, абумоўлена адсутнасцю адпаведных абагульняючых выданняў.

Агляд літаратуры дазваляе зрабіць выснову, што ў беларускай этнаграфічнай навуцы і мастацтвазнаўстве распрацаваны некаторыя пытанні перадачы і развіцця мастацкіх традыцый, распаўсюджвання арнаменту, тэхнік выканання, сацыяльнай значнасці і месца ў мастацкай спадчыне ручнікоў.

Сёння мы маем каштоўную магчымасць нават ва ўмовах, калі традыцыйная культура знікае, яшчэ назіраць у аўтэнтычным асяроддзі тэкстыльныя артэфакты і працаваць з калекцыяй ручнікоў у музейных зборах.

Крынізнаўчай базай вывучэння тканін і арнаменту з'яўляюцца музейныя калекцыі. Такім чынам, публікацыя каталога ручнікоў са збору НППГКМЗ уявіць ў навуковы абарот значную колькасць музейных прадметаў народнага тэкстылю, што значна пашырыць крынічнаўчую базу для далейшага даследавання.

АБ'ЁМ, СКЛАД, СТРУКТУРА КАТАЛОГА

На 1 студзеня 2022 г. у музейным зборы НППГКМЗ налічваецца 233 ручнікі, з іх 203 прадметы — асноўнага фонду і 30 — навукова-дапаможнага.

Калекцыя ручнікоў у фондах НППГКМЗ пачала фарміравацца ў 1959 г. і склалася ў выніку збіральніцкай працы, падворных абыходаў падчас навуковых экспедыцый, выпадковых закупаў і дарэння ад прыватных асобаў [22, л. 160].

Храналагічна калекцыя ахоплівае перыяд з канца XIX да 80-х гг. XX ст. Ручнікі, якія ўваходзяць у калекцыю, захавалі характэрныя рысы, што былі ўласцівыя часу і рэгіёну іх стварэння.

Значная частка прадметаў знойдзена на тэрыторыі Віцебскай вобласці. Найлепш прадстаўлены наступныя раёны: Полацкі, Міёрскі, Пастаўскі, Верхнядзвінскі, Глыбоцкі, Ушацкі, Шаркаўшчынскі, Докшыцкі.

Больш сціпла прадстаўлены Аршанскі, Бягомльскі, Браслаўскі, Лепельскі, Сенненскі, Шумілінскі, Чашніцкі раёны (1—2 экзэмплярамі). На жаль, не менш чым у паловы прадметаў калекцыі не вядомы прозвішчы і імёны майстроў, у асноўным гэта вясковыя жанчыны-майстрыхі.

Калекцыя ручнікоў сістэматызавана па двух прынцыпах:

- па месцы вытворчасці;
- па тэхніцы.

У каталозе будзе прадстаўлена 230 прадметаў, якія храналагічна ахопліваюць перыяд з канца XIX па другую палову XX ст.

У аснову пабудовы каталога і сістэматызацыі музейных прадметаў пакладзены прынцып рэгіянальнага дзялення. Каталог складаецца з 16 раздзелаў, якія адпавядаюць раёнам Віцебскай вобласці, з якіх паходзяць ручнікі. У кожным раздзеле вылучаны тэхнікі, віды і разнавіднасці. Унутры раздзелаў прадметы прадстаўлены па ідэнтыфікацыйных нумарах. Кожны раздзел змяшчае агульную інфармацыю аб ручніках раёна, якая ўключае апісанне асноўных тэхналагічных характарыстык групы вырабаў і перыяд іх бытавання.

У апошні раздзел увайдучь ручнікі, якія паходзяць з іншых рэгіёнаў Беларусі, або дакладнае месца выканання якіх не ўстаноўлена.

У каталозе мяркуюцца наступныя раздзелы:

- 1) уступ;
- 2) каталожныя артыкулы;
- 3) географічны паказальнік (па алфавіту);
- 4) імяны паказальнік выканаўцаў;
- 5) спіс літаратуры;

Каталожнае апісанне плануецца прадставіць наступным чынам:

- 1) парадкавы нумар;
- 2) прадметнае імя;
- 3) апісанне музейнага прадмета;
- 4) выканаўца: прозвішча, імя, імя па бацьку, гады жыцця (калі вядома);
- 5) месца вырабу;
- 6) дата стварэння;
- 7) матэрыял;
- 8) тэхніка;
- 9) памеры;
- 10) ідэнтыфікацыйны нумар.

Апісанне плануецца дапоўніць фотаздымкамі прадмета.

Каталог будзе змяшчаць паказальнікі: географічны (паводле месца вырабу), імяны (паводле выканаўцы), тыпавы (полацкія, віцебскія, стараабрадніцкія). Пошук ажыццяўляецца па парадкавым нумары.

Вывучэнне калекцыі музейнага збору НПГКМЗ дае магчымасць прасачыць пэўныя адрозненні паміж ручнікмі розных раёнаў вобласці, зафіксаваць змены вытворчых тэхнік у часе і прасторы, асэнсаваць практыку іх штодзённага выкарыстання. З аднаго боку, калекцыя ручнікоў мае сваю навуковую каштоўнасць і павінна выкарыстоўвацца ў якасці крыніцы ведаў і навуковай працы. З другога боку, яна бясспрэчна мае мастацкую каштоўнасць, можа стаць крыніцай творчага натхнення для таго, хто цікавіцца народным тэкстылем і рамёствамі.

Акрамя таго, частка ручнікоў, што знаходзіцца ў фондах НПГКМЗ, можа быць выкарыстана ў працэсе рэалізацыі адукацыйна-выхаваўчай і асветніцкай функцый — пры падрыхтоўцы выстаў і правядзенні музейна-педагагічных заняткаў. Усё гэта разам дазваляе папулярызаваць калекцыю ручнікоў з музейнага збору НПГКМЗ як адзін з каштоўных элементаў багатай духоўнай і матэрыяльнай спадчыны беларускага народа.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. А. У. Ткацтва на Беларусі / А. У. // Наша ніва : першая беларус. газ. з рыс. — Факсіміл. выд. : Вільня, 1911. — Мінск : Тэхналогія, 1992. — Вып. 1. — С. 124—126.
2. Беларусы : у 8 т. / рэдкал.: А. Т. Лакотка [і інш.] ; Нац. акад. Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. — Мінск : Беларус. навука, 2005. — Т. 8 : Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва / Я. М. Сахута. — 351 с.
3. Бульба, А. Аб арганізацыі хатняга рэмясла / А. Бульба // Наша Ніва. — 1911. — Дадат. да № 8. — С. 1—4.
4. Віннікава, М. М. Ажурныя тканіны Віцебшчыны / М. М. Віннікава // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: новыя даследаванні : зб. арт. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; пад рэд. С. В. Марцэлева. — Мінск : Навука і тэхніка, 1989. — С. 89—92.
5. Віннікава, М. М. Шматнітовае ткацтва / М. М. Віннікава // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 1989. — С. 538—539.
6. Кацар, М. С. Беларускі арнамент: ткацтва, вышыўка / М. С. Кацар ; навуц. рэд. Я. М. Сахута. — Мінск : БелЭн, 1996. — 208 с.
7. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры, 20 ліп. 2016 г. № 413-З [Электронны рэсурс] // Партал «Музеі Беларусі». — Рэжым доступу: <http://museum.by/be/node/39965>. — Дата доступу: 30.03.2022.

Козел А. В.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-50-54>

8. Лабачэўская, В. А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народных мастацкіх промыслаў Беларусі (1920–1960-я гады) / В. А. Лабачэўская // Мастацтва Беларусі. — 1988. — № 6. — С. 68–70.
9. Лабачэўская, В. А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі мастацтва і промыслаў Беларусі / В. А. Лабачэўская. — Мінск : Беларус. навука, 1998. — 375 с. : іл.
10. Лабачэўская, В. А. Повазь часоў — беларускі ручнік / В. А. Лабачэўская. — Мінск : Беларусь, 2002. — 232 с.
11. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О. А. Лобачевская. — Минск : Беларус. навука, 2013. — 527 с. : ил.
12. Нацыянальная выстаўка «Беларускі ручнік» : кат. / аўт. тэкстаў і уклад. В. А. Лабачэўская. — Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтва, 2008. — 116 с.
13. Никифоровский, Н. Я. Очерки пространственного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н. Я. Никифоровский. — Витебск : Губерн. тип., 1895. — 552 с.
14. Нячаева, Г. Ручнік — шлях / Г. Нячаева // Мастацтва. — 1998. — № 2. — С. 68–70.
15. Раманюк, М. Ф. Віцебскія ручнікі / М. Ф. Раманюк // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. — Мінск, 1989. — С. 114.
16. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. — Вильна : Тип. А. С. Сыркина, 1912. — Вып. 8 : Быт белоруса. — 600 с.
17. Сахута, Я. М. Народное мастацтва Беларусі / Я. М. Сахута. — Мінск : Беларус. энцыкл., 1997. — 288 с.
18. Селивончик, В. И. Возрождение ремесла : пособие по ручному узорному ткачеству / В. И. Селивончик, М. Н. Винникова. — Минск : Полымя, 1993. — 142 с. : ил.
19. Сербов, А. И. Белорусы-сакуны / А. И. Сербов // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Импер. Акад. наук. — Петроград, 1915. — Т. ХСIV, № 1. — С. 1–49.
20. Фадзеева, В. Я. Аб геаметрычным арнаменце народнага ткацтва і яго месцы ў агульнай карціне свету / В. Я. Фадзеева // Ткацтва : зб. матэрыялаў па беларускім народным ткацтве. — Мінск : Бел. ін-т праблем культуры, 1999. — С. 3–9.
21. Фадзеева, В. Беларускі ручнік / В. Фадзеева. — Мінск : Полымя, 1994. — 327 с. : іл.
22. Філатава, Н. В. Каталог ручнікоў з музейнага збору НППГКМЗ / Н. В. Філатава // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы ў 2006 г.). — Полацк : НППГКМЗ, 2007. — С. 161.
23. Філатава, Н. В. Мастацка-тэхналагічныя асаблівасці ўзорнага ткацтва ручнікоў з музейнага збору НППГКМЗ / Н. В. Філатава // Полацкі музейны штогоднік : (зборнік навуковых артыкулаў за 2013 г.). — Полацк : НППГКМЗ, 2014. — С. 213.
24. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : в 3 т. / П. В. Шейн. — СПб., 1902. — Т. 3. — 536 с. — (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. — Т. 72).

Козел Аксана Васільеўна,
загадчык Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я —
філіяла НППГКМЗ

О. В. Козел

КАЛЛЕКЦИЯ ПОЛОТЕНЕЦ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. ИСТОРИОГРАФИЯ, ОБЪЁМ, СОСТАВ, СТРУКТУРА КАТАЛОГА

Рассматриваются коллекции полотенец в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Подробно анализируется библиография XIX–XXI вв., представляются объём, состав, структура каталога коллекции.
Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, ткачество, вышивка, полотенце, ремесло, коллекция полотенец, каталог полотенец.

Козел Оксана Васильевна, заведующий Музеем традиционного ручного ткачества Поозерья — филиала НПИКМЗ.

С. П. Копыл

ИМЕНА И ПАМЯТЬ. СТРАНИЦЫ ХОЛОКОСТА В ГОРОДЕ ПОЛОЦКЕ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Рассматриваются отдельные моменты реализации нацистской политики геноцида в отношении жителей г. Полоцка на временно оккупированной сухопутной армией Германии территории Полотчины в 1941–1944 гг.

Ключевые слова: Полоцк, оккупация, холокост, геноцид.

Понятие «Холокост» в современной историографии широко используется с середины прошлого века. Оно обозначает преследование и массовое уничтожение евреев в годы Второй мировой войны нацистами и их пособниками в Германии и на временно оккупированных территориях Восточной Европы, в том числе и на территории Беларуси. В настоящее время израильскими учеными используется термин «Шоа» (катастрофа), который постепенно вытеснил аналогичный термин «Хурбн Дритер», появившийся вскоре после войны.

15 июля 1941 г. немецкие войска заняли левобережную часть г. Полоцка, а 16 июля – центральную часть, находящуюся на правом берегу р. Западной Двины. На долгие три года город оказался во власти нацистской оккупации, входя в административное подчинение штаба группы армий «Центр». В силу объективных причин, связанных со срывом сроков наступления, а затем и плана разгрома СССР, Полоцк и все районы Витебской области восточнее местечка Глубокое под юрисдикцию гражданских властей не передавались. Формированием местных органов власти и поддержанием порядка занимался начальник 102-го тылового района генерал пехоты фон М. Шенкендорф. На Витебско-Полоцком направлении ему подчинялась 403-я охранная дивизия под командованием ещё одного барона, генерал-майора Ф. Дитфурта. В состав дивизии помимо боевой пехотной группы входили военизированный и охранный полки, а также полевые и местные комендатуры. Специальные задачи по выявлению и подавлению сопротивления местного населения должны были решать переданные ему в оперативное подчинение группы тайной полевой полиции, входившие в военную контрразведку (Абвер), и 131-й моторизованный полицейский батальон. На истории этого батальона стоит остановиться подробнее. Батальон был укомплектован членами полиции правопорядка рейха (Зипо) и непосредственно подчинялся Главному управлению имперской безопасности (РСХА) Германии. Обладая повышенной мобильностью, этот полицейский батальон в тесном взаимодействии с тайной государственной полицией (Гестапо), полицией безопасности и службой безопасности (СД) предназначался для решения специфических задач, в том числе и для физического уничтожения комиссаров Красной Армии, партизан, евреев, цыган, местной интеллигенции и большевистских активистов. Эти задачи относились к разряду политических и должны были решаться охранными отрядами СС, используя созданные из местных предателей отряды вспомогательной полиции (Hilfspolizei) и службы порядка (Ordnungsdienst).

По предвоенной договорённости между высшим руководством вооружённых сил Германии и охранными отрядами (СС), Вермахт обязан был оказывать всевозможную помощь оперативным группам полиции безопасности и СД (Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD), которым предписывалось уничтожать так называемые подрывные элементы. Они же должны были решать и еврейский вопрос, под которым подразумевалось физическое уничтожение евреев.

Уже в первые дни оккупации в Задвинье были развернуты полевая комендатура № 815, тайная полевая полиция и полевая жандармерия. На противоположном берегу Западной Двины, на пересечении улиц Ленина и Орджоникидзе, приступила к работе подчинённая ей местная комендатура (Ortskommandantur).

Приход новой власти коренным образом изменил жизнь полочан. Население города подверглось страшным испытаниям и лишениям. Но особенно ужасная участь ожидала еврейское население города. Бывший начальник религиозного отдела городской управы и последовательный противник большевизма П. Д. Ильинский уже в эмиграции в 1947 г. писал по этому поводу: «В Белоруссии, где так много еврейской бедноты, жизнь которой ни в чем, в сущности, не отличается от остального угнетаемого советской властью населения, антисемитизма нет, и масштаб вопиющего немецкого злодеяния буквально не укладывался людям в голову» [6, с. 50].

На данный момент основные сведения о судьбе еврейского населения г. Полоцка хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь (Фонд 845), в Зональном государственном архиве г. Полоцка (филиале Витебского Государственного архива Витебской области) (Фонд 687) и Государственном архиве Российской Федерации (Фонд р-7021). Наиболее информативны два дела последнего из перечисленных архивов. Это дело № 220, которое содержит обобщённые сведения, акты о совершённых злодеяниях и другие материалы о зверствах немецко-фашистских захватчиков над советскими гражданами в г. Полоцке Полоцкой области. И дело № 310 с итоговым докладом об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Полоцкой области БССР. Все протоколы опросов жителей города из дела № 220 условно можно разделить на три категории: очевидцев, косвенных свидетелей и непосредственных жертв. Следует сразу оговориться, что ни одна из перечисленных категорий не имела доступа к документам немецкой оккупационной администрации. Поэтому на степень осведомлённости опрашиваемых оказали самое непосредственное влияние их место жительства, образование и сопричастность к описанным событиям. Жители Задвинья (улицы Лепельская, Краснознамённая, Нижне-Набережная, Дзержинского) или Громов (ул. Колхозная) рассказывали более подробно об участии своих соседей, но очень слабо ориентировались в событиях, которые происходили в центральной части города, а тем более в районе Спасского военного городка. Проживавшие в центральной части Полоцка (улицы Ленина, Пролетарская) и на прилегающих улицах (1-й переулок Фрунзе) были более информированы о создании гетто в центре города и отдельных моментах жизни его обитателей. Жители улиц Промышленная, Лагерная (с переулками) и деревни Лозовка были более осведомлены о последних днях гетто и массовых расстрелах его узников. Но самые правдивые рассказы, конечно, тех, кто сам прошёл через этот ад. Хотя, подчеркнём, они тоже носят субъективный характер.

Уничтожение полоцкого населения началось уже в июле месяце. Под первый удар попала интеллигенция, партийные активисты и советские работники. В заключительном акте полоцкой городской Чрезвычайной комиссии выделен этот факт «<...> *Расследованием установлено, что немцы арестовали, замучили и убили в г. Полоцке свыше 200 человек научных работников и советских деятелей*». Количество казнённых евреев среди них осталось неизвестным. Народная память сохранила только имена двух учительниц — Тимоховой Гени Исааковны и Зингер Софии Наумовны [5, л. 3]. Осталось неизвестным и место их убийства. Затем немцы организовали настоящую охоту на еврейское население города. Жительница Задвинья Х. Е. Бочкарова (ул. Лепельская, район Задвинье) показывала: «<...> *Лично мне известно, как только немцы пришли в Полоцк, то они зверски расстреляли ни в чем не повинные еврейские семьи, проживающие по Лепельской улице. <...> в 1941 г. было расстреляно до 25—30 евреев из Лепельской улицы и переулков. Расстрелы мирных советских граждан немцы проводили недалеко от нас возле парка*» [5, л. 103]. Её рассказ совпадает с рассказом другой жительницы Задвинья В. И. Боровской (ул. Краснознамённая): «<...> *Мне известно, что в 1941 г. немцы расстреляли несколько еврейских семей, проживающих как по ул. Краснознаменной, так и по Лепельской. Массовые расстрелы и убийства происходили в парке*» [5, л. 104]. Ещё одна жительница этого района Л. Г. Бараховская (ул. Лепельская) утверждала: «<...> *в бывшем военном парке были расстреляны несколько еврейских семей, а в общей сложности евреев было расстреляно около 20 тысяч чел.*» [5, л. 101].

Во всех случаях речь идёт о парке или военном городке бывшего артиллерийского полка 5-й стрелковой дивизии, известном и сейчас как часть микрорайона Задвинье. Но это было только начало. Трагедия затронула и остальные районы города. З. Д. Спиридонова (ул. Колхозная, район Громы): «<...> *В 1941 г. также зверски расправлялись с еврейской нацией. Их немцы собирали вместе и увозили в лес всех женщин и детей. Немцы их заставляли копать ямки и, когда они выроют ямку, по ним стреляли. И был случай, когда малый мальчик от страха схватился за дерево, то немцы зверски отрубили руки*» [5, л. 60]. Е. А. Грашанова (ул. Колхозная, ст. Громы): «<...> *Немецкие палачи сгоняли по несколько человек евреев в машину и отвозили за город в Баравуху, где заставляли копать их ямы, а потом их расстреливали, а детей бросали живьем в ямы*» [5, л. 68]. В своём разделе сборника «Трагедия евреев Беларуси в 1941—1944 гг.» научный сотрудник Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны Р. А. Черноглазова приводит свидетельство очевидца и непосредственной жертвы уничтожения полоцкого еврейства (без указания фамилии, имени и отчества): «<...> *С начала войны многие уехали в окрестные деревни от бомбежек. Потом решили эвакуиро-*

ваться, достали лошадей и поехали, но в районе 17-го разъезда немцы перерезали дорогу, и мы должны были вернуться в Полоцк. Дом наш сгорел. <...> Поселились мы в доме эвакуировавшегося Берзана. Евреи в это время жили по своим домам, но всех, кроме стариков и детей, гоняли на работу – подметать улицы, пилить дрова и так далее. Через несколько дней немцы собрали 2 машины евреев – и таких, что на работе были, и других увезли. Больше этих людей никто не видел» [14, с. 122]. Где их расстреляли, можно только предполагать. В Акте Чрезвычайной государственной комиссии от 7 мая 1945 г. утверждалось, что «в августе 1941 года на полигоне в районе г. Полоцка немцы производили массовый расстрел мирного населения еврейской национальности» [5, л. 8].

С формированием городской управы, службы поддержания порядка и полоцкой вспомогательной полиции, военный комендант местной комендатуры приступил к принудительной изоляции евреев в центральной части города, т. е. в гетто (рис. 1). В связи с этим возникает вопрос отнесения полочан к еврейской национальности. И он имеет свою историю. Ещё в 1935 г. в первой инструкции об имперском гражданстве Германии говорилось, что евреем является тот, у кого в роду насчитывается, по меньшей мере, три предка еврейской крови. Или тот, кто состоит в смешанном браке, или рождённый в смешанном браке, или рождённый от внебрачной связи, или принадлежит к еврейской религиозной общине [14, с. 49]. Последнее положение было подтверждено на временно оккупированных территориях СССР: «...лица еврейского происхождения, независимо от вероисповедания (римско-католического, греко-католического, православного) считаются евреями...» [14, с. 67]. Но в Полоцке оккупанты и их пособники в первую очередь руководствовались не этими положениями, а составленными списками и внешним видом человека. В отдельных случаях на их решение могло повлиять поручительство местного населения, которое могло доказать, что задержанный, хотя и похож на еврея, но таковым не является.

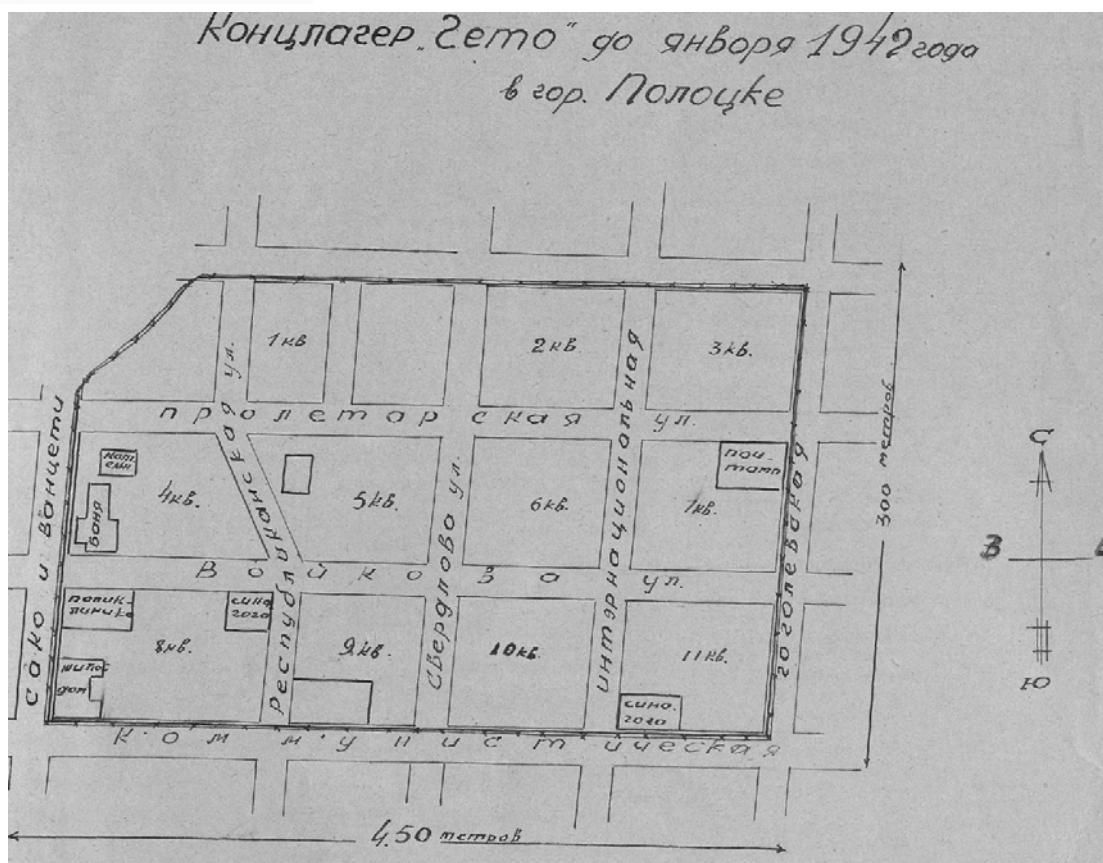

Рисунок 1 – Схема размещения гетто в центре г. Полоцка [5, л. 106]

В августе 1941 г. территория гетто ограничивалась улицами Сакко и Ванцетти, Коммунистической, Гоголя и Островского и была огорожена колючей проволокой. Вход был организован со стороны ул. Гоголевской.

Около входа висел плакат: «Каждый выявленный на территории лагеря „Гетто“ русский будет уничтожен». Всё нееврейское население из пределов 11 жилых кварталов было выселено в другие районы.

Этот рисунок из архивного дела подтверждается показаниями полочан. Так, Минькович Михаил Борисович, 1929 года рождения (ул. Пролетарская, центр города), вспоминал: «<...> В городе Полоцк был организован лагерь „Гетто“ с первых чисел августа м-ца 1941 г. В лагерь входили такие здания, как амбулатория, банно-прачечный комбинат, электростанция, школа № 12, синагога, почта и др. здания. В этом лагере находилось около 2500 человек евреев» [5, л. 115]. Б. В. Гушинский (ул. Ленина): «<...> С конца августа месяца 1941 г. по 5 мая 1942 года я работал зав. биржей при Полоцкой горуправе. <...> С августа – сентября до декабря месяца 1941 г. в г. Полоцке был организован концлагерь для мирных советских граждан преимущественно для еврейского населения, охватывавшего 14 кварталов города между улицами Сакко и Ванцети и Гоголевской. Возле лагеря были сделаны надписи, что „Каждый замеченный русский на территории лагеря „Гето“ будет наказан“. Лагерь был обтянут проволокой и со стороны улицы Гоголя была сделана надпись „Гето“ – в лагерь входили такие крупные здания города, как здание городской почты, школа №..., детская техническая станция, гор. амбулатория, банно-прачечный комбинат и ряд других построек и служебных зданий. Староста лагеря был еврей Шерман лет 40–45, который плетью наказывал каждого, кто не повиновался ему» [5, л. 109]. А. А. Шишкина (1-й переулок Фрунзе): «<...> Для еврейского населения в городе был создан лагерь „Гето“ расположенный между улицами Гоголя и Сакко-Ванцети, в лагерь входили здания новой почты, еврейской синагоги, гор. амбулатория, банно-прачечный комбинат и ряд других жилых, учебных и служебных зданий» [5, л. 111].

В. В. Жиганов (окруженец, с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. проживал в Задвинье, позже – командир партизанского отряда, и. о. командира 3-й Белорусской партизанской бригады): «<...> В гор. Полоцке от ул. Гоголя до ул. Сакко-Ванцети был расположен лагерь „Гето“, в котором находились евреи – населенность лагеря мне неизвестна, в район лагеря входили такие здания, как почта, амбулатория, школа № 12, банно-прачечный комбинат и другие» [5, л. 112].

Вернёмся к рассказу, приведённому в качестве примера Р. А. Черноглазовой: «<...> Через две-три недели было объявлено о создании гетто. Все евреи переселились в район улиц Коммунистической, Гоголевской (недалеко от бани), ул. Войкова, Интернациональной. Русские из этого района переселились в освободившиеся еврейские квартиры. В гетто много домов было разрушено, оно было огорожено проволокой, но не охранялось. Жили по 10 семей в доме, всего было тысяч 5 человек. До войны в Полоцке жило 10–12 тысяч евреев, примерно половина населения. Евреям запрещалось уходить за территорию гетто, слева на груди и на спине должны были носить желтые 6-конечные звезды. Молодых гоняли на работу» [14, с. 123]. Белорусский историк и социолог Э. Г. Иоффе на международной конференции в Полоцке в 2012 г., ссылаясь на Центральный архив КГБ Республики Беларусь, привёл два интересных рассказа. Первый прозвучал во время допроса узницы Полоцкого гетто С. Д. Фингельсон 14 июня 1947 года. Она показала: «<...> Во время моего пребывания в гетто, которое продолжалось в течение более двух недель, мне известно, и я сама была очевидцем издевательств германских солдат и офицеров над гражданкой Алединой, у которой в гетто были изъяты ценности, зашитые в подушке. Все вещи тщательно проверили, подушки разорвали на мелкие части и изъяли у нее ряд ценностей. <...> (Однажды) утром в гетто ворвались двое полицейских – русских и один немец высокого роста, худощавый, лет 30–37, на груди у него был знак „череп“, подошли к одной заключенной гетто – гр-ке Гиндлиной. Русский полицейский просил у нее золото и сразу схватил ее подушку, которую разрезал и извлек оттуда два золотых кольца и золотые часы, они отдали немецкому офицеру высокого роста, который положил их в карман. После этого они ушли. Данный факт мне известен, поскольку я сама в то время содержалась в гетто и была очевидцем. <...> Ввиду того, что в первое время гетто [не] охранялось, я ушла из гетто. Это было приблизительно 10-е августа 1941 г.» [7, с. 324–335]. Второй – протокол допроса свидетеля Н. А. Манша, который в период временной оккупации Полоцка с 15 июля 1941 года по октябрь 1942 года работал плановиком отдела снабжения горуправы Полоцка. 14 июня 1947 года он показал: «<...> С приходом немцев был издан приказ о регистрации в местной комендатуре всех жителей города еврейской национальности, затем всех евреев по приказанию местной комендатуры заключили в гетто, которое было организовано в центральной, наиболее разрушенной части города на ул. Пролетарской, Войкова и др., обнесено колючей проволокой, выход и вход не разрешался, все еврейское население носило нашивки с шестиконечной звездой Давида. Тут же в гетто и на

квартирах у еўрейскага населяння былі аграблены і изьняты ўсе ценнасці і ценнае імучства, прычым еўреи падвергаліся жэстокім изьбіенням пры изьняці ценнасцей. Усе ценнасці былі сданы ў местную комендатуру, кому не знаю, но я предполагаю, что ценности были сданы одному из работников местной комендатуры, ведающему финансами» [7, с. 324–335].

Первое время, пользуясь отсутствием должной охраны, дети из гетто часто ускользали в город для поиска пищи. Кое-кого из них пытались укрыть местные жители. Бывший директор одного из детских домов М. С. Форинко свидетельствовал: «<...> Особенно тяжело было спасать детей-евреев. До войны в наш детский дом поступила девочка Ихниель Зельда, а в детдом № 2 (еврейский) была направлена ее старшая сестра Ихниель Рахиль. Однажды я увидел в детдоме обнявшихся сестер Зельду и Рахиль (к этому времени Зельда числилась, как Мордухаева Зоя). На вопрос: „Кто вторая девочка?“ мне ответили, что это сестра Зои, удрала из еврейского гетто, переплыла Полоту и попала в детдом. Я сказал: „Отныне ты Мордухаева Маргарита, а это твоя сестра Зоя. Считайте себя из Кавказа, ни в коем случае не говорите, что вы еврейки“. Вторым случаем. Когда расстреливали евреев всего города, одна девочка 14 лет Шнейдман Бэлла бежала и очутилась в нашем детдоме. Была названа Зенькова Евгения Ивановна. И таким образом, спасена» [15, с. 103, 104].

Со временем покидать огороженную территорию становилось всё труднее и труднее. К полиции, охранявшему вход в гетто, добавились пешие патрули из тех же полицейских, которые ходили по периметру запретной территории. На данный момент документов о назначении местного самоуправления, т. е. еврейских советов (юденратов) не обнаружено. Известно, что внутренним управлением общиной руководил назначенный оккупантами бывший столяр Шерман. Ему помогал мастер по ремонту велосипедов Апкин. Именно через них осуществлялась связь с внешним миром. Они выделяли назначенное горуправой количество людей на всевозможные работы, доводили распоряжения оккупационных властей, осуществляли распределение скудного продовольствия. Жизнь в пределах указанных кварталов была на грани выживания. Очень плохо обстояли дела не только с продовольствием, но и с медицинской помощью. Питанием населения в городе заведовал продовольственный отдел городской управы. Мы не знаем, какие были ресурсы в распоряжении отдела, но знаем, что в гетто еду выдавали только один раз в сутки. Это была так называемая «болтушка» — мука, размешанная в воде, без соли. К ней полагалось 100 граммов хлеба (смесь муки со жмыхом). Но и этот скудный паёк выдавался только занятым на тяжёлых физических работах. Для заболевших не было лекарств и медицинского инструментария. Обращаться за помощью в местную или полевую комендатуру было бесполезно. Практически всё взрослое население привлекалось к работам по ликвидации последствий немецких бомбардировок и артиллерийских обстрелов города в июле месяце. За малейшее ослушание следовало наказание. Очень скоро немецкие власти приняли решение об освобождении Полоцка от евреев. Первым шагом его реализации стал перевод узников в подсобные помещения кирпичного завода, располагавшегося в районе Спасского военного городка.

Минькович Михаил Борисович, 1929 года рождения (ул. Пролетарская): «<...> 15 сентября 1941 г. лагерь „Гето“ был переведен в район кирпичного завода, в бараках в числе заключенных в лагере находился и я. <...> заключенным давали в сутки по сто грамм хлеба, воды совершенно не давали, лагерь охраняли полицейские» [5, л. 115]. Эти показания подтверждает и статья Р. А. Черноглазовой. «<...> В сентябре гетто переместили на окраину Полоцка в дер. Лозовка, недалеко от военного городка Боровуха. Разместили в 10 бараках, что были на кирпичном заводе. Там уже был настоящий забор, охрана. Охраняли полицейские, немцы приезжали только грабить. Всех выгоняли на улицу и искали по баракам вещи, золото. Срывали с рук кольца, часы, некоторых, особенно женщин, раздевали голыми и обыскивали. Чтобы спасти вещи, приходилось надевать на себя несколько рубашек и несколько пальто. Жили по 40–50 человек в бараке. Часто утром 2–3 человека не вставали — умирали от голода и болезней, вшей было много. Мы с другом Абрашкой Соколинским часто убегали из гетто через дыру в заборе. Уходили даже с ночёвкой. Меняли вещи и деньги на продукты и приносили в гетто. В гетто был староста Абрам Шерман, бывший столяр, и заместитель Апкин, раньше в мастерской по ремонту велосипедов работал. По заданию немцев они выделяли людей на работы. Так этого Шермана расстреляли раньше всех. Доставать еду где-то было необходимо, потому что в день выдавали только 100 грамм хлеба на человека. Жили по 10–15 семей в комнате. Убежать из гетто можно было, но бежать было некуда, партизан еще не было» [14, с. 122]. Сколько времени в центре города просуществовали еврейские кварталы

доподлинно неизвестно. В. В. Жиганов (окруженец, с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. проживал в Задвинье, затем командир партизанского отряда, и. о. командира 3-й Белорусской партизанской бригады) по этому поводу пояснял: «<...> В декабре м-це 1941 г. лагерь был перемещен в район кирпичного завода, где ежедневно производились расстрелы евреев» [5, л. 112]. Бывший статист продовольственного отдела горуправы А. А. Шишкина также подтвердила, что „Гето“ было переведено из центра города в район кирпичного завода зимой 1941 г. Эта информация совпадает с рассказом Б. В. Гущинского и В. В. Жиганова Первый проживал на ул. Ленина: «<...> В декабре м-це 1941 года из города лагерь „Гето“ был переведен в район кирпичного завода, где он там был размещен, я не знаю. Но со слов Пайкина — часового мастера, который находился в лагере „Гето“ в районе кирпичного завода и временами имел выход в город, было видно, что часть людей, заключенных в лагерь зимой, находилась под открытым небом, а другая часть людей находилась в помещениях, которые не отапливались. Питание было отвратительным, по поллитровой консервной банке раз в сутки давали заключенным какую-то бурду. Заключенных в лагере охраняла полиция» [5, л. 109]. Второй показывал: «<...> В декабре месяце 1941 г. лагерь „Гето“ был перемещен в район кирпичного завода в бараки, где ежедневно производились расстрелы евреев, какое количество было расстреляно евреев мне неизвестно» [5, л. 112]. А. А. Шишкина (1-й переулоч Фрунзе): «<...> Потом зимой 1941 г. лагерь „Гето“ был переведен в район кирпичного завода» [5, л. 111]. М. П. Якубёнок (5-й переулоч Фрунзе): «<...> В 1942 году в городе Полоцк у Красного моста, где площадь, была обнесена колючей проволокой и куда были посажены сотни евреев, белорусов и других советских граждан, где их били палками и резиновыми плетками и прикладами. <...> арестованных заставляли рыть могилы за деревней Лозовкой. Где их расстреляли до 1000 человек. <...> мне были знакомы муж и жена, которые торговали вином на базаре, и когда их стали расстреливать совместно с другими, то они попросили немецкую жандармерию их не расстреливать, а живыми лечь в могилу. И это им было разрешено. Тогда они обнялись в могиле и их закопали вместе с расстрелянными советскими гражданами» [5, л. 88].

Можно сделать предположение, что перевод на кирпичный завод осуществлялся поэтапно. И речь не идёт об одновременном существовании двух гетто. Это было именно одно гетто, существовавшее некоторое время в двух местах. Самая большая группа евреев с издевательствами была перегнана 15 сентября 1941 г., последняя — в декабре или в начале января 1942 г. Территория гетто была огорожена забором и усиленно охранялась полицией. На новом месте жизнь стала ещё хуже, что привело к увеличению количества умерших от голода и болезней. Предположительно их хоронили здесь же, недалеко от заводских бараков (производственных помещений) (рис. 2). Сейчас это место находится в районе Полоцкбита по улице Школьная, дом 8.

Рисунок 2 — Фрагмент немецкой аэрофотосъёмки 05.09.1943

Исходя из протоколов опросов свидетелей, напрашивается и другое предположение, что уничтожение жителей гетто также проходило в несколько этапов. В подтверждение этого приведём несколько показаний свидетелей. Полочанин М. Б. Минькович вспоминал: «<...> Лагерь просуществовал до 21 ноября 1941 г. <...> всех заключённых проконвоировали в Боровуха II, где было вырыто больших четыре ямы, куда живьём бросали маленьких детей, взрослых расстреливали. <...> Было расстреляно свыше 2300 человек. Расстрел производили немцы и полицейские <...>». В. В. Жиганов, исходя из данных партизанской разведки, по этому поводу пояснял: «<...>. При последнем расстреле евреев из лагеря „Гето“ в начале января 1942 г. было убито 4000 человек. Расстрел производили 30 немецких жандармов и 40 полицейских. <...> Расстреливали евреев партиями по 70–80 человек. После января 1942 г. лагерь „Гето“ существовать перестал, т. к. все евреи были расстреляны, и из всех евреев было оставлено только три специалиста: портной, водопроводчик и бывший помощник начальника „Гето“, которые в 1943 г. также были расстреляны» [5, л. 112]. Гражданка М. А. Федотенко была непосредственным свидетелем уничтожения евреев на бывшем полигоне, который располагался за д. Лозовкой: «<...> Когда их вели колонной, <...> то нас много женщин шли вслед, <...> граждан подошедших к выкопанной яме полицейский штыком в грудь колол, и они мертвые падали. Убивали там детей, женщин и стариков <...>» [5, л. 59]. Л. В. Киселева (ул. Лагерная): «<...> в 1941 году 11 декабря немцы производили массовый расстрел еврейского населения, всего в этом году немцами было замучено и расстреляно около 400 человек евреев. <...> их всех немецкие палачи выгнали за д. Лозовку к зелёному городку, где было место расстрела, и там всех расстреляли» [5, л. 53].

Н. И. Матецкая (ул. Лагерная): «<...> На территории кирпичного завода был лагерь для мирных советских граждан, в своем большинстве в этом лагере содержались евреи, которые ежедневно расстреливались немцами» [5, л. 107].

А. П. Харитоновна (ул. Нижне-Набережная): «<...> осенью 1941 г. немцами были замучены и расстреляны еврейские семьи. После ареста их содержали в лагере, за колючей проволокой возле городской бани, а потом расстреляли» [5, л. 96]. М. Я. Устинович (ул. Промышленная): «<...> всего в 1941 году немецкие палачи расстреляли еврейского населения, женщин, стариков и детей 1500 человек. Во время расстрела немецкие палачи евреев раздевали, детей многих бросали живьём в яму и засыпали землей еще живыми особенно стариков. Место расстрела еврейского населения и многих других жителей г. Полоцк было за д. Лозовка за переездом железной дороги правее зелёного городка в лесочке, куда немецкие изверги возили мирных советских граждан и там убивали. Я сама лично видела ужасную картину когда проходила мимо того места где были расстреляны мирные советские граждане, многие были плохо присыпаны землей и даже из-под земли были видны трупы, т. е. части тела, руки, ноги и т. д.» [5, л. 54]. М. А. Синицына (ул. 5-й Лагерный переулок): «<...> Я сама лично видела, как немцы возили в закрытых машинах из лагеря и из тюрьмы г. Полоцк мирных советских граждан к месту расстрела за д. Лозовка правее зелёного городка и там расстреливали. <...> Я сама лично видела, когда немцы гнали на расстрел евреев около 500 человек, среди них было много малолетних детей, которых немцы везли к месту расстрела на машинах. <...> После освобождения г. Полоцк от немецкой оккупации я проходила около того места где расстреливали немцы людей и видела как некоторые трупы были плохо зарыты и видны были человеческие кости» [5, л. 55]. М. П. Мудрецова (ул. 5-й Лагерный переулок): «<...> Я жила недалеко от того места, где немецкие палачи производили расстрелы мирных советских граждан г. Полоцк и сама лично почти ежедневно видела, как немцы привозили на машинах советских людей и производили расстрелы. В 1941 году немцы арестовали всех евреев жителей г. Полоцк около 700 человек и загнали их в лагерь, обгороженный колючей проволокой, который был расположен на территории кирпичного завода, их согнали туда целыми семьями, женщин, стариков и малолетних детей. Они там пережили страшный голод и ежедневно по несколько человек умирали от голода и истощения, продержав их около 1 месяца, немцы выгнали всех евреев в один день к месту расстрела за д. Лозовку за переезд железной дороги правее зелёного городка и всех 700 человек расстреляли. Я проживала недалеко от этого места и видела в окно, как немцы гнали из лагеря партиями евреев к месту расстрела, которые падали по дороге от истощения, их убивали прямо на дороге, а после трупы подбিরали, малолетних детей и стариков, которые не могли идти, везли на 3-х закрытых машинах, подогнав к месту расстрела к вырытым ямам, немцы сдирали со всех верхнюю одежду до нательного белья и тогда убивали выстрелами из автоматов и винтовок. Я даже не могла находиться в своей квартире, когда был слышен

душераздирающий крик беззащитных малолетних детей и обезумевших матерей, но немецкие палачи брали некоторых детей за ноги и живьем бросали в яму, а потом засыпали землей. <...> За все время оккупации немцы расстреляли на этом месте около 2000 человек мирных советских граждан жителей г. Полоцк» [5, л. 56]. М. А. Федотенко (на начало войны проживала в д. Струня, затем — предположительно в д. Лозовка): «<...> В 1941 году я видела, как на полигоне в Боровухе убивали Полоцких евреев. Когда их вели колонной немцы и полицейские, то нас много женщин шли вслед за ними и, дойдя на полигон, то первых граждан подошедших к выкопанной ямке, а первый стоявший полицейский, мне неизвестный, штыком в грудь колол, и они мертвыми падали. Убивали там детей, женщин и стариков» [5, л. 59]. М. Г. Брылева (ул. Дзержинского): «<...> евреев собирали партиями и сгоняли в Баравуху и в Спас, где их там расстреливали» [5, л. 67]. Кищенко И. М. (ул. Нижне-Набережная): «<...> Немцами были собраны евреи в лагерь и в начале зимы их из Полоцка угнали в лес к Боровухе, где их расстреляли. Расстреляно их было больше 3 тысяч человек» [5 л. 69]. М. А. Лабецкая (ул. Краснознаменная): «<...> Осенью 1941 г. на нашей улице немцами были арестованы все лица еврейской национальности. Вскоре после ареста они были расстреляны» [5, л. 105]. В. В. Жиганов: «<...> но при последнем расстреле евреев из лагеря „Гето“ в начале января 1942 г. было убито 4000 человек. Расстрел производили 30 немецких жандармов и 40 полицейских. <...> Расстреливали евреев партиями по 70–80 человек. В начале января м-ца 1942 г. лагерь „Гето“ существовать перестал, т. к. все евреи были расстреляны» [5, л. 112].

И опять сошлёмся на показания неизвестного свидетеля тех событий, приведённых Р. А. Черноглазовой: «<...> Про тех, что увезли на машинах из Полоцка в начале оккупации, ходили разные слухи: и что видели, как они где-то урожай убирают, и что их отправили в Палестину. Утром 21 ноября опять приехали немцы и полицейские. Мы думали, что это, как и раньше, приехали грабить. Всех выгнали, построили, открыли ворота, и повели в сторону Боровухи, это 2–3 километра от Лозовки, где было гетто. О том, что ведут расстреливать, не догадывались. Говорили даже, что в Палестину отправляют. Колонна вытянулась не на один километр. Мы шли в середине где-то и вдруг слышали выстрелы — это первых уже начали расстреливать. Колонну охраняли полицейские, попробовать убежать было можно. Меня уговаривал один знакомый парень по фамилии Пастернак, но мама держала за руку и говорила: «Если ты убежишь, то все равно тебя убьют, а так будем лежать вместе». А то, что расстреливают, поняли, когда стали слышны выстрелы, когда уже сворачивали с дороги, уже и видно было. Там уже выкопано было 5–6 ям. Это через дорогу от русского кладбища, которое на горочке. Машины, немцы, полицейские, кучи одежды... Тут я уже все увидел. Полицейские раздевали, одежду бросали в кучу, потом евреи брели к какой-то яме, подгоняемые полицейскими. В это время я уже от мамы вырвался. Вертелся между людьми, которых гнали к ямам, но к ним самим не шел. Несколько человек пытались бежать, их убили, взяли один за одну ногу, другой за другую — и в яму. Расстреливали немцы из винтовок, стояли по 5 у каждой ямы. Полицай Шастидко, (который) жил на нашей улице, заметив, что я не иду к ямам, крикнул: «А ты чего стоишь, а ну-ка пошел!», и ударил меня по голове велосипедной цепью. На голове была шапка, она смягчила удар, но конец цепи задел еще и по руке, она потом вспухла. И я пошел, пошел, сам не понимая, куда иду. И мимо этих ям, и в лес, и бегом. Слышал, как кричали, стреляли. Голым добежал до Косаверской больницы» [14, с. 124]. Продолжением этой истории служит рассказ Виталия Владимировича, опубликованный на сайте «Мое местечко / Полоцк»: «Мой дедушка Лев Пастернак сбежал из-под расстрела в Полоцке. По его рассказам, он бежал с парнем, по ним стреляли и парня убили, а дедушка добежал до какой-то соседней станции, на которой работал то ли родственник, то ли друг. Этот человек подобрал дедушке подходящие документы. С тех пор дедушка стал Соломыкиным Павлом Антоновичем» [1].

М. Б. Минькович, 1929 года рождения (ул. Пролетарская): «<...> лагерь „Гето“ просуществовал до 21 ноября 1941 г. 21 ноября 1941 г. всех заключённых проконвоировали в Боровуха II, где было вырыто больших четыре ямы, куда живьем бросали маленьких детей, взрослых расстреливали. В этот день было расстреляно свыше 2300 человек. Расстрел производили немцы и полицейские. Немцев было человек 15 и полицейских было не меньше 36 человек. <...> Перед расстрелом всех раздевали и в нательном белье расстреливали. Так же как и всех меня, раздел перед расстрелом полицейский Правила Василий, предварительно ударив плетью. С меня было снято пальто и галоши. Но благодаря случайности, я совершил побег из-под расстрела и остался жив, и после 21 ноября 1941 г. скрывался по окрестным селам и деревням. С 12 апреля 1942 г. по 3 июля 1944 г. находился в партизанской бригаде Прудникова» [5, л. 115].

Бывший член подпольной группы «Бесстрашные» полоцкого детского дома Н. П. Ванюшин много позже окончания войны писал: «<...> Вспоминается мрачный, холодный, непогожий осенний день. Уже глубокой осенью выпал первый снег, а затем наступила оттепель. По грязи, смешанной со снегом, фашисты гнали из Гетто более тысячи разутых и раздетых детей и стариков еврейской национальности на расстрел. Дети по одному и два шмыгали в стороны под кусты, хотя так немногим удалось спастись. Так спаслись Гончаров Володя, Путин и Шнейдман. Володя Гончаров перебежал к Маевской Ольге, Путин — к Антонович Анне Франциевне, Шнейдман — к Тышкевич Ивану. А эти граждане привели их в детский дом. Девочка Ихниеэль Марго через обман немецкого коменданта была взята из гетто непосредственно в детский дом и укрыта вместе со своей сестрой Зельдой под видом грузинок» [15, л. 8]. О том, как переселяли гетто в район кирпичного завода, 14 июня 1947 г. на допросе в МГБ БССР рассказала бывшая узница Полоцкого гетто С. Д. Фингельсон. Она показала: «23-го февраля 1942 г. я перешла линию фронта, впоследствии, т. е. после освобождения г. Полоцка, я с семьей приехала обратно в Полоцк в сентябре 1945 г., и из разговоров очевидцев, гр-ки ТОНТОЛА Марии Антоновны мне известно следующее: когда еврейское население перегоняли из гетто, которое находилось на улице Пролетарской и Советской, на кирпичный завод, то их гнали и били палками, и тех, которые падали, заставляли подниматься и идти дальше, затем после небольшого периода времени все еврейское население было расстреляно, более 3000 человек, в Ельнице недалеко от кирпичного завода» [7, с. 2]. Конечно, населённого пункта Ельнице в Полоцком районе не существует. Написанное неразборчиво в протоколе следует читать как «Ельник». Именно молодые ёлки росли на месте массового уничтожения советских граждан за д. Лозовкой. Интересен и протокол допроса свидетеля Манша Николая Александровича, который в период временной оккупации Полоцка с 15 июля 1941 года по октябрь 1942 года работал плановиком отдела снабжения горуправы Полоцка, о преступлениях нацистов в Полоцке от 14 июня 1947 года. Приведём фрагмент из этого документа: «Через некоторое время, осенью 1941 года, все еврейское население из гетто было переведено за город в район кирпичного завода, где усилился над ними террор. По дороге на кирпичный завод у всех евреев были изъяты вещи, их избивали. Зимой 1941 года все время содержались в гетто, население гетто голодало, пищи, продуктов питания и тёплых вещей им не выдавалось. В гетто свирепствовала эпидемия. Смерть была следствием эпидемии и издевательств — большая смертность. В декабре месяце 1941 года на опушке леса все заключенные гетто были расстреляны. При расстреле евреев раздевали догола и забирали все вещи. Данные факты известны, ибо я был очевидцем, когда еврейское население сгоняли в гетто, и о данных фактах мне известно от лиц, содержащихся в гетто, с которыми я поддерживал связь и помогал им продуктами питания. О расстреле мне известно также из разговоров жителей» [7, с. 3].

Но на этом история истребления полоцких евреев не закончилась. В начале 1942 г. на берлинском совещании, посвящённом окончательному решению еврейского вопроса, начальник полиции и СД обергруппенфюрер СС Гейдрих сообщил, что на 20.01.1942 г. в Белоруссии числилось 446 000 евреев (в Белостокской области еще 400 000 евреев) [14, с. 61]. Среди них оставалось и некоторое число полоцких евреев. Об их расстреле рассказал М. П. Якубёнок (5-й переулоч Фрунзе): «<...> В 1942 году немецкая жандармерия <...> привезла полную машину еврейской национальности, 22 человек их них были дети, в деревню Спасская Слобода, где посеяна была конопля, и среди этой конопли была вырыта яма, где последние были расстреляны и брошены в яму, а одежду расстрелянных увезли, только детские пиджачки были брошены на землю сверх могилы» [5, л. 88]. 26 августа 1942 г. начальник жандармерии Барановичского округа доложил коменданту жандармерии Белоруссии об уничтожении евреев округа: «<...> я получил задание <...> очистить от евреев округ. <...> Я устранил евреев в местечках Полоцка и Мир. Всего было расстреляно 719 евреев. <...> В Полоцке один жандарм был одним евреем ранен в горло портновским инструментом» [14, с. 96]. В исследованиях по истории гибели гетто в поселке Мир приводятся данные о расстреле 13 августа 1942 г. примерно 650 евреев. Можно предположить, что свой жизненный путь в первой половине августа 1942 г. закончили около 60—70 полоцких евреев. Но и после этого в городе ещё оставались дети-евреи, которых прятали работники детского дома, руководимого Форинко М. С. Так, заведующая вещевым складом Шупеня Ф. Ф. писала: «<...> мне было поручено прятать в тайник, что был в подвале среди свеклы, детей еврейской национальности. Это нужно было делать тогда, когда во дворе детдома появлялись немцы и полиция. Как-то во дворе детдома появились поли-

цаи і сталі разгаварываць з Віктарам Антоновичем Седловским. Я з еўрейскімі дзецьмі быстра ў падвал, а дэвушка-еўрейка Швер Юдифа не ўспела спрятаться, і яе схватили. Но обошлось все хорошо, а Юдифу (у нас яна лічылася Юлія Леонидовна Шверова) Михаил Степанович через несколько часов выручил» [15, л. 68, 69]. Усяго па ўспомінах работнікаў палочкага дзіцлага дома было спасена акало 10 дзіця-еўрэяў. Чаць іх, пярэпаложытэльна, была пярэправлена ў Быковшчынскі дзіцлагі дом.

Чудом дожили до 1943 г. несколько палочкіх еўрэяў. В. В. Жиганов па гэтым паводу расказывал: «<...> із ўсех еўрэяў, сардэжаваных ў лагэре, было астаўлена толькі тры: спэцыяліст партной (фамілію не помню), водопроводчик Мазо і бывшый паломнік начальніка „Гето“ (такжэ не помню фаміліі), якія ў 1943 г. былі расстреляны за рэкай Зап. Двіна» [5, л. 112].

В настаящее время более или менее известны несколько мест массового уничтожения палочкіх еўрэяў: за д. Лозовкай, ў д. Спасс-Слобода (ў апісываемое время – тэрыторыя колхоза ім. М. І. Калініна), на месце бывшай дыслакацыі 5-га артылерыйскага палка ў Задвіньі і ў Спасском военным горадэ. Об одной из таких экзекуций на территории последнего рассказал бывший военнопленный ДУЛАГа-125 Д. Н. Корчинов: «<...> Не изгладится из памяти жуткая картина расправы фашистских изуверов над несчастными женщинами еврейской национальности. Немцы проводили в жизнь Холокост и военнопленных заставляли смотреть из окон, как жандармерия расправилась с девятью женщинами, из которых четыре были с детьми 2-х – 4-х лет. Ужасное злодеяние было совершено не скрытно, где-то в лесу, а специально днем, за проволокой лагеря на глазах у тысяч людей» [12].

Но всё-таки место самого массового уничтожения узников гетто – это армейский полигон воинских частей Зелёного Городка. Географически он располагался за железнодорожным переездом, что за д. Лозовка Полоцкого района, напротив кладбища д. Боровуха 2-я, и примыкал к большим гарнизонным складам, к которым подходила железнодорожная ветка (рис. 3).

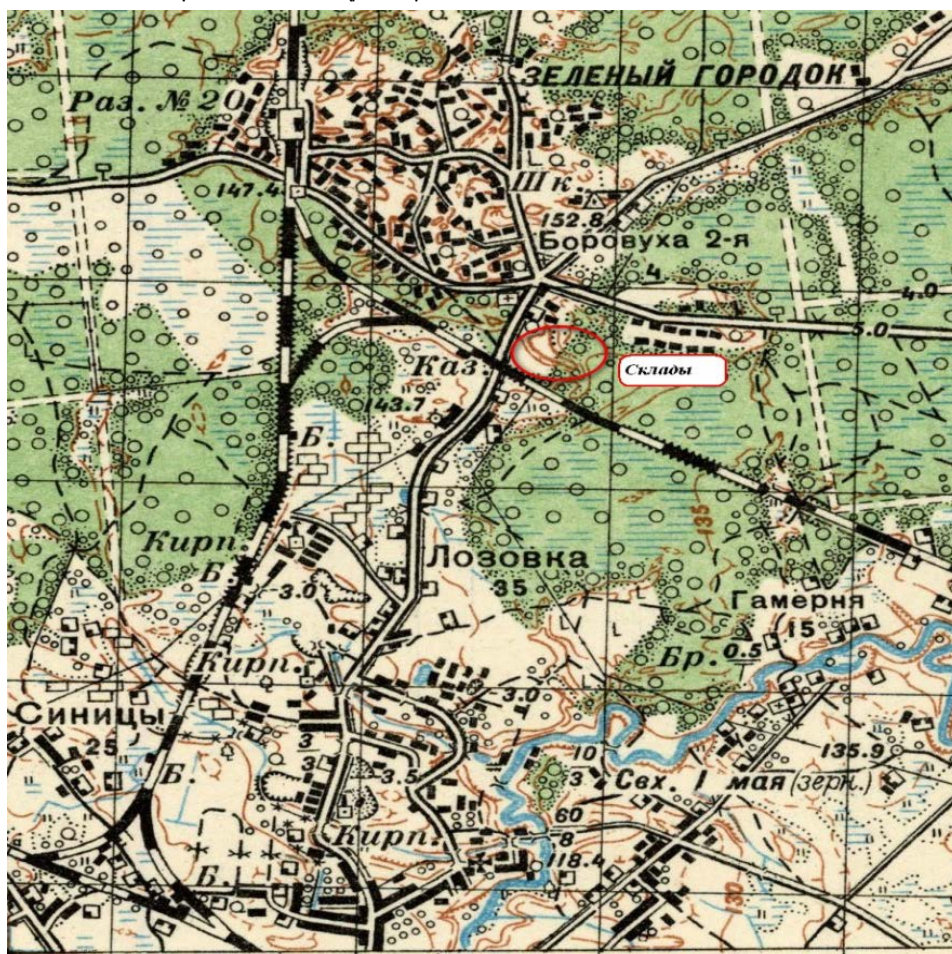

Рисунок 3 — Фрагмент карты РККА 1937 г.

На наш взгляд, место расправы выбрано не случайно. Достаточно безлюдная местность, песчаный грунт, железная и грунтовая дороги обеспечивали организацию сбора арестованных, отбора всех подозрительных и неблагонадёжных, а также осуществление массовых расстрелов советских граждан. И первые жертвы, возможно, были из неучтённого лагеря лета 1941 г., когда немецкое командование приказало освободить дороги от беженцев. Об этом лагере за д. Лозовкой только и известно, что он был. Судьба его обитателей неизвестна. Возможно, они и были первыми жертвами.

16 апреля 1945 г. районная Чрезвычайная государственная комиссия обнаружила в этом месте семь групповых и множество индивидуальных могил. При вскрытии одной из могил, длиной 20 метров, шириной 4 метра и глубиной 4 метра, были обнаружены трупы женщин, детей и стариков, одетых в большинстве своём в нижнее белье. При этом несколько трупов оказались совершенно голыми. По положению трупов можно было предположить, что часть людей зарывалась ещё живыми. По предварительным данным в этих могилах лежало до 3000 расстрелянных человек (рис. 4).

Рисунок 4 – Фрагмент немецкой аэрофотосъёмки 13.05.1944

В настоящее время это территория, ограниченная Дорожным переулком (дома 9 и 19), Дорожной улицей (дома 8, 9-а, 9-б) и Мелиоративной улицей.

Обобщая все свидетельские показания и результаты вскрытия нескольких могил, Чрезвычайная государственная комиссия пришла к выводу, что «<...> За время существования „Гето“ немцы истребили в нем более 7000 еврейского мирного населения <...>» [5, л. 8].

На основании чего комиссия сделала этот вывод — совершенно непонятно. Количество уничтоженных советских граждан за д. Лозовкой, как и общее число евреев, расстрелянных в период немецкой оккупации города, документально неизвестно. К. В. Кузовкин (окруженец, узник ДУЛАГа-125, начальник штаба 6-го партизанского отряда 3-й Белорусской партизанской бригады) рассказывал: «<...> Из показаний советских военнопленных, бежавших из лагерей, было установлено, что мирного еврейского населения из лагеря, расположенного за деревней Лозовка в районе кирпичного завода, было расстреляно около 15 тысяч, из них расстреливались только взрослые, а дети зарывались живьем. Расстрелы производились в районах Бароуха II и III» [5, л. 108]. То есть, в показаниях присутствуют самые разные цифры: от 400—500—700 и до 10 000—15 000—20 000 человек. И если первые цифры показаний явно занижены, то вторые точно также явно завышены. Поэтому любое

утверждение о числе погибших евреев как за деревней Лозовкой в частности, так и по всему городу, будет неточно и всегда найдёт своего оппонента. Достоверно одно: еврейская община в г. Полоцке за годы немецко-фашистской оккупации в большей степени была уничтожена и в послевоенное время так и не восстановилась. В качестве доказательства приведём результаты двух переписей населения города, а для последующих расчётов – и Полоцкого района (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты переписи населения г. Полоцка и Полоцкого района [3; 4; 9, л. 6]

Национальности	Полоцкий район	г. Полоцк	
	Перепись 1939 г.	Перепись 1939 г.	Перепись 1959 г.
белорусы	47 824 (86,8 %)	17 032 (57,6 %)	31 961 (71,09 %)
евреи	621 (1,1 %)	6464 (21,9 %)	2104 (4,68 %)
русские	5011 (9,1 %)	4890 (16,5 %)	9146 (20,34 %)
украинцы	811 (1,5 %)	614 (2,1 %)	977 (2,16 %)
поляки	220 (0,4 %)	211 (0,7 %)	282 (0,63 %)
и другие	595 (1,1 %)	366 (1,2 %)	491 (1,1 %)
всего	55 082 (100 %)	29 577 (100 %)	44 951 (100 %)

Сколько же евреев могло оставаться в оккупированном Полоцке? И таких документальных сведений нет. Утверждение о еврейской общине города на начало войны в 10 000–12 000 человек вызывает сомнение. И вот почему. По всесоюзной переписи населения в январе 1939 г. евреев насчитывалось 6464 человека. При этом входил ли в это число спецконтингент, проходивший по учёту ведомства НКВД БССР, или нет? Вопрос открытый. Для справки: из 29 577 человек, проживавших в Полоцке, осуждённых – 1462 человека (1318 мужчин и 144 женщины). И оказать влияние на демографический прирост города они не могли. Поэтому для дальнейших расчётов и для оценки возможного населения г. Полоцка возьмём цифры: $29\,577 - 1462 = 28\,115$ человек. Если предположить, что процентное соотношение между национальностями сохранялось, то евреев в городе проживало 6157 человек. Российские военные историки А. А. Шаббаев и С. Н. Михалев в малоизвестном историко-статистическом исследовании при расчёте демографических потерь СССР использовали средние ежегодные коэффициенты естественного прироста населения к началу 1940-х годов: минимальный – 1,59 % и максимальный – 1,82 % [16, с. 13, 14].

Применительно к г. Полоцку возможный ежегодный прирост еврейской общины в городе приведён в таблице 2.

Таблица 2 – Расчётная численность еврейского населения г. Полоцка

	Полоцк					
	1939 г.		1940 г.		До 22.06.1941	
1,59 %	98	6255	99	6354	50	6404
1,82 %	112	6269	114	6383	58	6441

Таким образом, еврейское население г. Полоцка до нацистского вторжения по нашим расчётам могло составлять 6404–6441 человек. По тем же рассуждениям население г. Полоцка – 29 246–29 413 человек. В решении Исполнительного комитета Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся от 4 июня 1969 г. «О преступлениях немецко-фашистских оккупантов в городе Полоцке в 1941–1944 годах» приводится численность населения города к началу Великой Отечественной войны в 31 500 человек. Мы не знаем источников этого утверждения, различающегося с нашими расчётами на 7 %, однако они подтверждают правильность наших рассуждений. Потому будем рассматривать возможное максимальное число – 6441 человек. Но в 1939–1941 гг. люди не только рождались, они умирали от болезней и по старости, уезжали на другое место жительства или на учёбу. Мужская часть населения оказалась вовлечена в оборонные мероприятия государства. Это, прежде всего, скрытая мобилизация 1939 г. (так называемые Большие учебные сборы), связанная с освободительным походом Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. Затем по-

следовали плановые осенние призывы военнообязанных на срочную военную службу 1939 и 1940 гг., внеплановый призыв военнообязанных на срочную военную службу весной 1941 г., опять же плановый призыв 1941 г. приписного состава на учебные сборы сроком до 45 суток, переросший в Большие учебные сборы. И, наконец, первая волна плановой мобилизации, начавшаяся 23 июня и закончившаяся 30 июня 1941 г. Уменьшилось население города и за счёт стихийной эвакуации, проходившей в конце июня – начале июля 1941 г. Утверждение о том, что еврейская часть населения могла существенно увеличиться за счёт беженцев из Польши, вызывает большие сомнения. Белорусские историки Евгений Розенблат и Ирина Еленская приводят данные, что во всей Витебской области к февралю 1940 г. было размещено всего 3820 беженцев-евреев. Большую часть из них вывезли органы НКВД в восточные районы СССР в ходе депортаций 1940–1941 гг. Они же приводят данные приблизительных расчётов, согласно которым из районов, захваченных противником, до середины июля 1941 г. успело эвакуироваться до 43–44 % евреев [13, с. 27–52]. Поэтому стоит согласиться со справкой от 16.02.1999 сотрудницы Зала Имен Мемориального комплекса истории Холокоста (Яд-Вашем) Оксаны Король, которая приводит данные о погибших в Полоцке 5000 евреев [10]. На это число не могли существенно повлиять ни привезённые для уничтожения евреи Полоцкого района, ни граждане, состоявшие в смешанных браках, ни граждане, сменившие свою национальность.

Большая часть из 5000 человек была уничтожена за д. Лозовкой. Условно это была одна большая интернациональная могила, где лежали расстрелянные подпольщики, партизаны и просто советские граждане. Об одной из таких расправ рассказал подпольщик и партизан Манис Н. А. на страницах Полоцкого вестника. «<...> Штодзенна 2–3 машыны адвазілі пакалечаных арыштаваных на расстрэл, пераважна ў Баравуху-2 і іншыя месцы. Вораг і тут працягваў здзекі. Чалавека падводзілі да ямы і тут наносілі моцны ўдар калатушкой па галаве. Пасля таго, як ен валіўся ў яму, яго расстрэльвалі з аўтамата, або пістоleta» [8]. Речь идёт о поздней осени 1942 г. В 1981 г. научный сотрудник Полоцкого Краеведческого музея О. И. Третьякова записала рассказ Матеевской Нины Ивановны, прошедшей через один из таких расстрелов: «<...> Когда я вышла из машины, немец закричал: „Раздевайся!“. Я сняла пальто и палач толкнул меня на край ямы, которая была довольно широкая в диаметре, почти до краев наполненная трупами. <...> Стоя на краю могилы, я думала, что больше не увижу свет, солнце и дорогие милые лица, не услышу пения птиц и шум вековых сосен. С правой стороны от меня стоял палач с большой колотушкой, с левой – автоматчик. <...> От нанесенного удара в голову я ощутила страшную боль, в голове зазвенело, почва под ногами растворилась, выстрела я не слышала, от удара потеряла сознание. И когда я пришла в сознание, то лежала ничком в яме. <...> Боли я не чувствовала, потом поняла, что кровь течет из раны, которая была на лице. <...> Пуля попала в щеку около челюсти, а вышла на щеке около глаза, не задев важных жизненных артерий. <...> Присыпав свои жертвы песком, немцы удалились, я слышала рев мотора машины. <...> Хотя я себя чувствовала очень слабо, одежда была мокрая от крови, уходить надо было неизбежно». День был холодный, снега не было, стоял мороз градусов восемь. Это и спасло Нину Ивановну, замедлив в её организме все физиологические процессы. Поэтому, несмотря на ранение и потерю крови, она сумела добраться до знакомых в Лозовке, где ей оказали помощь и переодели в новую одежду. Через какое-то время она пришла к партизанам. А в 1943 г. перешла линию фронта и вплоть до освобождения Полоцка работала в Москве. «<...> На второй день после освобождения Полоцка я поспешила на родину. У меня было намерение, прибыв в Полоцк, сразу же раскопать яму и достать тело мужа, и похоронить его. Был июль м-ц, стояла жара и санинспекция, и комендант г. Полоцка мне не разрешили взять из ямы труп своего близкого, ссылаясь, что будут произведены общие раскопки, и каждый сможет похоронить своего близкого. Но никто этого не сделал, а время шло. Там теперь возведены постройки, брали для строительства песок, а экскаваторщик заявил, что напоролся на большую грудку костей» [2]. Добавим, что вся большая песчаная гряда, продолжением которой является местность с кладбищем Боровухи 2-й, первоначально планировалась в качестве сырья для производства кирпичей, а когда была забракована из-за большого количества костей, то использовалась на подсыпку дороги от Спасского городка до развилки у Боровух 2-й и 3-й.

Почему же в оккупированном Полоцке, по первой немецкой переписи населения, оказалось 24 000 человек? Почему так много? Частично ответ на этот вопрос дал в своё время полоцкий краевед И. П. Дейнис. Он утверждал, что в судьбе полочан сыграл свою роль субъективный фактор, когда в народе ещё жива была память о германской оккупации 1918 г., при которой гражданское население особенно никто не притеснял.

Но мы обратим внимание на объективный фактор, заключающийся в невнятной, малоорганизованной эвакуации населения, больше похожей на стихийный исход желающих уйти от войны на восток.

В июле 1941 г. полоцкие обыватели не ожидали последующих жутких событий. Иллюзии рассеялись очень быстро. Уже первые действия немецкой военной администрации показали, что пришли не германцы, а немцы с нацистской идеологией, с идеей физического уничтожения еврейского народа и прочих «недочеловеков». Поэтому в широком смысле всю проблему следует рассматривать как геноцид населения Белоруссии, включающий и Холокост, осуществляемый оккупантами и их пособниками независимо от национальности, политических мировоззрений или вероисповедания. Международный Военный Трибунал, проходивший в г. Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., прямо назвал виновных: «После вторжения в Польшу и СССР германское правительство и германское верховное командование начали проводить систематическую политику убийства гражданского населения восточных стран и жестокое обращение с ними по мере того, как эти страны оккупировались немецкими вооруженными силами» [11].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Розыск родственников [Электронный ресурс] // Мое местечко / Полоцк. — Режим доступа: http://shtetle.com/Shtetls/polock/polock_search.html. — Дата доступа: 16.01.2022.
2. Воспоминания Н. И. Матецкой // Архив автора.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав Полоцкого района [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=587. — Дата доступа: 06.01.2022.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав Полоцкого района [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=574. — Дата доступа: 06.01.2022.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. р-7021. Оп. 92. Д. 220.
6. Ильинский, П. Д. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии / П. Д. Ильинский // Под немцами / К. М. Александров. — СПб. : Скрипториум. — 2011. — 608 с.
7. Иоффе, Э. Г. Евреи Полоцка в 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] / Э. Г. Иоффе // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — С. 324–335. — Режим доступа: <http://docviewer.yandex.by/view/103123935>. — Дата доступа: 06.01.2022.
8. Маніс, М. Жудасная расправа гітлераўцаў над патрыётамі Полацка (20.X.1942 г.) / М. Маніс // Полацкі веснік. — 1995. — 17, 20 красавіка.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). — Ф. 30. Оп. 5. Д. 7305.
10. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (НПИКМЗ). — КДФ4-2544/1.
11. Нюрнбергский процесс. Обвинительное заключение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.examen.ru/add/manual/school-subjects/social-sciences/history/referaty/nyurnbergschij-proccess>. — Дата доступа: 05.01.2022.
12. Письмо Д. Н. Корчинова // Архив автора.
13. Розенблат, Е. Динамика численности расселения белорусских евреев в XX веке [Электронный ресурс] / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. — 2002. — № 4. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/analit03.php>. — Дата доступа: 05.01.2021.
14. Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг. : сб. материалов и документов / ред. Я. Б. Дремач. — Минск : Изд. Я. Б. Дремач, Э. С. Гальперин, 1995. — 363 с.
15. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). — Ф. 1168. Оп. 11. Д. 40.
16. Шабает, А. А. Трагедия противостояния. Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Историко-статистическое исследование) / А. А. Шабает, С. Н. Михлев. — М. : Мос. гор. фонд «Ветеран Москвы», 2002. — 265 с.

Копыл Сергей Петрович,

заведующий Музеем боевой славы — филиалом НПИКМЗ

А. А. Костюкевич

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ВИКТОРА ШИЛКО

Обращается внимание на творческую деятельность Виктора Шилко — яркого представителя Витебской художественной школы, выпускника Витебского педагогического института, участника многих областных, республиканских и международных выставок. Исследование позволяет взглянуть на художника в контексте времени и глубже понять его живописный язык.

Ключевые слова: Виктор Шилко, беспредметное искусство, авангард.

Витебский авангард начал свою историю ярко и звучно в первой половине XX века — это было время высочайшего расцвета творческих объединений во всём художественном мире. В 1919 году Казимиром Малевичем и его учениками в Витебских свободных государственных художественных мастерских было создано объединение, которое первоначально получило название ПОСНОВИС («Последователи Нового Искусства»), но в феврале 1920 года было переименовано в УНОВИС («Утвердители Нового Искусства») [2].

Более чем полувековая история отделяет нас от того времени, когда происходили эти события и когда количество художников в Витебске измерялось единицами. За прошедшие годы творческим союзом пройден долгий путь, мы можем гордиться не только наследием мастеров витебской художественной школы начала XX века, но и творческими приобретениями наших современников. Об одном из витебских художников и хотелось бы поговорить.

Многим знакомо имя Виктора Шилко — известного во всём мире художника, являющегося последовательным нонконформистом в своём творчестве.

Небольшая библиографическая справка:

Шилко Виктор Александрович (14.07.1952, д. Заречье Городокского р-на Витебской обл.), белорусский живописец. Окончил художественно-графический факультет Витебского государственного педагогического института им. С. М. Кирова (1974). Член творческого объединения «Квадрат» (1987). Член Белорусского союза художников (1986). Возглавлял Витебскую областную организацию «Белорусский союз художников». Живет в Витебске (рис. 1). Работает преимущественно в станковой живописи. Основное направление в искусстве — беспредметная живопись. С 2002 года занимается концептуальной живописью [4].

Рисунок 1 — Виктор Александрович Шилко

Творческие поиски Виктора Александровича основываются на прочном фундаменте академической живописи, что даёт право художнику экспериментировать и не вводить публику в заблуждение, что ещё раз показывает поиски новых путей искусства.

Николай Гугнин, белорусский искусствовед, педагог, график, говорил, что одна из работ, которая действительно привлекает внимание — это дипломная работа Виктора Александровича Шилко, размером 2×3 м. Многие даже не верят, что в 1974 г. молодой художник-педагог создал такую основательную, редкую в кругу дипломов сюжетно-тематическую картину, очень связанную с тем, что принято называть социалистическим реализмом. Неудивительно, что при создании в 1987 г. творческого объединения «Квадрат» Виктор Александрович оказался там одним из опытных организаторов.

Сам Виктор Александрович про свою дипломную работу вспоминает: «Много времени не давали, где-то полгода, делали эскизы-картоны, представляли на комиссию. Дали добро — я начал писать. После того, как половина диплома была написана, показалось, что лица у людей неправдоподобные, и я взял в качестве натурщицы одну студентку с физмата и переписал все лица на холсте. После того, как работы были представлены на предварительный просмотр, я получил высокую оценку своей работе. Педагог был явно удивлён и отметил: „Ты сделал всё, что нужно“». Эта история подтверждает, что, даже будучи студентом, Виктор Александрович уже точно понимал, что делать, обладал тонким чувством стиля, цвета и визуального восприятия.

Этап становления В. Шилко как художника, а не «рисовальщика», как сам художник любит говорить, приходится на 1980-е годы. Именно в этот период Виктор Александрович знакомится со своим творческим вдохновителем, Михаилом Захарьевичем Рудаковым — «Пикассо Советского Союза», московским художником. Михаил Захарьевич (рис. 2) — художник с тяжёлой судьбой. В начале войны он попал в плен. В феврале 1943-го был арестован постановлением Особого совещания при НКВД СССР и приговорен к 5 годам лагерей. Срок отбывал в Воркутлаге. В 1957 году был реабилитирован. В 1982 году М. З. Рудакову было присвоено звание заслуженного художника РСФСР [5]. Несмотря на все перипетии судьбы, Михаил Захарьевич не перестал верить в искусство и любить его, и эту любовь он старался передать Виктору Шилко.

Рисунок 2 — Автопортрет Михаила Захарьевича Рудакова

Михаил Рудаков однажды сказал ему: «У каждого художника есть внутренний замысел, чтобы впоследствии прийти к абстракции». Эти слова Виктор Александрович помнит и следует им. Свой приход к некой абстракции и беспредметному искусству художник объясняет встречей с Михаилом Захарьевичем в Гурзуфе в 1980-х гг. и тем, что написание пейзажей являлось для него скучным занятием, хотелось найти новый цвет и новую пластику. Хотелось быть неузнаваемым. Именно М. Рудаков научил и подсказал, как писать не красками, а чувствами.

Как известно, цвет действует вполне предсказуемо. Но художник — не ученый, а виртуоз, владеющий чувством цвета. Выражая свое художественное отношение, Виктор Шилко ищет свою собственную символику и колористику, соответствующую только его восприятию мира. В каждом отдельном случае, в каждой работе художника перед нами предстаёт созвучие красок, гармония пластики и форм, способная полноценно жить на плоскости холста, не разрушая самого пространства.

Следующим серьёзным шагом, после обучения в институте им. Кирова, в жизни Виктора Шилко было его пребывание в составе творческого объединения «Квадрат» с 1987 по 1994 г. (рис. 3).

Рисунок 3 — Творческое объединение «Квадрат». Октябрь 1988 г.

Слева направо стоят: Николай Дундин, Валерий Чукин, Юрий Руденко (до 1990 г.), Татьяна Руденко (до 1990 г.), Валерий Счастный, Виктор Шилко; сидят: Александр Досуев, Александр Малей, Александр Слепов, Виктор Михайловский (до 1990 г.).
Фото Игоря Барсукова

В задачу творческого объединения входила организованная оппозиция официальному искусству и утверждение эстетических принципов русского авангарда и постмодернизма в художественной жизни Беларуси. Подтверждением являются слова А. Малей: «Цель нашего объединения очень проста — свобода. Эта простота разрушала тоталитарное государство, Союз художников, потому что просто пришли люди и сказали: „Мы свободны от вас. Мы будем сами делать выставки по тем темам, которые будем сами выбирать“. Это была оппозиция официальному искусству. К слову, на этой платформе организовывались все объединения Советского Союза» [6].

Для художников, в том числе и для Виктора Александровича, «Квадрат» был средой, местом, где нужно было развиваться беспрепятственно и законно. Значимым событием в жизни «Квадрата» и В. Шилко стал I Международный пленэр «Малевич. УНОВИС. Современность» (1994). Первая часть пленэра проходила на турбазе «Липки» возле Витебска (15 дней), вторая — в Витебске (8 дней). По результатам работы художников на пленэре, в Краеведческом музее Витебска с 15.09 по 10.10.1994 года была открыта итоговая выставка. Международному жюри пришлось поспорить, выбирая победителя. Отметим работы Виктора Шилко, Александра Соловьева, Валерия Счастливого.

К сожалению, творческое объединение долго не просуществовало, и «Квадрат» самораспустился, т. к. с распадом Советского Союза стало нечему противостоять. Рухнула идея, на основе которой был создан и существовал «Квадрат».

Художнику как творческой личности на протяжении всей жизни нельзя просто сидеть, ему нужно двигаться всегда, развиваться, чтобы не скатиться к начальному этапу творчества. После распада ТО «Квадрат», Виктор был приглашён в 1999 г. Василием Васильевым в проект «Абстракт», на данный момент самый продолжительный проект беспредметного искусства.

Традиции беспредметного искусства были заложены в творчестве витебских художников — представителей Витебского народного художественного училища — ещё в 1910—1920-е годы и связаны с творчеством Казимира Малевича и членов объединения УНОВИС («Утвердители нового искусства») [1].

Художник, рассказывая о состоянии высшей импровизации, которое предполагает беспредметное искусство, прийти к которому можно лишь на пике своего творческого развития, пишет: «Я хочу привести пример из музыки. Когда пианист, скрипач или какой-либо музыкант ещё играет по нотам, то я бы не хотел идти на такой концерт и слушать эту музыку. В мире существует такое явление, как джаз, когда человек играет нутром, и эту музыку, конечно, хочется слушать всегда. Так, наверное, и с изобразительным искусством. Ноты предполагают лишь то, чему тебя уже выучили. Не нужно быть на них зацикленным. Ты ведь свободный человек».

Его живопись свободная, и она представляет эксперименты художника с портретом, пейзажем, натюрмортом, классическими жанрами, но художник решает их по-своему. Пейзажи лишены некой сюжетности, узнаваемости, портреты, которые не стремятся быть достоверными, но передают суть человека, однако виртуозное владение Виктором Александровичем законами колористики даёт ему возможность писать очень сильные и атмосферные полотна [3].

Коллеги по цеху отзываются о Викторе весьма положительно. Искусствовед Н. Пограновский отмечает, что «...В. Шилко один из тех художников, которые постоянно „обновляются“, не останавливаются на достигнутом, будь то классическая живопись или ассоциативная».

В фондах НПКМЗ хранится одна работа Виктора Шилко — «Серебряный печальный день» (рис. 4). Работа является своего рода если не романом, то уж точно повестью. Картина характерна для творчества художника конца 1990-х гг. Она написана в 1998 г. Это свободная композиция из пятен и линий со скрытым символическим смыслом и многоплановостью. Поскольку это произведение принадлежит беспредметному и ассоциативному искусству, для которого характерна смысловая неоднозначность, зритель сам волен узнавать и додумывать скрытые смыслы, исходя из собственного интеллектуального и личного опыта.

Очевидно, что мастеру не требуется писать картины огромного размера, чтобы выразить какой-либо масштабный смысл. Переведя на язык литературы, в этом случае можно было бы сказать, что «словам тесно, а мыслям просторно».

Рисунок 4 — В. А. Шилко «Серебряный печальный день»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арт-проект «ABSTRACT 2014» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polotsk.museum.by/node/35540>. – Дата доступа: 23.12.2021.
2. Артхронограф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://painters.vlib.by/ru/artkhronograf>. – Дата доступа: 16.12.2021.
3. Віктар Шылко. Жывапіс. Каталог. – Мінск : Саюз мастакоў Рэспублікі Беларусь, 1993. – С. 2.
4. Виктор Шилко. Художники Витебщины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://painters.vlib.by/ru/component/content/article/158-portfolio/zhivopis-grafika/shilko-viktor/332-biografiya-shilko>. – Дата доступа: 16.12.2021.
5. Виртуальный музей Гулага. Михаил Захарьевич Рудаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=18479736&language=1>. – Дата доступа: 17.12.2021.
6. Как выйти за пределы репинского реализма? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gorodvitebsk.by/news/21-05-2015/aleksandr_malei. – Дата доступа: 04.01.2022.

Костюкевич Александра Андреевна,
ведущий научный сотрудник Художественной галереи –
филиала НПИКМЗ

І. У. Магалінскі

КРЫЖАПАДОБНАЯ ПАДВЕСКА «СКАНДЫНАЎСКАГА» ТЫПУ З ДАСЛЕДАВАННЯЎ 2020 г. НА ВЕРХНІМ ЗАМКУ ПОЛАЦКА

Прадстаўлены вынікі вывучэння сярэбранай крыжападобнай падвескі «скандынаўскага» тыпу, якая паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Верхняга замка Полацка. Адзначана, што падобныя прадметы з'яўляюцца ў X–XI стст., а іх бытаванне трэба звязваць з элітарнай дружнай культурай. Робіцца выснова, што знаходку першага ў Беларусі вялікага сярэбранага крыжа «скандынаўскага» тыпу на Верхнім замку Полацка трэба лічыць прыкметай прысутнасці тут у X–XI стст. княжацкай дружны, магчыма, скандынаўскага паходжання.

Ключавыя словы: ювелірнае рамяство, вырабы з каляровых металаў, матэрыяльная культура, археалогія Полацка.

Маштабныя археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Верхняга замка Полацка, звязаныя з рэканструкцыяй былых карпусоў гарадской бальніцы пад кадэцкае вучылішча, распачаліся ў 2018 г. і працягваюцца па цяперашні час. Помнік археалогіі «Верхні замак» размешчаны ў межах гістарычнага цэнтра г. Полацка і ўваходзіць у Дзяржспіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, у сувязі з чым любыя земляныя работы на помніку патрабуюць археалагічнага суправаджэння [3, с. 48–49].

Зімой 2020 г. праводзіліся працы па ўмацаванні падмуркаў харчблока (былы будынак скурна-венералагічнага дыспансера). Працы на аб'екце ажыццяўляліся ўручную і ўяўлялі сабой серыю шурфаў уздоўж сцен з унутранага і вонкавага бакоў будынка. У сувязі са спецыфікай фарміравання слоя ў месцы прымыкання да сцен на большасці ўчасткаў культурны слой знаходзіўся ў пераадрэзаным стане.

Падчас распрацоўкі шурфа каля паўднёвай сцяны аднапавярховай часткі будынка харчблока быў выяўлены моцнакарызаваны артэфакт, які ў ходзе першаснай ачысткі выявіўся цэлым экзэмплярам крыжападобнай падвескі так званага «скандынаўскага» тыпу, які падчас далейшай рэстаўрацыі разваліўся на дзве часткі (малюнак 1).

Малюнак 1 — Падвеска «скандынаўскага» тыпу з Верхняга замка Полацка

Прадмет плоскі, аднабаковы, роўнаканечны, з рэльефным арнамантам, з дротавым вушкам для падвешвання. Падвеска адліта з нізкапробнага серабра з істотнымі дамешкамі медзі, а вушка зроблена з двухкампанентнага высокапробнага серабра (табліца 1)*.

*Даследаванне хімічнага складу прадмета праводзілася ў археалагічнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта аўтарам артыкула па метаду безэталоннага рэнтгенафлуарэсцэнтнага аналізу на партатыўным РФА-спектрометры Vanta C.

Табліца 1 – Хімічны склад падвескі «скандынаўскага» тыпу з Верхняга замка Полацка

Проба	Ag	Cu	Pb	Sn	Au	Bi	Sb
Аснова	59,28	35,34	0,79	0,33	0,39	0,28	0,37
Вушка	86,78	7,21	0,5	–	1,66	0,23	–

Назва падвесак абумоўлена гістарыяграфічнай традыцыяй, якая бярэ пачатак у працах А. А. Спіцына. На момант даследавання дадзенай групы артэфактаў яму былі больш вядомыя скандынаўскія знаходкі прадметаў гэтага тыпу [4, с. 234]. Думку пра паходжанне артэфактаў з тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі і Прыбалтыкі выказала М. В. Фехнер, якая вывучыла 69 экзэмпляраў вядомых на той час крыжоў, знойдзеных у 32 пунктах [5, с. 214]. На сённяшні дзень колькасць выяўленых падвесак дадзенай групы істотна павялічылася, што дазваляе даследчыкам больш поўна ўявіць агульную карціну распаўсюджвання артэфактаў, а таксама ўстанавіць іх паходжанне.

Полацкую знаходку магчыма аднесці да групы I па тыпалогіі А. Ю. Чураковай, якая аб'ядноўвае сярэбранаыя крыжы, упрыгожаныя трыма кружочкамі на канцах кожнай лопасці, самі лопасці пакрыты кропкавым ці лінейным арнамантам, а ў сяродкрыжжы прысутнічае круг, упрыгожаны дадатковымі элементамі ці простымі лініямі. Даследчыца адзначае, што такія крыжы звычайна звязаны з багатымі пахаваннямі ці знойдзены ў культурных напластаваннях буйных паселішчаў. Усяго на сёння вядома 16 знаходак крыжоў групы I, якія паходзяць з 13 пунктаў [6, с. 160].

Блізкія аналогіі полацкай знаходцы паходзяць з Сярэдняга Падняпроўя (курган каля в. Вёс Кіеўскай вобласці) і Готланда. Пры гэтым знаходкі крыжоў «скандынаўскага» тыпу с Сярэдняга Падняпроўя адзінкавыя [5, с. 215]. Неабходна таксама адзначыць, што на тэрыторыі Беларусі не выяўлена дакладных аналогій полацкай знаходцы [1, с. 18].

Паходжанне крыжападобных падвесак «скандынаўскага» тыпу традыцыйна звязваюць з тэрыторыяй Старажытнай Русі ў сувязі з тым, што большая частка вядомых на час публікацый знаходак паходзілі з гэтага рэгіёна. Дадатковым сведчаннем дадзенай тэорыі з'яўлялася выяўленне ў Кіеве ліцейнай формы для вытворчасці такіх прадметаў, якая, аднак, выкарыстоўвалася для адлівак пазнейшых копій крыжоў з меднага сплаву [2, с. 372].

У цяперашні час устаноўлена, што вялікія сярэбранаыя крыжападобныя падвескі «скандынаўскага» тыпу групы I, звязаныя з дружыннай элітарнай культурай, з'яўляюцца ў канцы X–XI стст. і прысутнічаюць як на тэрыторыі Старажытнай Русі, так і Скандынавіі практычна ў роўнай колькасці. Некаторыя даследчыкі нават бачаць у арнаментыцы такіх крыжоў выяўленчыя элементы, уласцівыя скандынаўскай традыцыі. Аднак у большасці не выклікае сумнення, што раннія тыпы крыжоў маюць усходне-хрысціянскае паходжанне і ў выніку папулярнасці салярнай кампазіцыі атрымалі распаўсюджванне на вялікай тэрыторыі, спалучыўшы розныя культурныя традыцыі [6, с. 168].

Такім чынам, знаходка ў Полацку на Верхнім замку першага ў Беларусі вялікага сярэбранага крыжа «скандынаўскага» тыпу трэба лічыць прыкметай прысутнасці тут у X–XI стст. княжацкай дружны, магчыма, скандынаўскага паходжання.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Башков, А. А. Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования) / А. А. Башков. – Минск : И. П. Логинов, 2011. – 194 с.
2. Зоценко, В. Н. Бронзовая литейная форма XI в. из Киева / В. Н. Зоценко, М. М. Иевлев // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-лет. со дня рожд. Галины Фёдоровны Корзухиной, С.-Петерб., 10–16 апр. 2006 г. / ред. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 371–374.

3. Левко, О. Н. Начальный этап новых исследований Верхнего замка Полоцка (2018–2020 гг.) / О. Н. Левко, И. В. Магалинский, П. М. Кенько, А. Л. Коц, В. В. Черевко, А. А. Соловьев, Л. Г. Калбеко // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палівавых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. А. І. Корсак (адк. рэд.), В. У. Чараўко, У. Я. Аўсейчыка. — Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. — С. 48–60.
4. Тарабардина, О. А. Кресты «скандинавского» типа из раскопок в Новгороде / О. А. Тарабардина // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / ред. Н. И. Астахова. — М. : ГИМ, 2014. — С. 234–241. — (Труды ГИМ. Вып. 198).
5. Фехнер, М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа / М. В. Фехнер // Славяне и Русь. — М. : Наука, 1968. — С. 210–214.
6. Чуракова, А. Ю. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. / А. Ю. Чуракова // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. — СПб. : Изд. дом «Бранко», 2017. — С. 159–177.

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,

старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПКМЗ

И. В. Магалинский

КРЕСТОВИДНАЯ ПОДВЕСКА «СКАНДИНАВСКОГО» ТИПА ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020 г. НА ВЕРХНЕМ ЗАМКЕ ПОЛОЦКА

Представлены результаты исследования серебряной крестовидной подвески «скандинавского» типа, происходящей из материалов археологических исследований на территории Верхнего замка Полоцка. Отмечается, что подобные изделия появляются в X–XI вв., а их бытование следует связывать с элитарной дружинной культурой. Делается вывод, что находку первого на территории Беларуси большого серебряного креста «скандинавского» типа на Верхнем замке Полоцка следует считать признаком присутствия тут в X–XI вв. княжеской дружины, возможно скандинавского происхождения.

Ключевые слова: ювелирное ремесло, изделия из цветных металлов, материальная культура, археология Полоцка.

Магалінскі Ігорь Уладзіміравіч, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-реставрационного отдела НПКМЗ.

Г. А. Машнюк

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ ДОМА РЕБЁНКА ИМЕНИ К. Н. САМОЙЛОВОЙ В ИЮНЕ 1941 ГОДА

Рассматривается вопрос истории эвакуации Дома ребёнка имени К. Н. Самойловой в июне 1941 года из города Полоцка на основе воспоминаний участников тех событий и опубликованных документов советских органов власти. Показана личная роль П. С. Портновой, заведующей Домом ребёнка, в проведении эвакуации, которая помогла сохранить жизни всем воспитанникам на протяжении всего периода эвакуации.

Ключевые слова: эвакуация, Дом ребёнка, Великая Отечественная война, Чувашская АССР.

Одной из главных целей культурно-образовательной деятельности Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника является формирование у подрастающего поколения исторического сознания, духовности и нравственности, которые являются составляющими патриотического воспитания. Исходя из этого филиал Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее — НПИКМЗ) Детский музей на протяжении многих лет реализует совместный с Государственным Учреждением Образования «Ясли-сад № 29 г. Полоцка» долгосрочный областной проект «Чтобы помнили...», посвящённый событиям Великой Отечественной войны.

В тематическом комплексе «Генеалогическое древо» — основной экспозиции музея — находятся фото-портреты людей, оставивших след в истории г. Полоцка в XX в. Среди них есть люди, которые в годы Великой Отечественной войны участвовали в партизанском движении на Полотчине, принимали участие в освобождении г. Полоцка от немецко-фашистских захватчиков. На фотопортрете также есть Полина Сергеевна Портнова — руководитель полоцкого Дома ребёнка, которая лично организовала эвакуацию детей в тыл в начале Великой Отечественной войны.

В исследовании использовались следующие материалы: интервью П. С. Портновой репортёру газеты «Звязда» № 181–184 за 1981 г. [34; 35; 36; 37]; воспоминания работницы Дома ребёнка Гусевой Антонины Ивановны (1943–1945 гг.) для газеты «Вперёд» г. Шумерля, опубликованные в 1981 году [2]; статья П. С. Портновой «Дом дзіцяці», опубликованная в журнале «Работніца і сялянка» № 4–5 за 1946 год, хранящаяся в фондах НПИКМЗ [8]; архивные документы Зонального архива г. Полоцка [10; 11]; документы государственных органов Советской власти в период Великой Отечественной войны [5; 14; 15; 25; 27; 30; 31; 38]. Также использовались исследования отечественных и зарубежных учёных, посвящённые теме детства во время Великой Отечественной войны [23; 39; 41; 42].

После окончания Гражданской войны, в начале 1920-х гг., советское общество столкнулось с очень большой проблемой — проблемой детского сиротства. Основными её причинами было экономическое положение в стране, безработица и неустроенность, разруха после Первой мировой и Гражданской войн, когда многим приходилось уезжать на заработки в другие регионы и решать вопрос о пребывании своих детей. Аналогичная ситуация была характера и для Полоцкого региона [40, с. 15; 11; 33, с. 23–24]. Во время советско-польской войны (1919–1921 гг.) небольшая часть города пострадала от боевых действий [1, с. 5]. В середине августа 1920 г. Полоцкий ревком сообщил, что «...город разрушен, имущество расхищается, увеличились повальные разбои и убийства» [32]. Последствия Гражданской войны в виде политической, социальной и экономической разрухи сделали беззащитными детей, а особенно — малышей в возрасте до 3 лет, которые оставались без попечения взрослых. В этой ситуации советские власти принимают решение организовать Дом ребёнка в Полоцке. В первые годы существования советской власти новым государственным учреждениям присваивали названия в честь известных деятелей революционного движения Российской империи. И город Полоцк не стал исключением. Дом ребёнка имени Конкордии Николаевны Самойловой был назван в честь участницы революционного движения, которая боролась за права женщин, работала в таких периодических изданиях, как газета «Правда» и журнал «Коммунистка» [21, с. 90].

Дом ребёнка с 1919 г. располагался по ул. Ленинской, д. 32 (современная улица Нижне-Покровская) в деревянном здании постройки начала XIX в., но из-за его ветхого состояния учреждение переехало в здание по улице Карла Маркса, 2 (чётная сторона проспекта Франциска Скорины, здание располагалось недалеко от

современной Художественной школы). Однако здание по улице Ленинской продолжали использовать в качестве административного. Источники сохранили имя первой заведующей – Х. Б. Рашкес [26, с. 359].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в Доме ребёнка уже в 1921 г. насчитывалось 40 воспитанников, которые поступили в учреждение по причине бедственного материального положения в семье [23, с. 100; 11].

Функционирование Дома ребёнка имени К. Н. Самойловой в довоенный период было сопряжено с рядом трудностей. В первую очередь, недостаток финансирования приводил к тому, что не удавалось соблюдать санитарные требования (их выявляли в ходе проверок). Во-вторых, часть работников халатно относилась к выполнению своих обязанностей [23, с. 100].

В 1938 г. директором Дома ребёнка была назначена Полина Сергеевна Портнова (1903–1989 гг.). П. С. Портнова (до замужества носила фамилию Дракина) родилась 2 мая 1903 г. в местечке Головчин (современный Бельничский район Могилёвской области). В 1922 г. она получила среднее образование, была членом Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) Беларуси [10; 29]. В конце 1920 г. вышла замуж за Семёна Павловича Портнова, который в 1930 г. возглавил Полоцкую окружную милицию [3].

Благополучная жизнь советских граждан, в том числе и детей, была прервана внезапным нападением нацистской Германии 22 июня 1941 г.

Немецкие бомбардировщики были замечены в районе Полоцка уже в первой половине дня 22 июня, а 26 июня ударом бомбы здание Дома ребёнка было разрушено [18; 34, с. 4]. Факт того, что вражеская авиация долетала до Полоцка уже в первый день войны, способствовал быстрому принятию П. С. Портновой решения о начале эвакуации детей. Первоначально эвакуация проходила по инициативе П. С. Портновой, т. к. местные власти считали, что эвакуировать детей не стоит, чтобы не создавать панических настроений. Эвакуация воспитанников проходила на ул. Пролетарской д. 51, где располагались ясли и Дом ребёнка. В опубликованных в газете «Звезда» воспоминаниях П. С. Портновой говорится, что эвакуация детей вместе с персоналом началась 26 июня 1941 года. Лишь только 27 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) издал постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [22]. Позднее, 5 июля 1941 года, СНК издаёт новое постановление «О порядке эвакуации населения в военное время» [31].

В июне 1941 г. в Детском доме Полоцка воспитывались дети в возрасте от 3 месяцев до 3,5 лет. Исходя из имеющихся источников и воспоминаний П. С. Портновой, записанных в 1981 г., количество эвакуированных детей составляло 104 ребёнка. По пути эвакуации Дома ребёнка встречались дети, которых П. С. Портнова брала с собой. В 1943 г. в «Постановлении СНК БССР «О состоянии эвакуированного из Полоцка Дома ребёнка имени Самойловой в г. Шумерля Чувашской АССР» говорилось о выделении материальной помощи 70 эвакуированным детям [7; 34, с. 4; 35, с. 4; 39; 30].

Весь коллектив Дома ребёнка принял активное участие в эвакуации, сотрудники, несмотря на личные обстоятельства, не оставили маленьких детей одних. Например, Лидия Антоновна Чернухо (1912–1992), у которой были дети в Витебске, работала врачом в Доме ребёнка. После войны, получив звание заслуженного врача БССР, занимала должность главного врача Гродненской областной больницы [18].

Пройдя около 10 км, взрослые вместе с воспитанниками разместились в д. Булавки. Спустя несколько дней они добрались до деревни Домники (в 40 км от д. Булавки). Для дальнейшей эвакуации детей местными комсомольцами д. Булавки были организованы подводы. Затем эвакуацией детей и педагогов учреждения руководил Семён Павлович Портнов (1896–1980) [28; 34, с. 4; 11].

По распоряжению С. П. Портнова в помощь эвакуированным было выделено 4 грузовика. Известны фамилии водителей грузовиков: Николаев, Карпенко, Комаров, Щукин. Двигаясь в направлении Орши для пересадки на железнодорожный транспорт, колонна грузовиков, во избежание налётов немецкой авиации, проходила по лесным дорогам [34, с. 4; 35, с. 4]. Вскоре после отъезда детей возле деревни Домники высадился немецкий десант. Можно сказать, что оказанная С. П. Портновым помощь в выделении транспорта спасла жизни детям.

По воспоминаниям П. С. Портновой, по пути следования проблем с продовольствием у детей и работников не было, т. к. местное население и солдаты Красной Армии оказывали помощь продуктами питания [36, с. 4].

В Орше пересесть на железнодорожный транспорт для дальнейшей эвакуации не удалось. Поэтому было принято решение взять курс на Великие Луки, как на наиболее безопасное направление. В результате Дом ре-

бѣнка, продвигаясь на Восток, за месяц на грузовиках преодолел почти 500 км, отрываясь от наступающей линии фронта [37, с. 4; 36, с. 4]. Путь лежал через Торжок—Калинин—Горький. Из Горького до Чебоксар добирались по реке Волге на пароходе «Вера Засулич». В сентябре 1941 г. эвакуированный Дом ребёнка прибыл в г. Шумерля Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. В размещении детей участвовали местные жители, которые приносили продукты питания, а также секретарь райкома партии А. М. Вахнин, председатель горисполкома П. И. Косточкин, зав. РОНО В. А. Евгенина, представитель горторга П. Г. Гавриков, врачи Ю. В. Колмогоров, А. Г. Григорьев [39].

Город Шумерля расположен в чуть более 100 км южнее Чебоксар. Развитие посѣлка началось в 1920-е гг. Строились заводы, жилые дома, школы и детские сады. Статус города посѣлок получил в 1937 г., население на тот период составляло чуть менее 15 000 человек. В начальный период Великой Отечественной войны г. Шумерля приобрѣл стратегическое значение, т. к. через железнодорожную станцию в городе проходили эшелоны с войсками на фронт, а на случай прихода немецких войск возводились фортификационные сооружения [17].

По распоряжению председателя Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР А. В. Сомова 26 июня 1941 г. была сформирована правительственная комиссия по приѣму и размещению прибывших в эвакуацию граждан. Позже, 10 марта 1942 г., был организован Отдел хозяйственного устройства эвакуированных [20, с. 35].

В июле 1941 г. вопрос о размещении эвакуированных детей в прифронтовых областях был поднят на заседании обкома Чувашской ВКП(б). Решались вопросы выделения помещений и устранения проблем, связанных с недостатком одежды и обуви, организацией учёбы эвакуированных детей. Однако стоит отметить, что ещё весной 1942 г. в отчѣтах местных властей особо отмечалась проблема непосещения многими детьми школы.

Огромную помощь в ремонте зданий для детских домов, пошиве одежды, обеспечении продуктами питания оказывали колхозы. Так, например, в 1941 г. ими была выделена помощь на сумму 73 170 рублей. Но ещё весной 1942 г. в Чувашской АССР отмечалась нехватка обуви для детей, поэтому местными властями совместно с пионерскими организациями был организован сбор обуви [27, с. 233; 38, с. 24–25].

Безусловно, в большинстве случаев дети не были готовы к длительным переездам, поэтому они заболели многими инфекционными болезнями: гепатитом, желтухой, заражением крови, теряли вес от нехватки продуктов питания. К тому же выделялись необорудованные вагоны, а путь следования занимал больше времени, чем в мирное время [42, с. 21].

После прибытия в г. Шумерлю перед работниками Дома ребёнка из Полоцка встали проблемы охраны здоровья детей, обеспечения их питанием, обучением в школе. Голод и нехватка еды для детей во время войны были главными проблемами как на оккупированной территории, так и в тыловых районах СССР.

По воспоминаниям Гусевой Антонины Ивановны (жительница г. Шумерля, с 1943 г. работала воспитателем в Доме ребёнка) многие дети крайне тяжело переносили дорогу и нуждались в лечении, поэтому медики полоцкого Дома ребёнка и местные власти сразу занялись вопросом обеспечения детей нужными лекарствами и питанием. Курировал эти вопросы Нарком здравоохранения Чувашской АССР А. И. Лихачѣв [2].

Чтобы решить проблемы с лекарствами и материальным обеспечением детей раннего возраста, находящихся в Доме ребёнка, в октябре 1941 г. П. С. Портнова поехала в Москву. Коллеги отговаривали свою заведующую, ведь в это время шло наступление немецких войск группировки армии «Центр». Но Полина Сергеевна, проявив силу и стойкость характера, отправилась в столицу. Поездка оказалась удачной, т. к. ею из командировки были привезены продукты питания, а самое важное — лекарства, полкилограмма сульфидина (препарат был разработан в СССР в 1937 г. и применялся при лечении бактериальных инфекций). Благодаря данному препарату была спасена не одна детская жизнь [12; 35, с. 4].

Дети не были обделены квалифицированной медицинской помощью. Стоит отметить случай, когда профессор Осипов, срочно доставленный самолѣтом в Шумерлю по указанию З. А. Андреевой, Председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, спас от верной смерти младшую дочь П. С. Портновой Майю. Полина Сергеевна в это время находилась в Москве, а в Шумерлю вылетела одним рейсом с врачом.

После окончания войны Майя Семёновна закончила исторический факультет Московского государственного университета имени Ломоносова. Стала кандидатом исторических наук, вышла замуж, переехала в город Горки Могилёвской области и многие годы преподавала в Горецкой сельскохозяйственной академии [39; 24; 36, с. 4].

В отчёте о проведённой работе с эвакуированным населением в Чувашскую АССР за июнь 1942 г. говорилось, что властями делалось всё возможное для материального обеспечения детей и персонала эвакуированных детских домов. В обеспечении продуктами питания помогали не только местные власти, но и колхозы. Так сельхозартель «Трактор» взяла шефство над детскими домами Чебоксарского района по обеспечению продуктами питания. Однако руководством ЧАССР отмечались случаи нехватки дров, спекуляции продуктами питания [27, с. 233–234].

Заботу о детях проявляли различные слои населения страны. Так, например, советский историк Яковлев Алексей Иванович, которому в 1943 г. была присуждена Сталинская премия, направил денежные средства (40 000 рублей) в Чувашию и Мордовию на благоустройство детских домов. Средства были перечислены на счёт комиссии при СНК, занимающейся детьми, оставшимися без родителей. Хочется обратить внимание на то, что местные власти постоянно занимались вопросами материального обеспечения и распределением денежных средств между всеми детскими домами в Чувашской АССР [15, с. 254].

Согласно постановлению СНК БССР от 21 июня 1943 г. Дому ребёнка было выделено 70 пар обуви, 200 метров хлопчатобумажной ткани, 70 свитеров и др. вещей для детей. В этом же постановлении СНК БССР просит реорганизовать Дом ребёнка имени К. Н. Самойловой в дошкольный Детский дом по причине того, что практически все воспитанники были дошкольного возраста [30]. В постановлении акцентировалось внимание на оказании своевременной помощи местных властей Дому ребёнка им. Самойловой.

В годы войны между воинскими подразделениями Красной армии и детскими учреждениями существовала традиция шефствования. Шефствование как форма взаимодействия представляла собой переписку детей с солдатами, отправку посылок. Эвакуированный Дом ребёнка не стал исключением. В Чувашской АССР в годы эвакуации Дома ребёнка за детьми была закреплена подшефная латышская дивизия, которой к 25-й годовщине Красной Армии в 1942 году дети подготовили и отправили много подарков. В ответ на это в 1943 году к ребятам в Шумерлю приехали представители дивизии с фронта (два солдата и офицер, капитан Ситник), а воспитанники и сотрудники организовали для них концерт [2].

Персонал Дома ребёнка принимал на воспитание и тех детей, родители которых уходили на фронт. Таким примером служит случай, который произошёл с работником райкома партии Ильменом из г. Шумерля. Уходя на фронт, он привёл своих детей в Дом ребёнка, попросив их досмотреть, пока не вернётся с фронта. Педагоги сохранили жизнь детям [36, с. 4; 2].

Можно сделать вывод, что большая ответственность за жизни детей и личная инициатива П. С. Портновой помогли выжить всем воспитанникам Дома ребёнка в эвакуации. За это в 1943 году П. С. Портнова была награждена Почётной грамотой от СНК Чувашской АССР, а в 1944 году – нагрудным знаком «Отличнику здравоохранения».

В июле 1945 г. Полоцкий областной исполнительный комитет постановил освободить здание детских яслей № 1 и бывшего Дома ребёнка по ул. Пушкина для размещения реэвакуированных детей.

Осенью 1945 г. из Шумерли Дом ребёнка имени К. Н. Самойловой был эвакуирован в г. Полоцк, часть детей была размещена в Глубоком, а затем Россомах. Из письма Литвиненко Анатолия Григорьевича Полине Сергеевне Портновой следует, что часть воспитанников после эвакуации была направлена в Глубокое, а затем в деревню Юзефово Шарковщинского района Полоцкой области, где здание Детского дома было подожжено, к счастью, никто не пострадал, а воспитанников отправили в Россоны [11].

Полина Сергеевна Портнова с января 1947 по 1964 год руководила Детскими городскими яслями № 1 (в настоящее время ГУО «Ясли-сад № 24 г. Полоцка») [29; 10].

За свой подвиг и многолетний труд по воспитанию детей Портнова Полина Сергеевна была награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета БССР в 1969 году, а в 1979 году – орденом Трудового Красного Знамени [39].

Стаў ужо взрослымі, в 1970–1980-х гадах многія з былых востпаннікоў прыезжалі в Полоцк из разных городов СССР, а при встречах с Полиной Сергеевной с благодарностью вспоминали всех жителей Чувашии, которые помогали выжить во время эвакуации [14, с. 4]. Бывшие воспитанники не забывали Полину Сергеевну. Этот факт подтверждают материалы, хранящиеся в музейном собрании НПИКМЗ. Это письмо воспитанника Дома ребёнка Литвененко А. Г. и поздравительные открытки члена Союза писателей Чувашской АССР Чупыркина В. П. (в Шумерле в годы Великой Отечественной войны работал учителем), который посвятил свою поэму «Опалённые войной» коллективу педагогов, врачам, детям и Полине Сергеевне Портновой [11].

Будучи на пенсии, Полина Сергеевна Портнова часто навещала свои родные ясли, делилась опытом с молодыми педагогами, рассказывала детям о судьбах малышей, которых спасла в годы войны.

Сегодня МБДОУ «Детский сад № 11 „Колокольчик“» в г. Шумерле, где располагался Дом ребёнка из Полоцка в 1941 году, закрыт. Ещё в 2005 году на здании была установлена мемориальная доска, которая хранится в историко-краеведческом музее г. Шумерля [13; 29; 4].

В 2019 году вышла книга Ирины Соломатиной «Она была» с иллюстрациями художницы Дарьи Барышниковой. Книга посвящена 15 белорусским женщинам, оставившим след в белорусской истории. Среди этих имён есть и имя Полины Сергеевны Портновой. С автором данной книги связалась правнучка П. С. Портновой и предложила включить историю своей прабабушки в это издание. Автор книги приняла её предложение [16; 9].

Педагоги и медики Дома ребёнка г. Полоцка во время эвакуации детей продемонстрировали выдержку, взаимопомощь и поддержку, смелость и героизм в борьбе за жизнь каждого ребёнка. Подвиг этих людей является примером для последующих поколений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авчинникова, Ю. А. Застройка исторического центра г. Полоцка / Ю. А. Авчинникова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2017 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск : Медысонт, 2019. — С. 5–36.
2. Архив Музея боевой славы г. Полоцка. Воспоминания Гусевой Антонины Ивановны (девичья фам. Повереннова) о Полоцком Доме ребенка. — Л. 2–5.
3. Воднева, И. П. Деятельность Полоцкого исполнительного комитета по вопросам хозяйственной и социально-культурной жизни г. Полоцка в 1944–1947 гг. / И. П. Воднева // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў : зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. А. І. Корсак (адк. рэд.), В. У. Чараўко, У. Я. Аўсейчыка. — Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. — С. 242–246.
4. В Шумерлинском историко-краеведческом музее прошел час истории «Память сердца» героинь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/422678-v-shumerlinskom-istoriko-kraevedcheskom-muzee-proshel-chas-istorii-pamyat-serdca.html>. — Дата доступа: 01.03.2022.
5. Выписка из протокола № 132 заседания бюро Алтырского райкома ВКП (б) о трудоустройстве и жилищно-бытовых условиях эвакуированного населения. 27 марта 1942 г. // Под грифом «секретно»: Известные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны : сб. документов / сост.: Д. А. Захаров, Е. В. Касимов. — Чебоксары : ЧГИГН, 2016. — С. 47–48.
6. Выставка «Спасибо за Победу!». Тематический комплекс «Война. Письма. Судьбы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://children.polotsk.museum.by/node/49592>. — Дата доступа: 01.03.2022.
7. Год исторической памяти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://du24.polotskroo.by/год-исторической-памяти>. — Дата доступа: 22.05.2022.
8. Дракіна, П. Дом дзіцяці / П. Дракіна // Работніца і сялянка. — 1946. — № 4–5. — С. 5.
9. Женские подвиги стираются из памяти легко: как создавалась книга «Она была», которая возвращает белорусской истории её героинь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://womenplatform.net/region/zhenskie-podvigi-legko-stirayutsya-iz-pamyati/>. — Дата доступа: 01.03.2022.
10. Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 1074. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

Машнюк Г. А.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-77-83>

11. Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 002. Ч. 1. Л. 61.
12. Зулкарнеев, Р. Х. Сульфидинотерапия пневмонии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] / Р. Х. Зулкарнеев, Ш. З. Загидуллин, Н. А. Власов. — Режим доступа: <https://journal.pulmonology.ru/pulm/article/viewFile/888/753>. — Дата доступа: 01.03.2022.
13. Из архивных документов: эвакуированные воспитанники Полоцкого Дома ребёнка имени Самойловой в годы войны жили в городе Шумерля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gshum.cap.ru/news/2021/05/05/iz-arhivnih-dokumentov-evakuirovannie-vospitanniki>. — Дата доступа: 01.03.2022.
14. Из благодарственного письма Чувашского обкома ВКП(б) и совнаркома ЧАССР А. И. Яковлеву за заботу о детях-сиротах // Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (Июнь 1941–1945 гг.) : сб. документов и материалов / сост.: Н. М. Семёнов, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, В. И. Шевнина ; Центр. гос. архив Чуваш. АССР. Парт. архив Чуваш. обкома КПСС. Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1975. — С. 255–256.
15. Из письма члена-корреспондента Академии наук СССР А. И. Яковлева директору Чувашского научно-исследовательского института П. Г. Григорьеву о передаче присуждённой ему Советским правительством денежной премии на устройство детского дома в Чувашской АССР // Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (Июнь 1941–1945 гг.) : сб. документов и материалов / сост.: Н. М. Семёнов, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, В. И. Шевнина ; Центр. гос. архив Чуваш. АССР. Парт. архив Чуваш. обкома КПСС. Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1975. — С. 254–255.
16. Иллюстрированная книга «Она была» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gender-route.org/calend/illyustrirovannaya_kniga_ona_byla/. — Дата доступа: 01.03.2022.
17. История города Шумерля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gshum.cap.ru/about/info/istoriya>. — Дата доступа: 01.03.2022.
18. К 100-летию здравоохранения. 4 больничных корпуса и почти 13 000 пациентов в год. Как в Гродненской областной детской клинической больнице лечат маленьких пациентов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://grodnonews.by/news/zhizn/k_100_letiyu_zdravookhraneniya_4_bolnichnykh_korpusa_i_pochti_13_000_patsientov_v_god_kak_v_grodzens.html. — Дата доступа: 01.03.2022.
19. Копыл, С. П. Противовоздушная оборона Полоцкого боевого участка летом 1941 г. [Электронный ресурс] / С. П. Копыл. — Режим доступа: <https://military.wikireading.ru/hpnYZAXFfb>. — Дата доступа: 01.03.2022.
20. Кузнецова, Н. Ю. Помощь эвакуированным в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Н. Ю. Кузнецова, Е. К. Минаева // Вестник Чувашского университета. — 2014. — № 1. — С. 34–39.
21. Минаева, О. Публицистика об эмансипации женщин в 1920–1930 гг.: идеи, их реализация и судьбы феминисток / О. Минаева // Медиа альманах. — 2020. — № 5. — С. 84–92.
22. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/181271-oporyadke-vyvoza-i-razmescheniya-lyudskih-kontingentov-i-tsennogo-imuschestva-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-27-iyunya-1941-g>. — Дата доступа: 01.03.2022.
23. Огородников, А. А. Социальная сфера Полоцка в 1917–1941 годах / А. А. Огородников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. — 2017. — № 1. — С. 96–110.
24. От войны спаслись в Чувашии (Документы Государственного исторического архива о помощи эвакуированным детям в годы Великой Отечественной войны) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gia.archives21.ru/default.aspx?page=,3700/4984/5034/6462>. — Дата доступа: 03.01.2022.
25. Ответ Совнаркома Чувашской АССР заместителю председателя Совнаркома РСФСР А. А. Пекшеву о результатах проверки трудового и жилищно-бытового устройства эвакуированного населения. 8 апреля 1942 г. // Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны : сб. документов / сост.: Д. А. Захаров, Е. В. Касимов. — Чебоксары : ЧГИГН, 2016. — С. 54–57.
26. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск : БелЭн, 2002. — 912 с. : іл.

Машнюк Г. А.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-77-83>

27. Письмо тружеников колхоза «Трактор» Чебоксарского района ко всем колхозам с призывом взять шефство над эвакуированными детьми // Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (Июнь 1941–1945 гг.) : сб. документов и материалов / сост.: Н. М. Семёнов, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, В. И. Шевнина ; Центр. гос. архив Чуваш. АССР. Парт. архив Чуваш. обкома КПСС. Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1975. — С. 233–234.
28. Портнов Семён Павлович [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://local.polotsk.museum.by/node/44538>. — Дата доступа: 01.03.2022.
29. Портнова Полина Сергеевна [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sad24polotsk.schools.by/m/class/22065/news/1220856>. — Дата доступа: 01.03.2022.
30. Постановление № 41 СНК БССР «О состоянии эвакуированного из Полоцка Дома ребенка имени Самойловой в г. Шумерля Чувашской АССР», г. Москва, 21 июня 1943 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/305992-postanovlenie-41-snk-bssr-o-sostoyanii-evakuirovannogo-iz-polotska-doma-rebenka-imeni-samoylovoy-v-g-shumerlya-chuvashskoy-assr-g-moskva-21-iyunya-1943-g>. — Дата доступа: 22.05.2022.
31. Постановление СНК СССР № 1825-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время». 5 июля 1941 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kosygin.rusarchives.ru/postanovlenie-snk-sssr-no-1825-818ss-o-poryadke-evakuacii-naseleniya-v-voennoe-vremya-5-iyulya-1941>. — Дата доступа: 01.03.2022.
32. Сумко, Е. Функционирование полоцкой уездной милиции в годы польско-советской войны / Е. Сумко // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/13087/1/%D0%A1%D1%83%D0%BC%D0%BA%D0%BE%20%D0%95..pdf>. — Дата доступа: 01.03.2022.
33. Соловьянов, А. П. Социальная защита несовершеннолетних в БССР (1921–1930 гг.) / А. П. Соловьянов. — Минск : Беларус. навука, 2013. — 203 с.
34. Уліцэнак, А. Абавязак і дабрата / У. Уліцэнак // Звязда. — 1981. — № 181. — С. 4.
35. Уліцэнак, А. Абавязак і дабрата / У. Уліцэнак // Звязда. — 1981. — № 182. — С. 4.
36. Уліцэнак, А. Абавязак і дабрата / У. Уліцэнак // Звязда. — 1981. — № 183. — С. 4.
37. Уліцэнак, А. Абавязак і дабрата / У. Уліцэнак // Звязда. — 1981. — № 184. — С. 4.
38. Ходатайство Шумерлинского райисполкома перед Совнаркомом Чувашской АССР о выделении дополнительных средств для обеспечения эвакуированного населения. 11 августа 1941 г. // Под грифом «секретно»: Известные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны : сб. документов / сост.: Д. А. Захаров, Е. В. Касимов. — Чебоксары : ЧГИГН, 2016. — С. 24–25.
39. Чужих детей не бывает [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://вперед21.рф/2017/11/23/чужих-детей-не-бывает/>. — Дата доступа: 01.03.2022.
40. Шахова, Е. С. Становление и развитие государственной политики в области борьбы с безнадзорностью в 1917–1941 гг. (на материалах Курского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. С. Шахова ; Курск. гос. ун-т. — Курск, 2008. — 28 с.
41. Эвакуация населения в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://znamya-truda.ru/chuvashia/9475-jevakucija-naselenija-v-chuvashskuju-assr-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg>. — Дата доступа: 01.03.2022.
42. DeGraffenried, J. K. Sacrificing Childhood : Children and the Soviet State in the Great Patriotic War / J. K. DeGraffenried. — Kansas : University Press of Kansas, 2014. — 264 p.

Машнюк Георгий Анатольевич,

магистр исторических наук,
старший научный сотрудник Детского музея —
филиала НПИКМЗ

П. С. Рудаков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1943—1944 гг.

Рассмотрены история формирования и деятельности инженерно-технического отдела Белорусского штаба партизанского движения, его влияние на развитие и эффективность партизанского движения в Беларуси во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: инженерно-технический отдел, партизаны, БШПД, мины, самодельное оружие, диверсионная техника, тактика.

В результате масштабных партизанских операций 1943—1944 гг. немецко-фашистские захватчики понесли большие материальные и людские потери. В частности, железнодорожные грузоперевозки в немецком тылу сократились более чем на 40 %. Это стало возможно не только благодаря героическим усилиям самих партизан, но и в результате самоотверженной работы тружеников тыла, в том числе, высококвалифицированных сотрудников конструкторских бюро и исследовательских институтов. Именно благодаря им партизан снабжали как штатными, так и абсолютно новыми инженерными средствами. Большую роль в этом процессе сыграл инженерно-технический отдел Белорусского штаба партизанского движения (далее — БШПД), который, с одной стороны, сформировал представление о том, какие боевые средства необходимы партизанам, с другой — обучил партизан обращаться с новым оружием.

Непосредственным предшественником инженерно-технического отдела БШПД было созданное 11 мая 1943 г. отделение диверсионной тактики и техники при оперативном отделе Центрального штаба партизанского движения (далее — ЦШПД). Организационно отделение по вопросам техники и редакционно-издательской работы было подчинено непосредственно начальнику ЦШПД и его заместителю. По линии оперативной работы — начальнику оперативного отдела ЦШПД. Перед отделением были поставлены следующие задачи:

- 1) Участие в разработке оперативных планов ЦШПД с использованием минно-подрывных средств и техники.
- 2) Изучение, обобщение и использование опыта боевого применения технических средств борьбы.
- 3) Разработка указаний по тактике и технике боевых действий партизан.
- 4) Проверка и приведение в соответствие с текущими запросами программ спецшкол по специальным вопросам.
- 5) Разработка и постановка перед научно-исследовательскими институтами и другими организациями тематических планов, тактико-технических требований и технических условий на минно-подрывное и диверсионное имущество.
- 6) Составление технических описаний и указаний по тактике использования диверсионных средств.
- 7) Участие в лабораторных, заводских и полигонных испытаниях новых средств диверсионной техники.
- 8) Сосредоточение и систематизация описаний и чертежей важнейших объектов в тылу противника, образцов мин и тому подобного, применявшихся партизанами.
- 9) Рецензирование и составление заключений по новым средствам диверсионной техники.
- 10) Подготовка к печати, иллюстрирование, корректура и редактирование специальных изданий ЦШПД.
- 11) Рецензирование, аннотации и контроль над изданиями по вопросам боевых действий партизанских отрядов.
- 12) Текущие технические работы [1, л. 4—5].

Для выполнения этих задач при оперативном отделе ЦШПД было сформировано отделение в следующем составе:

- 1) Заместитель начальника оперативного отдела (начальник отделения) — майор Иволгин А. И.
- 2) Старший помощник начальника отдела — инженер-капитан Козлов А. П.
- 3) Помощник начальника отдела — майор Гулецкий В. В.
- 4) Чертежница — Мелина А. Ф.

Отделение в данном составе с 10 июня 1943 г. приступило к работе. Для выполнения заданий ЦШПД отделением привлекались различные организации, в том числе: Главное военно-инженерное управление РККА, Инженерный комитет РККА, Научно-исследовательский институт № 6, Государственное союзное конструкторское бюро № 47, Бюро изобретений Народного комиссариата обороны, Всесоюзный научно-исследовательский институт авиационных материалов и др. [1, л. 4–5].

Отделением были разработаны и представлены начальнику оперативного отдела ЦШПД следующие планы операций:

- 1) План оперативного минирования и разрушений в тылу противника.
- 2) Оперативный план разрушения железнодорожных мостов.
- 3) План операции по разрушению водоснабжения (операция «Пустыня»).
- 4) Оперативный план использования новых средств борьбы с противником (операция «Техника») [1, л. 6].

Операция «Пустыня» по разрушению водоснабжения железнодорожных станций в тылу врага представляла собой крупномасштабную операцию, охватывающую всю территорию оккупированной Беларуси и зоны ответственности нескольких фронтов. Разработанным планом операции предусматривалось вывести из строя 232 водокачки. Из этого количества на отдельные железные дороги приходилось: Белорусскую – 62, Западную – 58, Белостокскую – 34, Брест-Литовскую – 28, Октябрьскую – 31, Калининскую – 3, Московско-Киевскую – 16 водокачек. Согласно общему плану намечался вывод из строя водокачек: по БШПД – 140, по Ленинградскому штабу партизанского движения (далее – ЛШПД) – 26, по представительству ЦШПД на Калининском фронте – 9, по представительству ЦШПД на Западном фронте – 40, по представительству ЦШПД на Брянском фронте – 17.

За период с 01.08.1943 по 15.12.1943 партизанские соединения вывели из строя и полностью разрушили оборудование 43 водокачек. По выполнению плана: БШПД – 37 водокачек (27 % плана), ЛШПД – 2 (8 %), Калининский фронт – 1 (11 %), Западный фронт – 1 (2,5 %), Брянский фронт – 2 (12 %).

Недовыполнение планов объясняется тем, что эта операция совпала по времени с главной операцией ЦШПД «Рельсовая война» и оказалась на втором плане. Однако она оказалась хорошим дополнением к главной операции и способствовала дезорганизации работы железной дороги противника и срыву его военных и хозяйственных перевозок [1, л. 6].

Операция «Техника» была утверждена начальником ЦШПД 27.12.1943. По замыслу операции предполагалось, применяя новые боевые средства, впервые забрасываемые во вражеский тыл, дезорганизовать работу железных дорог противника. В то же время боевое применение новых средств должно было быть их войсковыми испытаниями и отбором лучших образцов для серийного производства.

Отделение ставило своей задачей найти и разработать такие боевые средства, которые были бы свободны от недостатков, выявленных при боевом использовании существующих мин. Они должны были удовлетворять запросы партизан и учитывать всю специфику условий борьбы в тылу противника, т. е. отвечать особым тактико-техническим требованиям, отличающимся от требований сапёрных и инженерных войск. Эти специфические особенности следующие:

- 1) уменьшение веса боевых средств, при сохранении или увеличении их эффективности, настойчиво диктовалось тем, что перевозки мин в партизанские отряды производились по воздуху. Каждый процент уменьшения веса приводил к увеличению количества средств, забрасываемых в отряд, при том же количестве самолетовылетов со всеми вытекающими преимуществами (уменьшение потерь экипажей, самолетов, экономия авиатоплива и т. д.). Кроме того, уменьшение веса боевых средств сказывалось и на габаритах мин, что облегчало боевую работу партизан-подрывников;
- 2) новизна средств, как показал боевой опыт, приводила к большим потерям противника даже при разминировании обнаруженных мин. И наоборот, применение шаблонных мин приводило к тому, что противник с течением времени овладевал техникой их разминирования;
- 3) полная неизвлекаемость мин была необходима, так как, в противоположность войсковым условиям, партизанская мина обычно не устанавливалась в какой-то системе заграждений, находящихся под прикрытием огня. Будучи в определённой степени предоставленными сами себе, мины должны были иметь за-

щиту в виде неизвлекаемости. Эти специфические требования не должны были вредить общим свойствам — простоте изготовления, установки, безотказности и надежности работы, изготовлению из недефицитных материалов и т. д. [1, л. 16].

После ликвидации ЦШПД в январе 1944 г. сотрудники отделения диверсионной тактики и техники были переданы в распоряжение БШПД. Из этих кадров в феврале того же года был создан инженерно-технический отдел.

Под непосредственным руководством начальника БШПД инженерно-технический отдел проводил организационную и техническую работу в четырех основных направлениях:

1) Тактическая часть:

- а) изучение, обобщение и использование опыта боевых действий и использования боевой техники партизанскими отрядами;
- б) участие в разработке операций с использованием специальной техники;
- в) разработка основных указаний и инструкций по боевым действиям партизанских отрядов.

2) Инженерная часть:

- а) разработка и постановка перед научно-исследовательскими институтами, полигонами, лабораториями тематических планов, тактико-технических требований и технических условий на новые образцы минно-подрывных средств и диверсионной техники;
- б) табелизация и контроль комплектности техники, отправляемой в тыл;
- в) составление технических описаний и указаний по тактике и технике использования новых средств борьбы;
- г) составление технических указаний и расчетов по производству разрушений и восстановлению объектов;
- д) участие в лабораторных, заводских, полигонных и войсковых испытаниях новых средств боевой техники;
- е) рецензирование и экспертиза по предложениям и изобретениям.

3) Редакционно-издательская часть:

- а) тематическое планирование изданий БШПД по боевым действиям партизанских отрядов;
- б) составление, иллюстрирование, подготовка к печати и издание сборников по обобщенному опыту боевых действий партизанских отрядов;
- в) подготовка к печати инструкций, наставлений и пособий по диверсионной тактике и технике, использованию новых боевых средств;
- г) рецензирование, аннотация и контроль над изданиями по вопросам боевых действий партизан.

4) Техническая часть:

- а) планирование, руководство и контроль работы опытной мастерской;
- б) изготовление новых образцов новой техники;
- в) техническое обслуживание штаба (полевое электроосвещение, полевое водоснабжение и т. д.);
- г) изготовление схем, чертежей, светокопий;
- д) организация и содержание постоянной учебно-показательной выставки боевой техники партизанских отрядов как базы для периодических учебных сборов [1, л. 31].

Рассмотрим данные направления деятельности инженерно-технического отдела более подробно.

1. ТАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

По результатам подрывных операций на железных дорогах в 1943 г. инженерно-технический отдел БШПД установил, что в партизанских отрядах и соединениях находит всё более широкое применение взрыватель полевых фугасов (далее — ВПФ), который используется как антиклиренсная мина и устанавливается на полотне железной дороги непосредственно перед проходом поезда. Мина представляла собой заряд тротила весом 10–12 кг, на который устанавливался взрыватель ВПФ, на цангу которого ставился деревянный или металлический стержень, который наклонялся цилиндром паровоза и тем инициировал взрыв. Этот ме-

тод стал излюбленным способом диверсий, так как установка ВПФ непосредственно перед приближающимся поездом давала гарантию, что он не будет обнаружен и обезврежен противником. Кроме того, партизанам не было необходимости длительное время находиться на полотне, т. е. установка была сопряжена с меньшим риском.

В отделе пришли к выводу, что положительные стороны такого способа минирования надо использовать и создать более совершенную (более лёгкую и мощную) мину в виде кумулятивного заряда, снабжённого взрывателем со стержнем, при наклоне которого под цилиндром паровоза происходит взрыв направленного действия и тем самым паровоз выводится из строя.

Предварительные теоретические подсчёты и экспериментальные данные показали, что для разрушения цилиндра паровоза оказалось достаточно кумулятивного заряда весом 1–1,5 кг взрывчатого вещества (рис. 1), а возможно и меньше. Благодаря направленному действию такой заряд будет разрушать цилиндр паровоза, находясь от него на расстоянии 25–40 см.

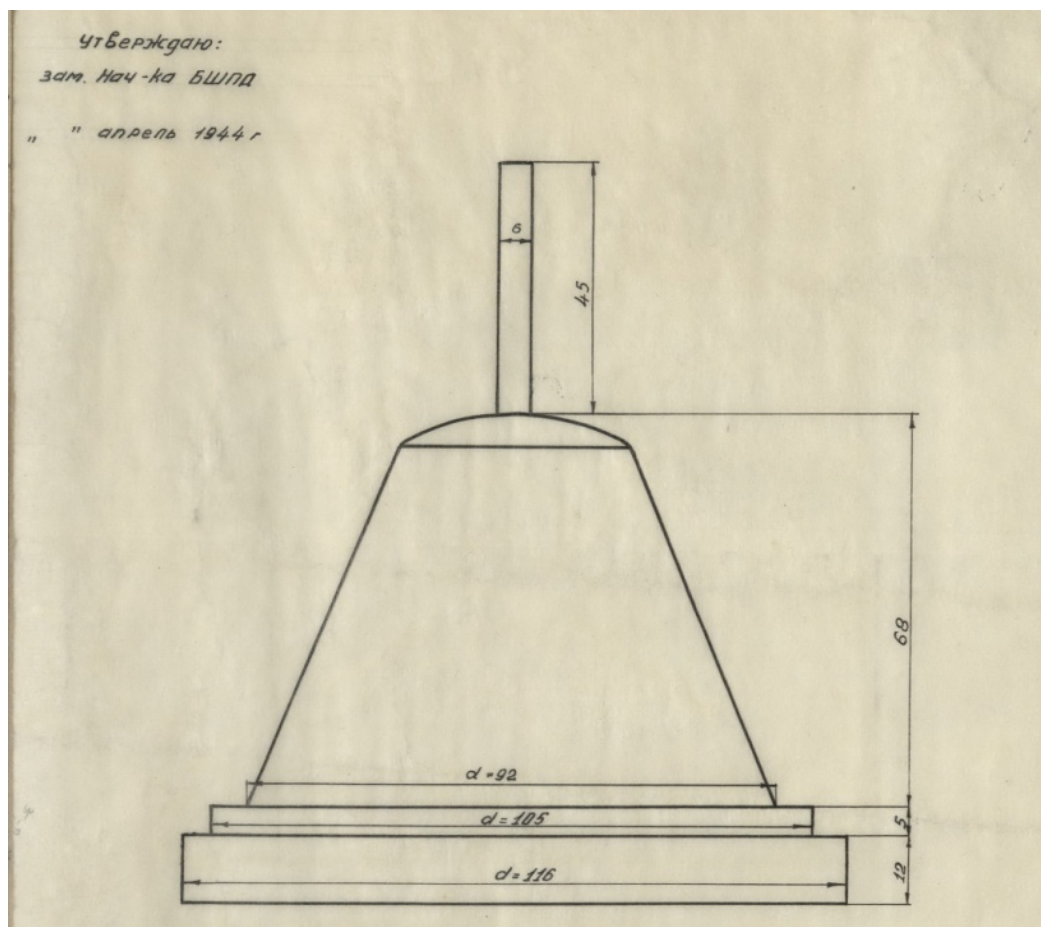

Рисунок 1 — Один из вариантов кумулятивного заряда

Следовательно, конструкция мины позволит наносить противнику один и тот же урон при 8–10-кратном уменьшении величины заряда.

В результате, для вывода из строя 1000 паровозов противника потребуется перебросить по воздуху 1,2–1,6 т мин, т. е. произвести всего 2 самолетовылета или доставить кумулятивные мины в партизанские отряды попутными самолетами.

Инженерно-технический отдел приступил к разработке таких мин собственными силами, что привело к появлению нескольких образцов, отправленных впоследствии в партизанские отряды на испытания в боевой обстановке [5, л. 3].

Из соображений секретности всем новым разработкам инженерно-технического отдела БШПД присваивались шифрованные названия. Поэтому сообщения из партизанских отрядов об испытаниях нового оружия могли выглядеть так:

«Железные дороги усиленно охраняются. На каждом километре построены ДЗОТы и непрерывно патрулируются. Возможность минировать дорогу: блоком, охотой, рычагом, малышом — нет.

Жаровню на железной дороге и других объектах применить невозможно.

Ганенко и Иволгину от Шалаева 26.02.1944 г.»

Соответственно, «блок» — это «мина второго поезда» М2П, «охота» — мина Охотникова, «рычаг» — рычажная мина, «малыш» — неизвлекаемый взрыватель «Малыш-2» [9, л. 2—3].

Сотрудников инженерно-технического отдела интересовало, в том числе и то, как противник оценивает эффективность новых средств борьбы. В их распоряжении оказался приказ по 3-му батальону 638-го французского пехотного полка, в котором описываются несколько случаев потерь от заминированных объектов. Вот один из них:

«Один патруль заметил на дороге брошенные сани с русской лошадей. Когда была сделана попытка оттащить эти сани, находившийся на них груз взрывчатки взорвался. При этом были убиты три немецких солдата и один русский. Об этом должен быть проведен инструктаж.

Отмечается, что применяемые бандитами магнитные мины не могут быть обезврежены, ввиду их специального устройства. Нельзя вынимать из них, как это делалось до сих пор, взрыватель замедленного действия. При вытягивании этих взрывателей мины взрываются. В будущем следует отделить взрывчатое тело от объекта, который должен быть взорван и перенести его туда, где он не может причинить никакого вреда. Военские части должны быть проинструктированы в этом отношении» [7, л. 60].

С другой стороны, информация о минах и других средствах борьбы противника также были сферой интересов инженерно-технического отдела БШПД, поэтому специалисты отдела нуждались в оперативном переводе немецких инструкций:

«Начальнику разведывательного отдела БШПД полковнику Анисимову.

Прошу вашего распоряжения о переводе германской инструкции по противотанковым минам Т-35, Т-42, Т-43 издания 1.2.43 г. Инструкция содержит сведения, не опубликованные в брошюре «Минно-подрывные средства противника» издания штаба Инженерных войск РККА (1943) и поэтому перевод может представлять интерес для инженерных войск фронта и Красной Армии.

Начальник инженерно-технического отдела БШПД Иволгин» [3, л. 1].

В преддверии начала освобождения территории Беларуси инженерно-техническим отделом БШПД была подготовлена инструкция «Тактика и техника борьбы против отступающего противника». Она представляла собой обширный документ на 50 страниц, посвященный: 1) противодействию партизанами разрушению и грабежу противником материальных ценностей; 2) кратким сведениям о подрывных средствах и минах, применяемых противником.

По первому пункту рекомендовалось:

- 1) Разведка объектов, подготавливаемых противником к разрушению.
- 2) Активная борьба с противником, производящим разрушения:
 - а) Срыв организационных мероприятий противника.
 - б) Срыв эвакуации населения и материальных ценностей.
 - в) Срыв работ по демонтажу оборудования и разрушения железнодорожного полотна.
 - г) Нападения на склады взрывчатых веществ и горючего.
 - д) Контрминная борьба.
 - е) Засады на путях отступления и эвакуации противника.
 - ж) Уничтожение факельщиков и подрывников противника.
 - з) Захват и удержание объектов до подхода частей Красной армии.
- 3) Мероприятия по ликвидации последствий поджогов и минирования противником объектов.

По второму пункту предоставлялась информация о:

- минах и сюрпризах нажимного действия;
- минах и сюрпризах натяжного действия;
- минах и сюрпризах электрического замыкания;
- минах замедленного действия и противопоездных минах;
- противотанковых минах;
- речных минах.

А также информация о том, как их обезвреживать [3, л. 70].

Тактические наработки инженерно-технического отдела БШПД помогали партизанам более грамотно применять как уже известные, так и новые средства вооружённой борьбы. Но создание данных средств проходило в рамках другого направления деятельности отдела.

2. ИНЖЕНЕРНАЯ ЧАСТЬ

У инженерно-технического отдела БШПД не было ресурсов для разработки всего спектра необходимых партизанскому движению средств борьбы с противником. Поэтому одной из основных его задач было предоставление тактико-технических требований для перспективного оружия различным организациям. В рамках разработки и постановки перед научно-исследовательскими институтами, полигонами, лабораториями тематических планов, тактико-технических требований и технических условий на новые образцы минно-подрывных средств и диверсионной техники, инженерно-технический отдел БШПД обратился к председателю инженерного комитета Красной армии генерал-майору инженерных войск Г. П. Чистякову:

«Сообщаю, что БШПД в порядке тематического плана 1944 г. интересуют разработки по следующим темам научно-исследовательских и опытных работ:

- 1) Разработка простейших (массового производства) портативных взрывателей замедленного действия со сроками замедления от 5 до 50 минут (для рельсовой войны) и со сроками замедления от 1 часа до 6 часов (для агентурных диверсий) при температурном режиме от +25 до 25 гр.
- 2) Разработка малогабаритных фугасных и зажигательных мин и сюрпризов малосерийного выпуска (индивидуальные средства диверсий).
- 3) Комбинированное снаряжение и использование кумулятивного эффекта в диверсионных минах для увеличения силы взрыва при минимальном весе и объёме этих мин.
- 4) Портативные неизвлекаемые противопоездные мины замедленного и мгновенного действия, а также универсальные мины.
- 5) Разработка экономичных по расходу взрывчатого вещества и по затрате времени способов взрывов стальных и массивных мостов.
- 6) Специальные мины для подрыва вагонов с боеприпасами при их прохождении по железнодорожному мосту.
- 7) Компактная мина, срабатывающая под вторым поездом.
- 8) Усовершенствование липких мин.
- 9) Способы механического разрушения пути при помощи подручных средств.
- 10) Технически целесообразное размещение заряда взрывчатого вещества относительно полотна дороги для достижения максимального разрушения паровозов, вагонов и пути от взрыва мины под движущимся поездом.

О темах, принятых к разработке, просьба сообщить. По принятым темам будут предъявлены тактико-технические требования» [11, л. 2].

Также инженерно-технический отдел продолжал проводить работу по экспертизе, рецензированию и составлению заключений по предложениям и изобретениям, относящимся к тактике и технике партизанского движения, начатую ещё в составе ЦШПД.

Например, в январе 1944 г. в инженерно-технический отдел на экспертизу поступило предложение от партизана Якубовского о придуманной им конструкции автоматического миномёта (рис. 2). Автор предлагал автоматическую подачу мин путём использования отдачи пороховых газов при выстреле и собственной массы мины [1, л. 19–20].

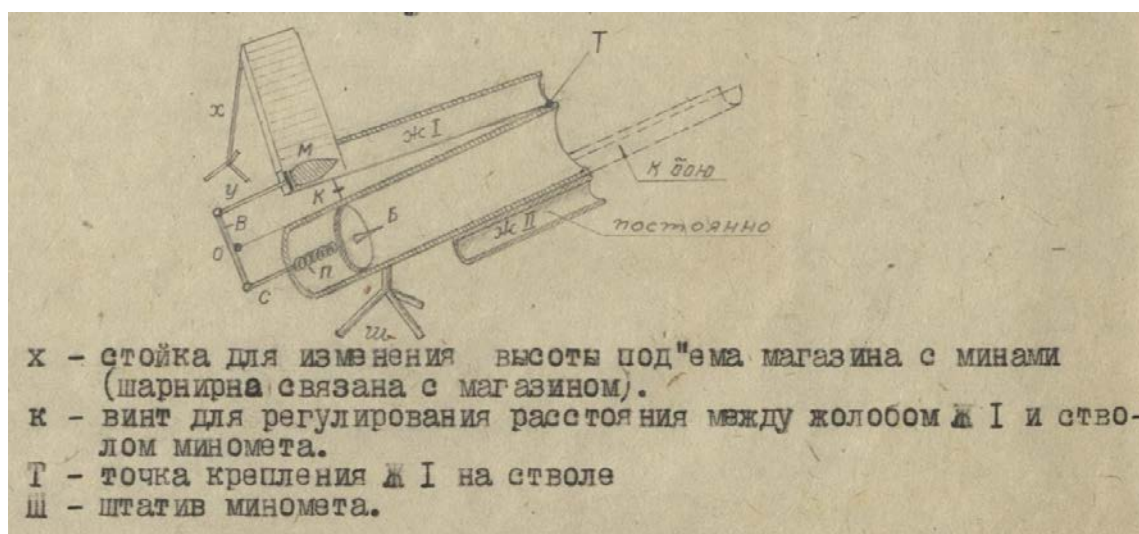

Рисунок 2 – Автоматический миномёт конструкции Якубовского

Предложение было отклонено по причине значительного увеличения массы конструкции по сравнению с обычными миномётами, и из-за небезопасности её использования в бою. Тем не менее, данное предложение и заключение по нему были направлены в Главное артиллерийское управление РККА, специалисты которого согласились с выводами инженерно-технического отдела БШПД [1, л. 30].

Большое внимание инженерно-технический отдел БШПД уделял работе партизанских мастерских. Интерес вызвала не только возможность производства на их базе самодельного оружия, созданного местными мастерами, но и некоторых образцов, разработанных отделом и смежными организациями для партизан. Поэтому специалисты отдела собирали информацию по работе, состоянию и оснащению партизанских мастерских по ремонту и изготовлению вооружения и боеприпасов. Основные интересующие их вопросы:

- 1) Наименование партизанского отряда, бригады, соединения.
- 2) Когда где и кем организована мастерская.
- 3) Место расположения мастерских (в населённых пунктах, в лесу, в хатах, в землянках, под навесом и т. п.), ориентировка относительно населённого пункта.
- 4) Количество работающих.
- 5) Перечень работ, производимых мастерской, и номенклатура выпускаемой продукции.
- 6) Какие бригады и отряды пользовались и пользуются вооружением, изготовленным и ремонтируемым мастерскими. Их отзывы о качестве ремонта и продукции.
- 7) Эффективность выпускаемого вооружения, по сравнению с табельным вооружением (скорострельность, пробивная способность, количество задержек, поражаемость, для мин – быстрота установки, неизвлекаемость).
- 8) Примеры применения в боях с противником вооружения и боеприпасов, изготовленных в мастерской.
- 9) Выплавка тротила, выпуск вооружения, боеприпасов и других изделий с начала существования мастерской.
- 10) Где добывается сырьё и материалы и что они собой представляют (винтовочные и пулемётные стволы, трубы, гильзы, детали автомашин, железо, снаряды, авиабомбы, батарейки и пр.).
- 11) Запас сырья и материалов, в том числе и горючего для двигателей, мастерских и возможности их пополнения.

- 12) Подвижность мастерской. Как быстро можно перебросить мастерскую на новое место, необходимый для этого транспорт, рабсила и обеспеченность ими.
- 13) Техническое оснащение мастерской.
- 14) Тактико-технические данные и характеристика самодельного вооружения и мин, изготавливаемых по образцам штатной техники, и образцов новой техники.
- 15) Процесс изготовления лыж.
- 16) Процесс приготовления кустарных взрывчатых веществ.
- 17) Варианты переделок и применения табельных армейских мин как отечественных, так и противника.
- 18) Варианты использования модернизированного упрощённого взрывателя (МУВ), как взрывателей замедленного действия. Случаи применения МУВ и ВПФ.
- 19) Потребность мастерских в инструменте, приспособлениях, запчастях, с указанием основных размеров и минимального количества [8, л. 36].

Собранная информация свидетельствовала о том, что партизанские мастерские испытывают острый недостаток даже в простейших инструментах (свёрлах, напильниках, ножовках), которые не могут быть изготовлены на месте. Поэтому в марте 1944 г. начальник инженерно-технического отдела Иволгин обратился к начальнику БШПД Калинину с просьбой доставить с попутными самолётами в крупнейшие партизанские соединения наборы инструментов (весом 10–15 кг), укомплектованных по предложенной спецификации и набранных в специальные брезентовые «раскладушки» по схеме, изготовленной в мастерской БШПД. Это мероприятие позволило бы партизанским отрядам не только повысить качество ремонта, но и открыть новые возможности по увеличению выпуска самодельного вооружения [5, л. 1].

Представляется значимым, что инженерный комитет Красной армии, понимая специфику разрабатываемого для партизан оружия и его неприменимость в регулярных частях, тем не менее принимал участие в финансировании отдельных разработок, о чём свидетельствует обращение начальника инженерного комитета Красной армии в Государственное союзное конструкторское бюро № 47 от 28.02.1944. В нём Г. П. Чистяков уведомил руководство конструкторского бюро, что заказанная тому универсальная мина УНМ не может быть принята на вооружение инженерных войск по ряду причин, но инженерный комитет готов профинансировать разработку, так как БШПД считает возможным применение этой мины в партизанских отрядах [4, л. 35].

Кроме создания новых средств борьбы перед инженерно-техническим отделом стояла задача издания различных брошюр, инструкций, призванных простым и доступным образом ответить на технические вопросы партизанской войны.

3. РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Инженерно-технический отдел БШПД продолжал работу в данном направлении, начатую еще в составе ЦШПД. Работа отдела по подготовке и изданию рукописей складывалась из следующих элементов:

- 1) Изучение и обобщение опыта войск и партизанских отрядов по разрабатываемому вопросу или теме.
- 2) Проведение исследовательских работ по уточнению неясных вопросов.
- 3) Изучение рукописей и изданий и отбор материалов по данному вопросу или теме.
- 4) Составление рукописи.
- 5) Иллюстрирование рукописи.
- 6) Редактирование рукописи и в некоторых случаях созыв комиссий для составления заключения по составленной отделением рукописи.
- 7) Контроль за изданием, составление расчёта рассылки брошюр, отправка брошюр в штабы и партизанские отряды.

Примеры издаваемых отделом брошюр: «Партизаны, уничтожайте рельсы!» (тираж 30 тыс.), «Понятие по противохимической защите партизан» (тираж 5 тыс.), «Зажигательные смеси, их изготовление и применение партизанами» (тираж 2 тыс.) и др. [2, л. 24–25].

Были подготовлены краткие указания по использованию партизанами немецких авиабомб для диверсий. В документе перечислены виды и назначения авиабомб противника, их устройство, тип используемого

взрывчатого вещества и взрывателя. Приводились рекомендации, как обращаться с авиабомбой, в зависимости от того, где она была найдена – на захваченном складе, или на (в) грунте после сброса с самолёта. Как примеры использования, указывались либо применение в качестве дополнительного заряда при диверсиях, либо как источник тротила. Также приводилась таблица масс инициирующих зарядов для подрыва авиабомб в зависимости от их собственной массы и конструкции [10, л. 11–12].

В помощь партизанским умельцам была создана краткая инструкция по изготовлению шашек специальной формы из стандартных 400-граммовых и 200-граммовых тротильовых шашек. Весь процесс был представлен пошагово, с иллюстрациями, схемами и расчётами. Приводятся как схемы шаблонов (рис. 3 и 4), так и рисунок окончательного вида получившейся тротильовой шашки (рис. 5).

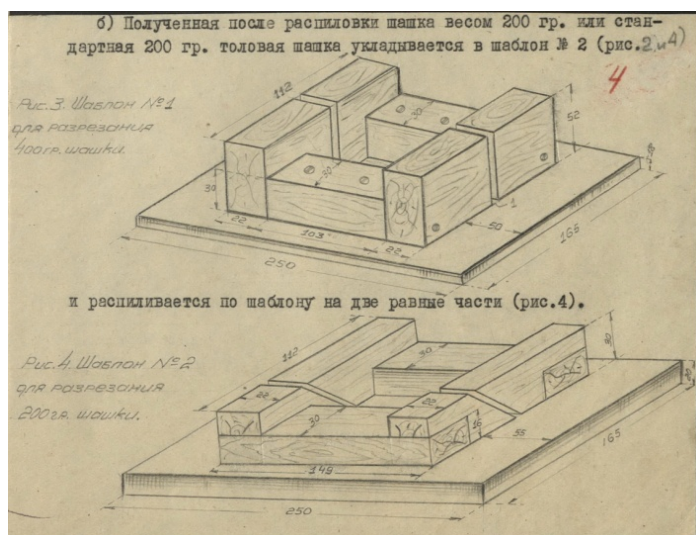

Рисунок 3 – Шаблоны

Рисунок 4 – Шаблон и стамеска

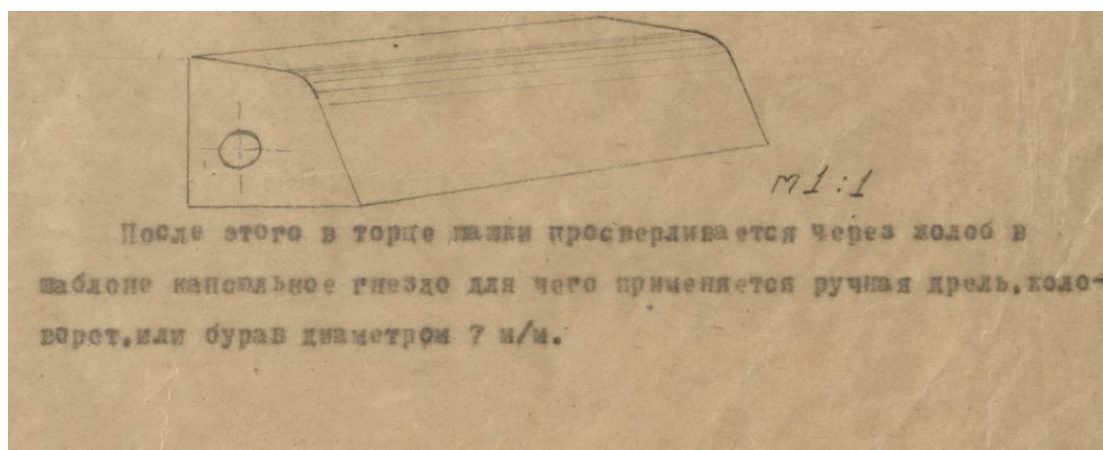

Рисунок 5 – Тротильовая шашка специальной формы

Такая тротильовая шашка при двух-четырёхкратной меньшей массе, чем стандартные, имела равную им эффективность при подрыве железных дорог. Это позволяло партизанам более экономно расходовать столь дефицитный тротил [6, л. 2–5].

Информация, обобщающая опыт боевых действий партизан, помогала специалистам инженерно-технического отдела определить в том числе и то, какими техническими характеристиками должны обладать новые средства партизанской борьбы, разрабатываемые в отделе.

4. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В рамках данного направления инженерно-техническим отделом БШПД был подготовлен оперативный план распределения и использования новой техники, разработанной и изготовленной в отделе.

- 1) Задачи использования новой техники: Планом предусматривалось проведение одновременно войсковых испытаний, имеющих целью выявить необходимость дальнейшего серийного производства новых средств, а также боевое применение техники партизанскими отрядами, с целью нанесения противнику максимального урона при минимальной затрате сил и средств.
- 2) Краткая характеристика новых средств: Исходя из особенностей тактико-технических требований, предъявляемых партизанскими отрядами к средствам вооружения, планом предусматривалась заброска в тыл средств, имеющих следующие общие для всех образцов свойства:
 - а) минимальный вес и объём при относительном повышении убойных качеств нового средства;
 - б) удобство, безопасность и простота установки;
 - в) новизна механизма, заключающая в себе тем самым внезапность применения данного средства для противника [9, л. 39].

Исходя из данных требований инженерно-технический отдел БШПД заказывал изготовление опытных образцов ряду научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, а также создавал некоторые из них силами собственной опытной мастерской. Вот некоторые из них:

- 1) Кумулятивная стержневая мина (КСМ-2). В сравнении с существующими боевыми средствами позволяла при четырёхкратном уменьшении веса заряда (и всей мины в целом) достигать один и тот же эффект диверсий на железнодорожных коммуникациях противника.
- 2) Мина второго поезда (М2П). На испытаниях показала себя безотказным средством, которое было просто и безопасно устанавливать. По уточнённым данным, из 8 установленных во время испытаний мин не было ни одного отказа. Взрыв происходил в большинстве случаев под паровозом и первыми вагонами.
- 3) Неизвлекаемый взрыватель «Малыш-2». Показал хорошие результаты при подрыве и безотказность в работе. Но из-за высокой чувствительности — очень опасен в установке. Во время испытаний один «Малыш» был установлен под шпалу — в результате уничтожен паровоз, один классный вагон с живой силой противника, 4 вагона с военным имуществом. Убито до 10 человек, ранено до 18.
- 4) Поездная мина ПМИ-1 с вибрационным замыкателем. Представляла собой электрическую поездную мину, лишённую деревянного корпуса, что повысило в 1,5 раза коэффициент полезного действия мины и упрощало её установку.
- 5) Электросюрпризы ЭСИ-1 (рис. 6) [4, л. 49] и ЭСИ-2. Служили средством террористических, агентурных диверсий, а также имели незначительный вес и маскировочную форму [9, л. 39].
- 6) Диверсионный патрон (ДП). Надёжное агентурное средство вывода из строя живой силы и техники противника, могущее подорвать моральное доверие противника к своему оружию. Диверсионный патрон представлял собой по внешнему виду и габаритам обычный немецкий патрон. При выстреле ДП происходило разрушение оружия (винтовки или пулемёта) и ранение вражеского стрелка при взрыве ствола [4, л. 72].
- 7) По заданию ЦШПД и БШПД инженерно-технический отдел изготовил липкую мастику. В результате боевого применения она показала блестящие результаты, надёжно прикрепляя липкие мины к любой поверхности. Она довольно широко использовалась при рельсовой войне для прикрепления профилированной шашки тротила к рельсу, что значительно повысило качество работы подрывников и сократило время на установку. Благодаря своим положительным свойствам она могла не только заменить магниты для крепления мин к металлу, но и вообще изменить способы крепления зарядов к любому подрываемому объекту при помощи проволоки, веревок и пр., сократив время крепления зарядов до минимума [9, л. 87].
- 8) Ружьё-миномет (РМН-50) и зажигательная мина (ЗМ-50). На испытаниях в боевых условиях показали себя неоднозначно. При стрельбе по движущемуся эшелону большая часть зажигательных мин отскочила от вагонов и сгорела на железнодорожном полотне. Огонь по соломенным крышам домов оказался более результативным — сгорело 7 домов [9, л. 28].

Инженерно-технический отдел БШПД, несмотря на свою малочисленность, провел огромную работу по разработке требований и созданию эффективных и при этом технологичных средств партизанской борьбы, созданию тактики их применения, популяризации и обучению новым способам уничтожения противника, изучению и обобщению опыта партизанской борьбы. Тем самым отдел фактически формировал технический облик партизанской войны в Беларуси, постоянно повышая её эффективность.

Рисунок 6 — Мина-сюрприз ЭСИ-1

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Инженерно-технический отдел БШПД. Заключение по изобретениям и предложениям // Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 959. Л. 19—30.
2. Инженерно-технический отдел БШПД. Инструкции // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 957. Л. 4—31.
3. Инженерно-технический отдел БШПД. Контрподрывная борьба с противником // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 968. Л. 1—70.
4. Инженерно-технический отдел БШПД. Новые мины // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 963. Л. 35—72.
5. Инженерно-технический отдел БШПД. Оперативные предложения // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 960. Л. 1—3.
6. Инженерно-технический отдел БШПД. Опытная лаборатория и мастерские ИТО // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 958. Л. 2—15.
7. Инженерно-технический отдел БШПД. Отчеты инструкторов БШПД // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 3. Д. 151. Л. 60.
8. Инженерно-технический отдел БШПД. Практика применения минно-подрывных средств и самодельного вооружения // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 965. Л. 36.
9. Инженерно-технический отдел БШПД. Практика применения новых мин // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 964. Л. 2—94.
10. Инженерно-технический отдел БШПД. Редакционно-издательская работа // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 969. Л. 11—12.
11. Инженерно-технический отдел БШПД. Тематические планы, ТТТ и ТУ // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 962. Л. 2.

Рудаков Павел Сергеевич,
ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

Т. Р. Смирнова

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (3–4-х ЛЕТ) С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ*

Рассматривается вопрос об использовании музейной педагогической технологии в воспитательно-образовательном процессе ГУО «Ясли-сад № 29 г. Полоцка» при организации работы с детьми младшего, среднего и старшего дошкольного возраста. Особое внимание уделяется разработке программы по развитию речи «Речевчик» для детей младшего возраста при восприятии музейного предмета и музейного пространства.

Ключевые слова: музейная педагогическая технология, музейный предмет, виды речевой деятельности, фонематический слух, сензитивный период.

На современном этапе процесс внедрения музейной педагогической технологии в воспитательно-образовательный процесс ГУО «Ясли-сад № 29 г. Полоцка» завершён [9 с. 119].

Педагоги дошкольного учреждения овладели методикой проведения занятий по программе, разработанной сотрудниками Детского музея «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать» для детей 4–5 лет, основной целью которой является подготовка детей среднего дошкольного возраста к восприятию музейного предмета, формирование у детей умений видеть, исследовать и действовать с предметным миром.

Воспитатели старших групп реализуют свои индивидуальные проекты с использованием музейной педагогической технологии с целью формирования творческой активности у детей в процессе организации практической деятельности.

Совместная работа Детского музея и коллектива дошкольного учреждения выражается в реализации краткосрочных областных проектов, которые имеют определённую тематику, цели и утверждаются Витебским областным институтом развития образования для взрослых [10, с. 136].

Для реализации таких проектов ежегодно осуществляется совместное планирование образовательного процесса в дошкольном учреждении сотрудниками музея и педагогическим коллективом дошкольного учреждения. План имеет определённую структуру, предусматривающую разные формы работы:

- организацию музейно-педагогических занятий по программам «Учимся смотреть и видеть, слушать и слышать» для детей 4–5 лет и «Музейный калейдоскоп» для детей 5–6 лет (занятия проводятся как на базе детского сада, так и на базе музеев Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника);
- проведение музейными сотрудниками практических и обучающих семинаров для педагогов дошкольного учреждения;
- организацию Клуба выходного дня на базе Детского музея;
- организацию Недели музейной педагогики «Музейная мозаика» на базе дошкольного учреждения;
- организацию музейными сотрудниками выездных выставок разной тематики на базе дошкольного учреждения;
- организацию познавательно-развлекательных мероприятий с детьми на базе детского сада;
- реализацию совместного долгосрочного проекта «Чтобы помнили...», посвящённого событиям Великой Отечественной войны [11].

Необходимым условием исследовательской деятельности по использованию музейной педагогической технологии в образовательном процессе дошкольного учреждения является проведение диагностики с целью отслеживания результатов работы. Психологом, учителем-дефектологом, музейным сотрудником проводились диагностики по определению уровня сформированности творческой активности детей, развития

*Работа проводилась в рамках совместного областного проекта «Использование музейной педагогической технологии в специально организованной деятельности дошкольного учреждения в процессе приобщения детей дошкольного возраста к истории и культуре родного края».

эмоциональной сферы, уровня сформированности интересов. Результаты диагностических исследований за последние пять лет позволили сделать следующие выводы:

- использование музейной педагогической технологии способствует тому, что у детей лучше развивается творческая активность, а значит, и образное воображение, и связная речь — дети активнее и эмоциональнее выражают свою мысль, больше используют в своей деятельности театрализованные игры, чувствуют себя в необычной среде спокойнее и раскрепощеннее;
- назрела необходимость подключить в работу проекта детей среднего возраста.

Мы знаем, что в возрасте 3—4 лет закладываются основы физического и психического развития личности, а главное — этот возраст является сензитивным периодом в формировании и развитии речи детей [2; 15]. Поэтому сотрудники Детского музея вместе с методистом, педагогами дошкольного учреждения поставили перед собой цель: разработать специальные формы взаимодействия музея и детского сада для создания условий для развития речи и подготовки детей младшего дошкольного возраста к восприятию музейного предмета.

Поставленные цели и задачи, намеченные формы работы отражены в программе «Речевцетик».

Основными задачами программы являются: создать условия для знакомства ребёнка с неизвестным ему предметным миром музея, ввести ребёнка в новые для него условия музейного пространства, ввести в речь детей необходимую музейную терминологию.

При планировании тем занятий мы опирались на главный аспект в формировании личности ребёнка — это речевое развитие детей младшего дошкольного возраста. Ведь музейный предмет надо уметь правильно назвать, описать, рассказать, как с ним действовать.

Проблема речевого развития детей по-прежнему является актуальной [7]. Об актуальности свидетельствует тот факт, что современный ребёнок растёт в «компьютерном мире», он не умеет слушать, говорить так, чтобы его слышали, не умеет оценивать чужую и, конечно, свою речь, словесно импровизировать, не стремится совершенствовать свою речь.

Учитывая эти положения, педагоги дошкольного учреждения и музейные сотрудники совместно с учителем-дефектологом Л. П. Голубевой провели диагностическое обследование детей младшего, среднего и старшего дошкольного возраста с целью определения уровня сформированности основных видов речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение).

В диагностической методике использовались речевые пробы, предложенные Р. И. Лалаевой, А. Р. Лурия, адаптированные Т. А. Фотековой. Для проведения обследования каждой стороны речи, оценки уровня сформированности фонематического восприятия использовали балльно-уровневую систему в процентном выражении [5; 16].

Специалистами были определены речевые профили:

- 1) Фонематическое восприятие.
- 2) Артикуляционная моторика.
- 3) Звукопроизношение.
- 4) Звуко-слоговая структура слова.

Результаты обследования детей младшего дошкольного возраста: у 45 % детей в недостаточной степени развито слуховое восприятие (они испытывали затруднения при различении слов, близких по звуковому составу). Около 25 % имеют высокий уровень сформированности определения звуков в слове, подбора слов с заданным звуком, у остальных детей отмечаются средние показатели (30 % из них умеют самостоятельно выделять первый и последний звуки).

Результаты обследования детей среднего и старшего дошкольного возраста: 30 % детей (как среднего, так и старшего дошкольного возраста) не смогли самостоятельно выделить первый и последний звук в слове, определить гласный в середине слова. Для таких детей приходилось прибегать к интонационному выделению звуков в слове.

Почти половине детей (40 %) требовалась разновариативная помощь взрослого при воспроизведении слоговых рядов, у 30 % детей старшего дошкольного возраста снижен уровень восприятия художественного

слова, интерес к рассматриванию иллюстраций на страницах книг. Особое внимание специалисты обратили на тот факт, что дети дошкольного возраста проявляли повышенную потребность в движениях (современные гаджеты эту особенность научились быстро подавлять). Результаты исследований и тот факт, что любой вид деятельности осуществляется посредством общения, т. е. речевая деятельность служит базой для других видов деятельности, составляют основу процесса речевой коммуникации, нацелили нас на разработку специальной программы, в которой мы должны решить все вопросы по формированию активной речевой деятельности детей младшего дошкольного возраста. Известно, что степень сформированности навыков / речевой деятельности служит критерием оценки уровня владения языком и показателем общей культуры человека [2].

Учитывая все выводы по исследованиям, мы разработали программу, состоящую из трёх блоков, каждый из которых имеет свои задачи.

1-й блок. «Секреты звуков и слов».

Задачи:

- помочь ребёнку 3–4 лет разнообразными средствами выразительности услышать звуки, формировать желание их повторить, обеспечить положительный эмоциональный отклик на речь взрослого;
- побуждать малыша говорить, тренировать его в произношении звуков, слов и развивать умения высказываться.

1-е занятие. Речевая игра «Секрет слова». При чтении стихов А. Барто из серии «Игрушки», воспитатель обращает внимание детей на такие слова, которые дают возможность ребёнку узнать, развлечься, восхититься, пообщаться, поиграть, насладиться, прислушаться, заинтересоваться, удивиться.

2-е занятие. Речевая игра «Я с зайчиком играю». Зачитывается выразительно стихотворение А. Барто «Зайчик на опушке» [4, с. 38–39].

*Из сугроба на опушке
Чьи-то выглянули ушки.
и помчался — скок да скок —
белый маленький клубок.
Вот запрыгал он с разгона
По проталинкам зелёным.
Он вокруг берёзок кружит.
Перепрыгивая лужи!
Ветер, ветер! Догоняй-ка!
Не догнать лихого зайку!*

На слова «выглянули», «помчался», «запрыгал», «кружит», «перепрыгивая» сотрудник предлагает ребёнку симитировать словесно обозначенные действия. А следующее задание — придумать самому новые действия и обозначить их словом.

Благодаря этим упражнениям у ребёнка формируется и развивается эмоциональная память, которая именно в 3–4 года является основным психическим процессом.

3-е занятие. Речедвигательная игра «Собери друзей для Мишутки» с дополнительными заданиями.

Ребёнку предлагается прослушать стихотворение «Тризор» Сергея Михалкова и принять участие в игровых действиях. Под плавную мелодию ребёнок вокруг плюшевого медведя должен посадить игрушки: лису, маленького медведя, лягушку, колобка, котика, зайчика. Взрослый сопровождает действия малыша, выразительно произнося слова: лисичка красивая, быстрая, игривая; медвежонок озорной, лёгкий, быстрый; лягушка широкоглазая, прыгает, осторожная; заяц трусливый, пушистый, длинноухий, от лисы убегает, мчится; колобок весёлый, озорной, быстро катится; котик заботливый, смелый, уса́тый.

Затем предлагается ребёнку инсценировать действия и характер каждого героя.

Особенно хочется обратить внимание на то, что в этом блоке проводятся занятия и с использованием стихов белорусских авторов. Практически все занятия проводит воспитатель. На них присутствует музейный

педагог, который изучает индивидуальные психологические особенности детей младшего дошкольного возраста. Результаты наблюдений в последующем будут являться базой для разработки программы.

В настоящее время система дошкольного образования в Беларуси является билингвальной как по форме, так и по содержанию. По форме — так как в республике действуют дошкольные учреждения с белорусско-язычным и русскоязычным режимами работы. По содержанию — так как в программе дошкольного образования «Пралеска» предусмотрено включение двух языков в процесс воспитания и обучения детей [8].

В 90-х гг. XX — начале XXI века были разработаны и внедрены в практику работы учреждений дошкольного образования профильные технологии белорусских авторов: технология процесса речевого и лингвистического развития дошкольников в ситуации русско-белорусского двуязычия (автор — Н. С. Старжинская), технология процесса художественно-речевого развития дошкольников в ситуации русско-белорусского двуязычия (автор — Д. М. Дубинина) [12; 13].

Формирование осознания языковой действительности, по мнению Ф. А. Сохина, можно назвать лингвистическим развитием ребёнка [1, с. 10]. Поэтому во второй блок педагоги и сотрудники музея включили серию занятий, состоящих из индивидуальных упражнений, которые способствуют формированию одного из главных видов речевой деятельности — говорение.

II-й блок. «Говори и называй».

Задачи:

- способствовать развитию у ребёнка лингвистического отношения к слову, поисковой активности в сфере языка и речи на основе языковых игр;
- обеспечить эмоциональный отклик ребёнка на первичное восприятие музейного предмета, который ему не знаком.

1-е занятие. Речевая игра «Скажи правильно».

Первую часть занятия с детьми проводит учитель-дефектолог детского сада. С помощью специальных упражнений он формирует и развивает навыки образования относительных прилагательных от существительных: ребёнку предлагается карточка с изображением яблока. Взрослый спрашивает у ребёнка: «Ответь, как правильно сказать: сок из яблока (какой?), конфета (какая?), варенье (какое?)». Затем предлагаются картинки с изображением фруктов: вишней, сливой, клубникой, земляникой, малиной.

Во второй части занятия с детьми работает музейный сотрудник. Детям предлагается рассмотреть предметы музейного значения и ответить на вопросы: «Как правильно сказать: колокольчик из металла (какой?), утюг из чугуна (какой?), игрушка из пластмассы (какая?), ведро из дерева (какое?)».

Практика показала, что с каждым последующим занятием дети становятся более общительными, чаще вступают самостоятельно в контакт со взрослыми, используя в своей речи разные существительные, прилагательные, глаголы. Они способны поддержать диалог со взрослыми по предложенному художественному произведению.

2-е занятие. Музейно-педагогическое занятие «В гостях у бабушки Федоры». Занятие по произведению К. И. Чуковского «Федорино горе» проводится с элементами театрализации музейным педагогом и воспитателем группы на базе дошкольного учреждения [4].

Задачи: способствовать развитию эмоциональности и выразительности речи и движений, обогащению словаря по теме «Посуда» (чашка, блюдце, чайник, конфетница — чайная посуда; тарелка, ложка, нож, вилка — столовые приборы; сковорода, кастрюля, пароварка — кухонная посуда); познакомить с музейными предметами: самоваром, утюгом, котелком; формировать представление о материале и свойствах: дерево, металл, пластмасса, стекло.

В первой части занятия воспитатель закрепляет знания детей о предметах посуды в дидактической игре «Какая бывает посуда?» (виды посуды по назначению).

Во второй части занятия музейный педагог предлагает детям рассмотреть предметы музейного значения: самовар, утюг, ухват, корыто. Показ сопровождается рассказом об этих предметах: из какого материала сделаны, для чего предназначены, как ими пользовались люди много лет назад.

В третьей части занятия дети вместе с бабушкой Федорой (музейный сотрудник в костюме) разыгрывают действия по сказке. Текст произведения выразительно читает воспитатель. Театрализация позволяет закреплять поставленные речевые задачи в произвольной форме.

3-е занятие.

Образовательная область «Знакомство с окружающим природным и животным миром». Занятие проводится воспитателем группы по выбранной теме.

4-е занятие. Детская театрализация по сказке «Курка раба» [3, с. 59].

Цель: способствовать приобщению детей младшего возраста к родному языку, так как в белорусских сказках воплощаются положительные черты народа: трудолюбие, доброта, толерантность.

В четырёхлетнем возрасте у детей наступает период, когда значительно расширяется диапазон речевых умений.

Ребёнок всё чаще в процессе самостоятельных игр использует литературный материал и, вооружившись речевыми умениями и навыками, стремится к самостоятельной режиссёрской игре. А. Г. Арушанова указывает, что, принимая на себя роль, ребёнок уходит от собственной эгоцентрической позиции, встаёт на точку зрения персонажа [2].

Эти действия создают предпосылки для развития самостоятельного диалогического общения детей со сверстниками в нерегламентированных ситуациях.

Как в саду, так и в пространстве Детского музея, дети знакомятся с окружающим предметным миром. Каждый предмет, как мы понимаем, обозначается словом, поэтому все взрослые в этот возрастной период выполняют одну задачу: накопление у ребёнка младшего дошкольного возраста как можно больше представлений и словесных обозначений всех окружающих его предметов и явлений.

III-й блок. «Отгадай и назови предмет»

Задачи:

- открыть перед ребёнком новый мир предметов, которые не встречались ему в практической деятельности, формируя его визуальное восприятие; тренировать зрительную память в процессе восприятия и узнавания музейных предметов;
- способствовать развитию элементарных навыков монологической речи.

5-е занятие. Развлекательное мероприятие на выездной выставке «Сказки из музейного ларца». Проводит музейный педагог.

Цель: через игровые задания способствовать расширению представлений детей об окружающем предметном мире, истории изобретения предметов быта: утюга, самовара, корыта; расширять словарный запас дошкольников, формировать первые навыки монологической речи.

Выставка организуется музейными сотрудниками и состоит из нескольких тематических комплексов, соответствующих содержанию сказок: «Колобок», «Три медведя», «Золушка», «По щучьему велению».

По каждому тематическому комплексу разработаны игры: дидактические, словесные, подвижные, игры-вопросы, музыкальные, игры-викторины. Все эти игры сопряжены с главной целью – развитием монологической речи.

Данное мероприятие заключительное. Следующим этапом работы является проведение диагностического обследования, мониторинга по достигнутым результатам.

К каким результатам мы пришли. 20 % детей испытывали затруднения при различении слов, близких по звуковому составу. Высокий уровень сформированности определения звуков в слове, подбора слов с заданным звуком показали 45 % детей.

Результаты обследования детей среднего и старшего дошкольного возраста.

Только 15 % детей (как среднего, так и старшего дошкольного возраста) не смогли самостоятельно выделить первый и последний звук в слове, определить гласный в середине слова. Разновариативная помощь взрослого при воспроизведении слоговых рядов требовалась не 40 %, а 25 % детей. Значительно повысился у детей старшего дошкольного возраста уровень восприятия художественного слова, интерес к рассматриванию иллюстраций на страницах книг.

Вся эта работа поможет решить одну из главных задач по развитию речи детей дошкольного возраста — это формирование навыков по овладению связной монологической речью. По мнению исследователей, монологическая речь — сложный для детей вид деятельности, его освоение требует умения планировать свою речь, выбирать соответствующую замыслу языковую форму.

Методика обучения монологической речи представлена в работах Е. И. Тихеевой, О. С. Ушаковой [14].

В современной методике в качестве ведущей классификации детских рассказов выступает классификация, отражающая функциональные характеристики текста: монолог-описание, монолог-повествование, монолог-рассуждение. Как указывает в своих исследованиях Р. И. Лалаева, каждый тип монолога выполняет свою функцию и имеет свою структуру [6].

Работая с детьми по данной проблеме, узкими специалистами дошкольного учреждения было отмечено, что не все воспитатели детского сада готовы к коммуникативно-речевой профессиональной деятельности в современных условиях. Изучив исследования известных педагогов М. Р. Савовой по формированию выразительности речи учителя и Н. А. Ипполитовой по умению выстраивать объяснительный монолог, мы попытались в новую программу для детей 3—4 лет внести фрагмент модели комплексной работы по формированию коммуникативно-речевых умений у молодых воспитателей [17]. Такая модель разрабатывается узкими специалистами дошкольного учреждения. Модель состоит из четырёх разделов, за разработку которых отвечают педагоги дошкольного учреждения:

- «Общение» (ответственный: педагог-психолог). Разрабатывает четыре занятия, на которых обучает воспитателей анализировать речевую ситуацию и прогнозировать речевое поведение участников общения.
- «Речевые жанры» (ответственный: учитель-дефектолог).
- «Речевой этикет» (ответственный: методист).
- Способы диалогического общения с учётом норм речевого этикета.
- «Техника речи» (ответственный: учитель русского языка).

Корректировка собственного речевого поведения в зависимости от ситуации общения.

Умение правильно, точно поставить перед ребёнком вопрос, заставляющий думать, вызвать на соответствующий ответ — это большое мастерство, которым должен овладеть каждый педагог. Умело и вовремя заданные вопросы резко меняют в лучшую сторону навыки речевого развития ребёнка.

Этот опыт мы планируем использовать в работе с семейным посетителем и их детьми 3—4 лет в комплексе «Любимые книжки и игрушки».

Материал для индивидуальной работы будет состоять из:

- речевого путеводителя;
- словесно-речевых игр.

Мы понимаем, что ребёнку 3—4 лет интересен предметный мир, с которым он постепенно знакомится. Но ещё больше этот мир становится интересным, когда взрослый помогает ввести в его речь выразительные, ярко окрашенные слова, обозначающие какой-либо предмет, учит говорить правильно и выразительно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева, М. Об осознании детьми фонетической стороны речи / М. Алексеева // Дошкольное воспитание. — 2009. — № 10. — С. 9—13.
2. Арушанова, А. Г. Речь и речевое общение детей [Электронный ресурс] / А. Г. Арушанова // Книга для воспитателей детского сада. — Режим доступа: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://detstvovid.ru/wp-content/uploads/2015/01/Arushanova-A.G.-Rech-i-rechevoe-obshhenie-detey.doc&wdOrigin=BROW>. — Дата доступа: 16.03.2022.
3. Беларускія народныя казкі / склад.: Г. А. Барташэвіч, К. П. Кабашнікаў. — Мінск : Навука і тэхніка, 1981. — 480 с.
4. Елисева, Л. Н. Хрестоматия для маленьких : пособие для воспитателей детского сада / сост. Л. Н. Елисева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Просвещение, 1982. — 431 с., ил.

Смирнова Т. Р.

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2024-95-101>

5. Лалаева, Р. И. Развитие фонематического анализа и синтеза / Р. И. Лалаева // Логопедическая работа в коррекционных классах [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/logopediya/2012/10/16/razvitie-fonematicheskogo-analiza-i-sinteza-lalaeva-ri>. – Дата доступа: 22.02.2022.
6. Левшина, Н. И. Современные подходы к методике развития связной речи дошкольников / Н. И. Левшина, Л. В. Градусова // Электронный журнал «Фундаментальные исследования» [Электронный ресурс]. – 2015. – № 2. – С. 1988–1992. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37347>. – Дата доступа: 16.03.2022.
7. Мастюкова, Е. М. Нарушение речи у детей с церебральным параличом : кн. для логопеда [Электронный ресурс] / Е. М. Мастюкова, М. В. Ипполитова. – Режим доступа: https://pedlib.ru/Books/5/0465/5_0465-1.shtml. – Дата доступа: 16.03.2022.
8. Палиева, Т. В. Развитие дошкольного образования Беларуси в условиях билингвизма во второй половине XX века : пособие [Электронный ресурс] / Т. В. Палиева. – 2008. – Режим доступа: https://www.pedagogy.mspu.by/katalog/pal_razvitie.pdf. – Дата доступа: 16.12.2021.
9. Смирнова, Т. Р. Внедрение музейно-педагогической технологии в воспитательно-образовательный процесс дошкольного образовательного учреждения (из опыта работы Детского музея, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника) / Т. Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы ў 2016 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Мінск : Медысонт, 2019. – С. 119–124.
10. Смирнова, Т. Р. Образовательные проекты как одна из форм социального партнёрства (из практики работы Детского музея) / Т. Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы ў 2015 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Мінск : Медысонт, 2018. – С. 136–138.
11. Смирнова, Т. Р. Партнёрский проект «Чтобы помнили...» как инновационная музейная педагогическая технология / Т. Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-заповедніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч ; навук. рэд. Т. А. Джумантаева. – Мінск : Медысонт, 2020. – С. 185–191.
12. Старжинская, Н. С. Технология процесса речевого и лингвистического развития дошкольников (когнитивный аспект) [Электронный ресурс] / Н. С. Старжинская // Репозиторий Белорус. нац. техн. ун-та. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/5438/1/Технология%20процесса%20речевого%20и%20лингвистического%20развития%20дошкольников%20.%20.pdf>. – Дата доступа: 16.03.2022.
13. Старжинская, Н. С. Методика развития родной мовы / Н. С. Старжинская, Дз. М. Дубініна. – Мінск, 2008. – С. 58–99.
14. Тихеева, Е. И. Развитие речи детей (раннего и дошкольного возраста) [Электронный ресурс] / Е. И. Тихеева. – Режим доступа: <https://innostud.am/application/library/521d992d.pdf>. – Дата доступа: 16.03.2022.
15. Усова, А. П. Родной язык в детском саду / А. П. Усова // Дошкольное воспитание. – 2009. – № 6. – С. 10–17.
16. Фотекова, Т. А. Тестовая методика «Диагностика устной речи» (адаптированная для детей дошкольного возраста) [Электрон. ресурс] / Т. А. Фотекова. – 2022. – Режим доступа: <https://ulybkasalyu.ru/wp-content/uploads/2016/03/test.pdf>. – Дата доступа: 16.01.2022.
17. Чунослова, С. И. Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Выразительность педагогической речи» : для студ. пед. спец. гуманитарного профиля [Электронный ресурс] / С. И. Чунослова. – 2016. – Режим доступа: <http://rep.barsu.by/bitstream/handle/data/4498/Vyrazitelnost%20pedagogicheskoy%20rechi.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 16.03.2022.

Смирнова Татьяна Рафаиловна,
заведующий Детским музеем –
филиалом НПИКМЗ

А. А. Соловьёв

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАЙОНЕ ДОМА № 13 ПО УЛ. ЗЕЛЁНОЙ В г. ПОЛОЦКЕ

Представлены итоги археологических исследований, проведённых в ходе прокладки трассы водопровода по ул. Зелёной на территории современного района Заполотья. Непосредственно в изученном культурном слое артефакты отсутствовали, однако большой интерес представляли выявленные материковые ямы, которые содержали ценные археологические материалы. На основании интерпретации выявленных объектов и в ходе изучения участков стратиграфии культурного слоя сделаны выводы о заселённости западной части территории современного района Заполотья и её роли в топографии Полоцка в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: ул. Зелёная, Заполотье, лощёная керамика, сосуд со штампами, археологические исследования, печь.

Заполотье — один из важнейших объектов древней топографии Полоцка, возникновение которого, согласно археологическим данным, относится к X в. На протяжении нескольких столетий размеры территории Заполотья и очертания его границ неоднократно изменялись как в сторону расширения, так и в сторону сокращения. Несмотря на свою историческую значимость, Заполотский посад или «старый город», как его часто называют в исторической литературе, до настоящего времени не подвергался широкомасштабному археологическому изучению по причине плотной частной застройки [7, с. 27–28].

Территория Заполотского посада включена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь с присвоением «3» категории. Границами данного археологического памятника с западной и северной стороны являются ул. Гастелло и ул. Шенягина, с севера и востока — пойма и правый берег р. Полоты. Южную границу объекта маркирует правый берег р. Западной Двины. Статус историко-культурной ценности предусматривает необходимость археологического надзора при проведении строительно-земляных работ, затрагивающих культурный слой (рис. 1).

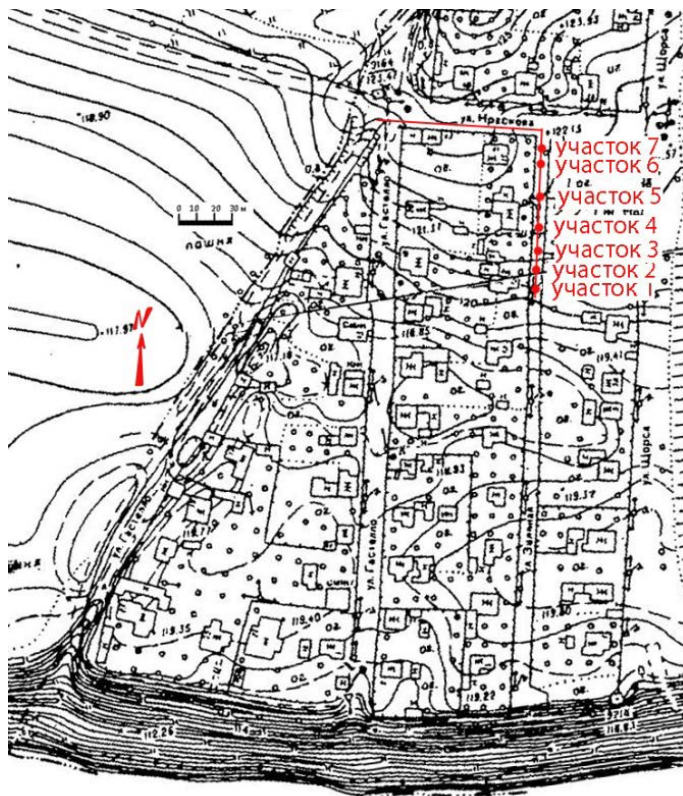

Рисунок 1 — Западная часть территории Заполотья с общей трассировкой траншеи по ул. Краснова, ул. Зелёной и привязкой изучаемых участков её стенок

В июле 2014 г. на территории Заполотья осуществлялась прокладка трассы водопровода от дома по № 13 по ул. Зелёной в северном направлении и далее, на запад, по ул. Краснова. Общая длина траншеи составила около 200 м, глубина — около 1,2 м; в ходе выполнения земляных работ по её разработке осуществлялось изучение культурного слоя в западной части археологического памятника «Заполотский посад».

Отрезок траншеи, проложенный по ул. Краснова в западном направлении, имел однородный культурный слой с примесями материкового песка, в котором археологические артефакты отсутствовали.

Наибольший интерес с точки зрения археологии представляет часть траншеи, проложенной по ул. Зелёной (длина — 68,3 м; ширина — от 0,7 до 0,8 м), где выявлены все изученные нами объекты. Перепад высот между концами исследованного отрезка траншеи составил 122,13 м на ул. Краснова и 119,41 м на ул. Зелёной восточнее дома № 13. Данная улица имеет уплотнённое грунтовое покрытие с незначительным уклоном в южном направлении в сторону р. Западной Двины (рис. 1 и 2).

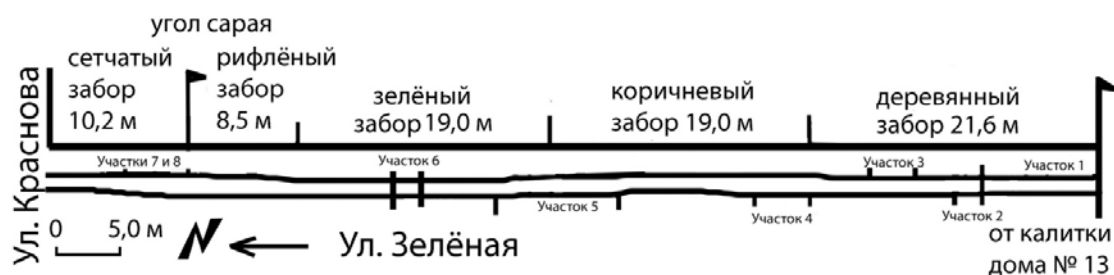

Рисунок 2 — Исследованная часть траншеи по ул. Зелёной
с привязкой изучаемых участков её стенок

Нами были исследованы небольшие отрезки стенок траншеи, условно названные «участками». Они содержали подъёмный археологический материал и имели неоднородную стратиграфию культурного слоя в виде разнохарактерных прослоек песка, угля, сырой и обожжённой (печной) глины.

Участок 1 расположен напротив домовладения № 13 по ул. Зелёной (рис. 3). Для изучения культурного слоя указанного участка восточная стенка траншеи была зачищена на длину 7,0 м. Первоначально прослежена спрессованная подсыпка дороги толщиной около 0,3 м, она представляла собой землю, насыщенную кирпичным боем. Под ней следовал однородный слой тёмно-серого грунта толщиной около 0,3 м. На глубине 0,6 м от дневной поверхности выявлена прослойка сырой и обожжённой глины толщиной около 7 см, которая имела уклон в южном направлении. Под ней следовал слой серой земли, перекрывавший материковую яму, с наклонными стенками глубиной 0,4 м и шириной 0,75 м. Материк представлял собой жёлтый песок и имел уклон в южном направлении, в сторону р. Западной Двины. В правой части восточной стенки, где толщина культурного слоя достигала 1,2 м, на глубине около 0,9–1,1 м прослежено скопление обломков железного шлака и керамики XV–XVI вв. — горшков, макитры, крышек (КВФ5-9093; КВФ5-9094; КВФ5-9103) [1, с. 298–299, 301] (рис. 4).

Участок 2 расположен в западной стенке траншеи и зачищен на длину 2,0 м с целью изучения материковой ямы (рис. 3). Стратиграфия культурного слоя начиналась с плотной подсыпки дороги толщиной 0,3 м, она была насыщена обломками кирпича и строительным мусором. Под ней до глубины 0,6 м от дневной поверхности следовал слой серой однородной земли, который заполнял и перекрывал материковую яму. Глубина последней составляла около 0,55 м от поверхности материка, ширина — 0,45 м (на уровне плоского дна) и 0,6 м по краям. Стенки ямы гладкие, наклонные, находок в ней не обнаружено. Материк представлял собой жёлтый песок.

Участок 3 (длиной 3,0 м) прослежен на восточной стенке траншеи. Под слоем дорожного перекопа толщиной 0,3 м (рис. 3) ниже обнаружен слой тёмно-серой земли толщиной 0,25–0,35 м, далее следовала прослойка песка толщиной 3–7 см. Под указанной прослойкой находился пласт чёрной земли, прорезанный траншеей на глубину 0,35–0,5 м, находок он также не содержал.

Участок 4 (длиной 4,0 м) расположен в 12,5 м от **Участка 1**, в западной стенке траншеи (рис. 3). Стратиграфия культурного слоя начиналась спрессованной подсыпкой дороги толщиной около 0,3 м, она представляла собой землю, насыщенную кирпичным боем. Под подсыпкой прослежен слой тёмно-серой земли толщиной около 0,2 м, перекрывавший материковую яму. Толщина культурного слоя без учёта материковой ямы составила 0,5 м, далее следовал материк, представленный жёлтым песком.

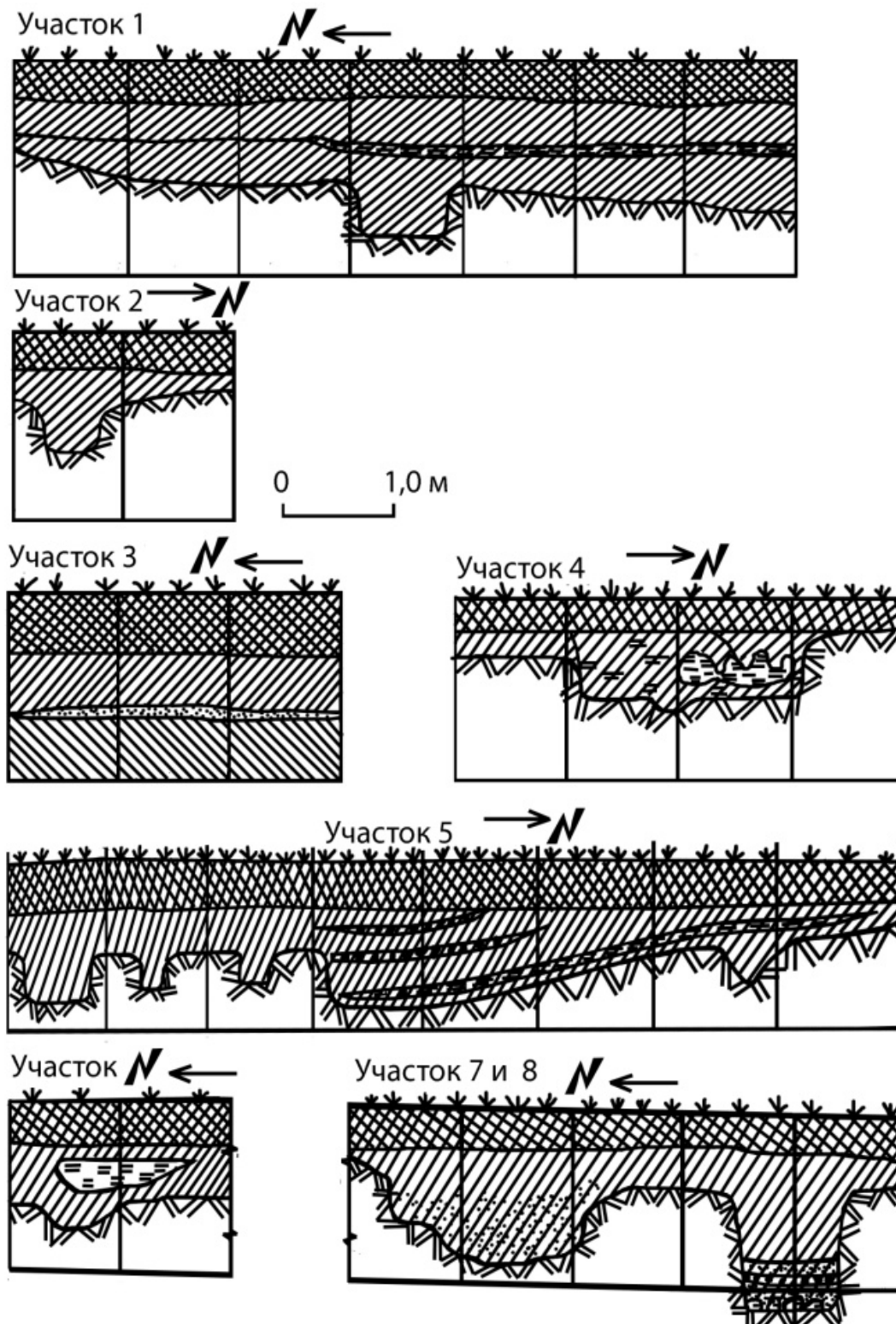

Рисунок 3 – Изученные участки стратиграфии культурного слоя траншеи

Рисунок 4 — Керамика с Участка 1:

1 — верхняя часть горшка, 2 — фрагменты макитры, 3 — фрагменты крышки

Выявленная нами материковая яма имеет ширину 2,0 м в верхней части и 1,8 м в нижней. Стенки отогнуты наружу (высота их от края материка до дна ямы составила 0,3 м), дно ровное, с небольшим чашевидным углублением посередине (шириной 0,4 м и глубиной 0,2 м от уровня дна). Заполнение ямы — серая земля с крупными включениями сырой и крошевом обожжённой глины. Находки представлены плитками пола с примесью толчёного камня («жарствы») в тесте, характерными для построек XVI–XVII вв. [2, с. 97] (рис. 5).

Рисунок 5 — Плитки пола XVII в. с Участка 4

Участок 5 — самый протяженный (рис. 3). Для изучения стратиграфии его культурного слоя был зачищен отрезок западной стенки траншеи длиной 9,0 м. Здесь также прослежена спрессованная подсыпка дороги толщиной около 0,3 м, которая представляла собой землю, насыщенную кирпичным боем. Под подсыпкой следовал однородный слой тёмно-серой земли толщиной около 0,3 м. На глубине 0,6 м от дневной поверхности характер и стратиграфия культурного слоя в стенках траншеи на **Участке 5** имеет ряд отличий. В западной стенке, зачищенной на длину 9,0 м, толщина культурного слоя без учёта материковых ям составила 0,7 м. Начинающийся с глубины культурный слой представлял собой серую землю с вкраплениями жёлтого материкового песка, данный слой перекрывал и заполнял три материковые ямы. Последние не имели чётких очертаний. Первая (с юга на север) отличалась вертикальными стенками и плоским дном, её глубина 0,2 м от

поверхности материка, ширина — 0,6 м. Вторая яма находилась на расстоянии 0,5 м от первой, имела глубину 0,25 м и ширину около 0,35 м, дно её неровное. Третья яма имела вертикальные стенки, глубину около 0,3 м от поверхности материка и ширину 0,2 м, она, скорее всего, осталась от столба. Четвёртая яма находилась на расстоянии 0,5 м от последней, она имела наклонную южную стенку и пологую северную, её дно представляло собой горизонтальную поверхность практически на уровне дна траншеи, глубина которой в данном месте составляла около 1,3 м. Длина ямы — около 3,0 м, глубина — около 0,4 м от поверхности материка, на уровне дна (приблизительно 1,8 м) фиксировалась земля, перемешанная с материковым песком. Заполнение ямы представляло собой тёмно-серый массив земли, который начинался на глубине 0,65 м в виде невыразительной прослойки угля длиной около 1,0 м и толщиной до 3 см, ниже прослойки — тёмно-серая земля с вкраплениями угля и обожжённой красной глины. Последнюю прорезали еще две прослойки угля и обожжённой красной глины, имевшие уклон в южном направлении (около 5–7 см толщиной и 2,0 м длиной). Прослойка обожжённой глины толщиной до 7 см имела длину около 5,0 м и повторяла контуры северной части ямы, перекрывая не только её, но и землю, сильно перемешанную с материковым песком. Далее следовал материк в виде жёлтого песка, находившийся в данном месте на глубине 0,9 м от дневной поверхности. Таким образом, общая длина выявленной материковой ямы составляла около 5,5 м, находок в ней не обнаружено.

Участок 6 расположен в 10 м от **Участка 4** (рис. 3), он представлял собой прорезанный траншеей развал печи XVIII в., для изучения которого был зачищен отрезок восточной стенки траншеи длиной 2,0 м. Стратиграфия культурного слоя начиналась спрессованной подсыпкой дороги толщиной около 0,3 м, она представляла собой однородную землю. Далее начинался потревоженный культурный слой толщиной (без учёта материковых ям) около 0,8 м. Развал печи начинался под дорожной подсыпкой с глубины 0,3 м от дневной поверхности и представлял собой заполнение ямы, вырытой в культурном слое. Мощность культурного слоя, в котором была вырыта яма под основание печи, доходила до 0,5 м — это тёмно-серая комковатая земля с редкими вкраплениями красной обожжённой глины. Данная яма была чашевидной формы с округлыми дном и стенками, её длина составляла около 0,75 м, глубина (от слоя дорожной подсыпки) — 0,25 м. Заполнение ямы представлено перемешанной красной обожжённой глиной с отпечатками деревянных конструкций, в которой найдены обломки большемерного кирпича толщиной 7,5 см и плиток пола (рис. 6: 1–3, 5–7). Часть этих находок обнаружена в отвале, среди них — обломки безрамочных изразцов с фигурными выпуклыми щитами, характерными для второй пол. XVIII в. (рис. 6: 10). Карнизы имели гладкую плавно изогнутую пластину, характерную для конца XVII — середины XVIII вв. Данные находки имеют широкие аналогии в изразцовых материалах Полоцкого иезуитского коллегиума и развалах печей XVIII в. (рис. 6: 8), выявленных в ходе археологических исследований на территории города [5, с. 39; 6, с. 52]. Следует отметить, что очертания стенок ямы по краям немного размыты, что говорит об их повреждениях в ходе выборки пригодных камней и кирпича при разрушении печи.

Развал в западной стенке траншеи детально зафиксировать не удалось. Можно отметить, что здесь длина ямы доходила до 0,6 м, глубина — до 0,3 м от дорожной подсыпки, её дно было ровным, стенки вертикальными. Это позволяет полагать, что данная яма сохранила свои первоначальные размеры, соответствующие ширине основания печи. Выборка заполнений ямы в обеих стенках траншеи показала, что она разрежала развал печи поперёк и длина его могла быть более 1,0 м.

Анализируя найденные материалы, можно полагать, что выявленная нами печь была небольших размеров. Ширина её основания (с учётом сохранившихся профилей стенок ямы в западной стенке траншеи) — около 0,6 м, длина сооружения могла быть около 1,0 м, предположительно прямоугольной формы. Найденные обломки крупноформатного кирпича могли иметь отношение к устройству 2–3 рядов основания печи в целях создания надёжной опоры для нижнего ряда карнизных изразцов. Учитывая средние размеры большемерного кирпича XVIII в. (29–30 × 13,5–4,5 × 6,5–7,5 см), они полностью увязывались с размерами ямы под печь. Применение подобных кирпичей в стенках топки печи сомнительно из-за её малых размеров. Для этого, возможно, предназначались напольные плитки, найденные в развале. Качество выделки и обжига делало их малопригодными для выстилки полов, тем более что толщина и габариты найденных плиток (квадратные или близкие к квадрату) более характерны для изделий XVII — начала XVIII в., чем для более поздних

образцов [5, с. 39; 6, с. 52]. При устройстве топки их могли устанавливать «на ребро» с целью защиты румпы изразцов от прямого воздействия огня. Обломки плиток могли также использовать в качестве закладки между изразцами таким образом, чтобы они служили перевязкой с облицовкой стенки топки. Этот прием позволил бы упрочить конструкцию. Кроме того, плитки могли использовать и для конструкций надставки, в частности, для перекрытия топки и самой печи. С учётом габаритов сооружения, высоких румп изразцов и размеров самих плиток (со стороной квадрата длиной от 17 до 30 см), это было вполне осуществимо. Относительно внешнего вида печи можно полагать, что она являлась либо двухъярусным сооружением (верхний и нижний ярусы разделял карниз), либо одноярусным — в виде короба, увенчанного сверху и снизу профильными карнизами. С постройкой, где находилась обнаруженная нами печь, вероятно, связаны фрагменты точильного бруска, сосуда и ножки рюмки из прозрачного бесцветного стекла (рис. 6: 4) (КВФ5-9339).

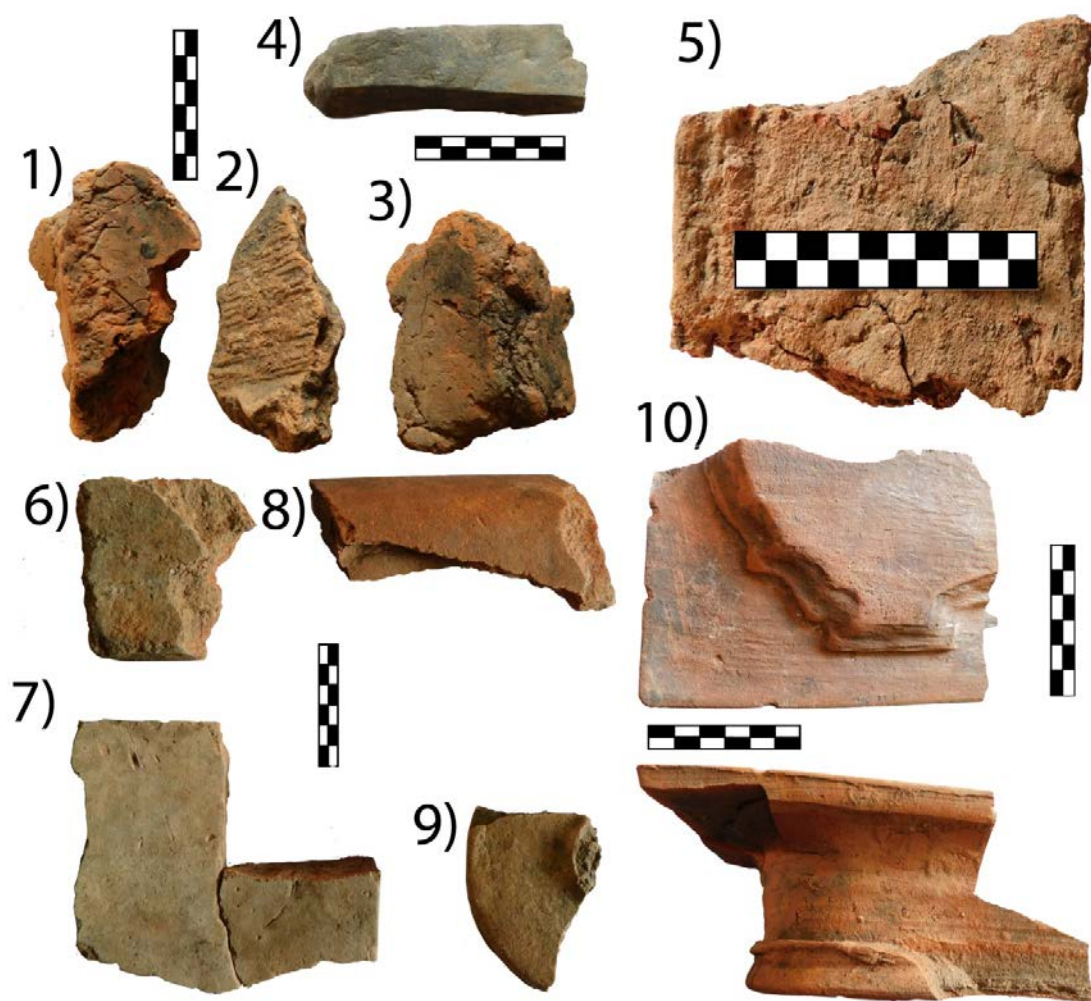

Рисунок 6 — Артефакты с Участка 6:

1–2 — печная обмазка с отпечатками деревянных конструкций, точильный брусок из отвала,
5 — кирпич от печи, 6–7 — плитки пола из развала печи,
8 — карнизный изразец, 9 — часть крышки сосуда, 10 — стеновой изразец

Участок 7 (рис. 3) представлен материковой ямой, начинающейся на глубине 0,6–0,7 м, ширина её устья — 1,2 м, глубина от поверхности материка — 1,1–1,2 м. Стенки ямы гладкие, наклонные, дно плоское, шириной около 1,0 м. Заполнение ямы представлено серой землёй; с глубины 1,2–1,3 м прослежен слой земли толщиной 15–20 см, перемешанный с жёлтым материковым песком. Под ним обнаружен слой угля толщиной 5–7 см, подстилавший пласт земли толщиной около 0,3 м и заполнявший низ ямы. Слой содержал

фрагменты чёрнолощёной керамики [4, с. 249], рыболовное грузило [2, с. 142], а также фрагмент сосуда со штампами (аналогов ранее нами не выявлено) (КП23-45812; КП23-45813; КП23-45814; КП23-45815; КП23-45816; КП23-45817; КП23-45818). Найденные артефакты относятся к XVII в. На дне ямы прослежены камни диаметром 10–20 см (рис. 7).

Рисунок 7 – Керамика с Участка 7:
1–5 – лощёные сосуды, 6 – сосуд со штампами,
7 – рыболовный грузик

ВЫВОДЫ

Археологические исследования на ул. Зелёной показали, что западная часть территории историко-культурной ценности «Заполотский посад» на протяжении столетий имела слабую освоенность. На изученном участке траншеи не выявлено артефактов и объектов, относящихся к X–XIV вв.

Обнаруженное нами на Участке 1 скопление железного шлака и керамики может свидетельствовать о существовании здесь в XV – начала XVI вв. жилой застройки и металлургического производства. Выявленная посуда представлена обломками горшка, крышек и макитры, имеющими широкие аналогии в культурных

отложения Полоцка, относящихся к эпохе ВКЛ. Данные артефакты характерны для быта городской бедноты или мещан среднего достатка.

Малочисленность объектов, относящихся к эпохе ВКЛ, связана с тем, что в первой половине XVI в. западная граница, с линией укреплений Заполотского посада, неоднократно переносились по причине частых набегов Московских войск, разорявших данную часть посада. В начале XVI в. горожане возвели мощные фортификационные сооружения — стену и ров (следы которого в виде траншеи до настоящего времени прослеживаются по ул. Гастелло), вся прилегающая к ним территория была занята усадебной застройкой горожан. К 1533 г. эта часть Заполотского посада была заброшена, территорию усадебной застройки заняли огороды и овины. Застройка и фортификация данной части посада была восстановлена только к 1563 г. [3, с. 102–103; 6, с. 58].

О длительном использовании изучаемой нами территории под огороды свидетельствует однородность культурного слоя и практически полное отсутствие в нём артефактов. Последнее объясняется тем, что при перекопах и распашке угодий тщательно выбирались обломки керамики, металлических, каменных и стеклянных изделий, поэтому разновременные артефакты и недвижимые объекты можно выявить исключительно в материковых ямах.

Судя по подъёмному археологическому материалу и выявленным недвижимым объектам на Участках 4, 6 и 7, можно говорить о расположении здесь в конце XVI—XVIII вв. усадеб небогатых горожан, которые имели возможность строить в домах изразцовые печи, приобретать привозную керамическую и стеклянную посуду. При этом данная территория посада, как и ранее, оставалась малонаселённой в силу её отдалённости от городского центра и близости к фортификационным укреплениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Археалогія Беларусі : у 4 т. — Мінск, 2001. — Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст. — 597 с. : іл.
2. Дук, Д. У. Полацк XVI—XVIII стагоддзяў : нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. — Наваполацк : ПДУ, 2007. — 268 с.
3. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук. — Наваполацк : ПДУ, 2010. — 180 с.
4. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — 335 с. : іл. — (Древнейшие города Беларуси).
5. Соловьёв, А. А. Изразцы и печи полоцкого коллегиума (конец XVI — первая треть XIX в.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв. — Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2013. — 95 с. : ил., VIII с. цв. ил.
6. Соловьёв, А. А. Исследования дома на Нижне-Покровской 19 / А. А. Соловьёв // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2015 г.) / уклад. Т. Явіч. — Мінск : Медысонт, 2018. — С. 144–157.
7. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст. : гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. — Мінск, 1998. — 183 с. : іл.

Соловьёв Александр Александрович,
магистр исторических наук,
ведущий научный сотрудник научно-реставрационного отдела НПИКМЗ

И. В. Сырэвич

ДЕТСКИЙ ГОРОДОК ИМЕНИ ЛЕНИНА В БЫКОВЩИНЕ, БЫВШЕМ ИМЕНИИ КОЗЕЛЛ-ПОКЛЕВСКИХ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ (1920–1930-е гг.)

Рассматривается деятельность детского дома как формы жизнеустройства детей-сирот и детей из обнищавших слоёв населения в 1920–1930-е годы. На основе архивных документов, воспоминаний бывших детдомовцев прослеживается история создания и организация жизни воспитанников Детского городка имени Ленина в Быковщине, бывшем имении Козелл-Поклевских.

Ключевые слова: беспризорность, детские дома, Комиссариат Народного просвещения, патронат, Полоцкий уездный отдел народного образования (УОНО), детский городок.

Страна Советов неоднократно переживала пики детской беспризорности, особенно в 20-х годах прошлого столетия. Сказались хозяйственная разруха, голод и эпидемии, вызванные Первой мировой и Гражданской войнами. В детских домах к 1922 году насчитывалось около 540 тысяч воспитанников. Особенно пострадали от голода 1921 года дети Поволжья. В 1922 году в СССР общее число детей, лишённых средств к существованию, составляло 7 миллионов человек. Тяжёлое материальное положение населения, кризис нравственности и растущая безработица были тому причиной. Многие подростки сменили семью на улицу, а школу на воровство [5; 6]. Не обошла эта проблема и Полоцкий уезд.

Советское правительство, столкнувшись с проблемой беспризорности, решало её путём размещения детей через приёмники-распределители в приюты, детские колонии, городки, школы-коммуны. Необходимо было дать сиротам не только кров и пропитание, но и обучение, в первую очередь, трудовым навыкам, что в дальнейшем должно было помочь детям самим зарабатывать на жизнь и уберечь их от влияния преступной среды. Пустующие имения, полуразрушенные дома приводили в порядок для того, чтобы разместить в них беспризорных детей [6].

Ситуация с беспризорными детьми и детьми, нуждающимися в помощи, в Полоцком уезде в 1920-х годах складывалась довольно тяжёлая. 18 августа 1920 года заведующий отделом образования Полоцкого уезда писал в Комиссариат народного просвещения: «В беспощадной борьбе пролетариата с белогвардейцами город Полоцк разрушен, масса детей, как жертва контрреволюции, выброшена на улицу и остаётся без крова, одежды и пищи. Отдел в спешном порядке организует дополнительные детские дома, очаги и сады. В виду вышеизложенного Полоцкий уездный отдел народного образования просит содействия в получении из надлежащих учреждений постельных принадлежностей и белья, главным образом одеял или материал взамен таковых» (рис. 1) [7].

В Зональном государственном архиве Полоцка хранится множество заявлений 1920–1930-х годов от родителей в Полоцкий отдел образования с просьбой забрать детей в детские дома из-за тяжёлого материального положения. Но все функционирующие дома были переполнены, поэтому часто родителям отказывали. Многих детей отдавали на патронирование в артели или другие семьи. При этом приёмные семьи получали единовременное пособие, им предоставляли дополнительный земельный надел на каждого ребёнка, освобождали от налога на 3 года. Бывали случаи бегства детей из приёмных семей, возврат детей в детские учреждения. На повестке дня остро стоял вопрос поиска помещений, в которых можно было разместить детей-сирот. Интерес представляло бывшее имение Козелл-Поклевских в Быковщине [11].

Историческая справка: «Основателями имения Быковщина в XVII столетии были Анна и Фома Козелл-Поклевские. В 1809 году у них родился сын Альфонс, который вошёл в историю России как статский советник, предприниматель и меценат. Он основатель речного пароходства в Сибири, хозяин золотых и серебряных приисков, винокурных заводов, фабрик и костёлов, школ и детских приютов. За свою добровольческую деятельность Альфонс получил от Папы Римского орден Святого Яна Иерусалимского, а власти России отметили его орденом Святого Станислава 1 степени. Он был владельцем 56 домов и 19 имений. Одно из самых больших — имение Красный берег в Жлобинском районе Гомельской области. Альфонс Фомич умер в 1890 году в Быковщине и был похоронен в родовом склепе на 36 мест» [3].

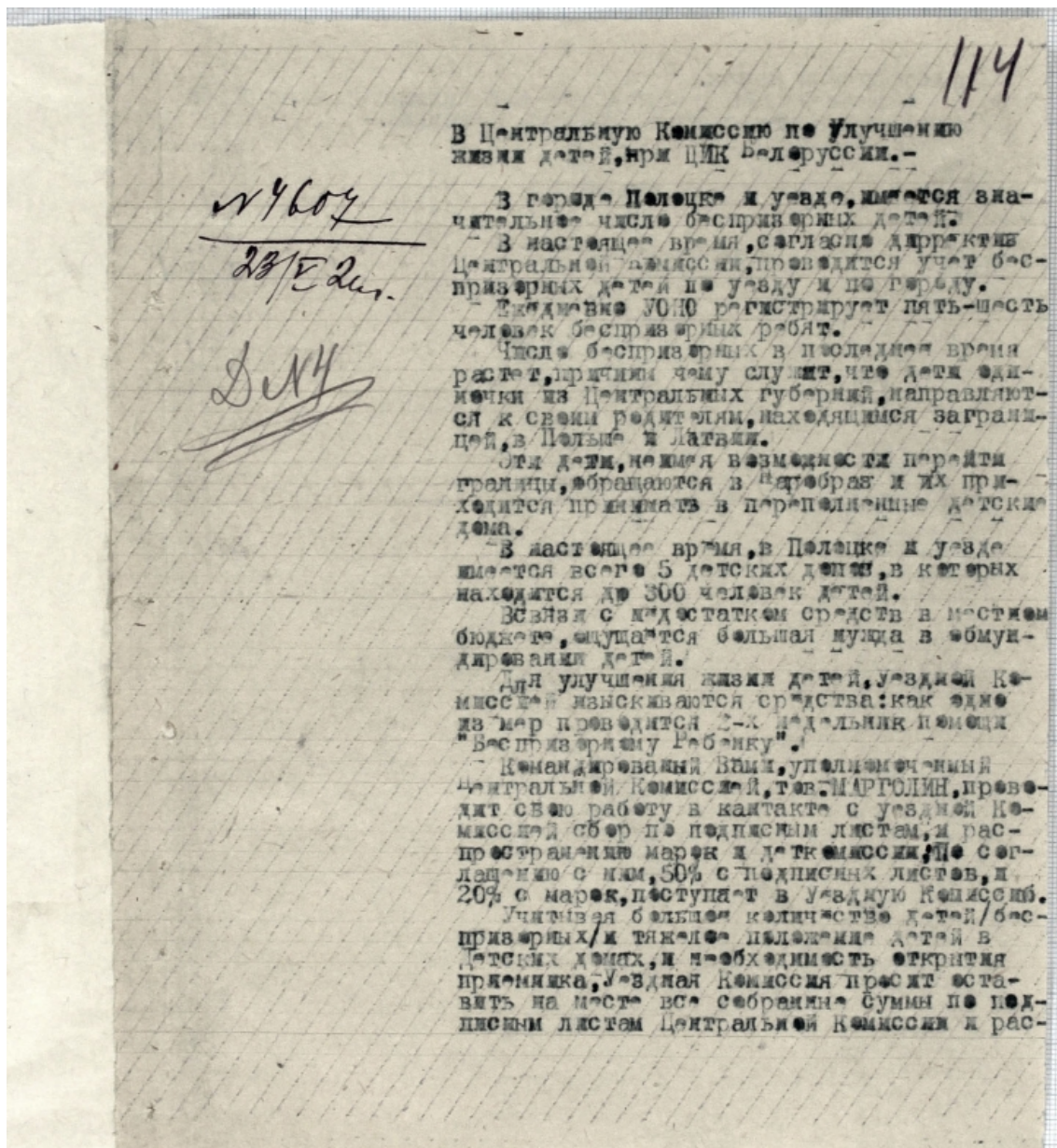

Рисунок 1 – Докладная в Комиссариат народного просвещения

Ситуация с беспризорными детьми усугублялась ещё и тем, что осенью 1921 года Полоцк принял несколько эшелонов с детьми из голодающих губерний Поволжья. Дети прибывали из Саратовской, Самарской, Уфимской, Владимирской, Муромской, Рязанской и других губерний и уездов. 18 детей поместили в бывшее поместье Козелл-Поклевских в Быковщине Дриссенского уезда [1]. В 1922 году ситуация не улучшилась. В протоколе № 17 заседания Полоцкого Уездного исполкома от 17 марта 1923 года указывалось: «В связи с ликвидацией Дриссенского уезда обратить особое внимание на печальное положение Детской коммуны». Приказом № 19 от 5 апреля 1923 года коммуна в Быковщине перешла на содержание Полоцкого уездного отдела народного образования [8]. В плане мероприятий Полоцкого отдела народного образования на 1923–1924 годы есть запись: «Провести реорганизацию детских домов, разделив детей на школьников и дошкольников. Наряду с образовательными предметами вести обучение портняжному, сапожному, столярному и другим ремёслам. Концентрация работы вокруг следующих моментов: коллективизм, закалённость, общественность, героизм, мужество. Создание гражданина, крепкого телом, сильного духом и самоотверженного борца за свободу» [10].

Для организации Детского дома в Быковщине имелась хорошая материальная база, что и было отмечено комиссией от 16 января 1924 года. «Комиссия в составе заведующего Полоцким земельным управлением Магона и представителя отдела образования Бучукаса, техника местного хозяйства Иваньковича обследовала помещичий дом в имении Быковщина Калининской волости на предмет размещения в нём детских учреждений уезда». При этом выяснилось, что «...имеются два здания деревянное и каменное, непосредственно соединённые между собой. Деревянное здание двухэтажное, на каменном фундаменте со смежной крышей, площадь 93,5 квадратных сажень, высота 4,25 квадратных сажень. Здание сохранившееся и требует лишь вставки 64-х стёкол, исправления двух печей и вставки 1 печного прибора, окраски крыши и прокладки пяти сажень водосточных труб. Каменное здание двухэтажное с железной крышей, площадь 47,25 квадратных сажень, высота 3,75 сажень. Необходимо сделать все зимние рамы размером 0,5×0,8 сажень в количестве 24-е штуки, вставить 10 стёкол, исправить 3 печи, покрасить крышу и сделать пять сажень водосточных труб. Соседние здания могут быть приспособлены под жильё служащих, при производстве небольшого ремонта» (рис. 2, 3) [11].

Рисунок 2 – Детский дом в имении Быковщина. 1920–1930 гг.

Новый период в истории детского дома наступил после смерти В. И. Ленина 21 января 1924 года. По всей стране создавались комиссии, которые занимались вопросами увековечивания имени вождя. В выписке из протокола № 2 заседания Полоцкой уездной комиссии по увековечиванию памяти Ленина от 12 февраля 1924 года указано: «...организовать Детский городок имени Ленина, где должно вестись образцовое сельское хозяйство и созданы различные мастерские, для чего у нас имеется имение Быковщина, которое вполне соответствует данному назначению» [20]. В докладе отдела образования за 1924 год читаем: «Детский городок расположен в 25 верстах от города и 6 верстах от ж/д станции. Ему передан совхоз Быковщина, имеющий 207,7 десятин земли, из которой под пашней 66 десятин. Имеется живой инвентарь: 12 лошадей, скота 18 голов, принято также 35 построек по совхозу. Имущество оценивается в 68 тысяч рублей. На ремонт городка отпущено 1500 рублей» [13].

Однако и в это непростое время уделялось внимание повышению уровня квалификации учителей. Так, 17 июля 1924 года заведующий Детским городком Бирюков С. Ф. был отправлен на Полоцкие педагогические курсы. Городок возглавил Абраменко Георгий Максимович, который работал до этого преподавателем

политической грамоты в Обольской школе 2-й ступени [10]. Среди первых воспитанников городка были: Петрович Борис, Клундук Костя, Соротокина Лида, Котович Люба, Ляхова Зина, Кудянова Надя, Вишневская Валя, Клёнова Настя, Рудакова Мария, Копылова Лида, Пузикова (Холод) Фрузя, Ямпольская Валя, Елагин Пётр, Градюшко Шура, Глебко Миша, Сташкевич-Шкиренко Алёша, Хитров Миша, Хитров Степан, Райчук Иосиф и многие другие (рис. 4) [2].

Рисунок 4 – Воспитанники Детского городка имени Ленина

Со стороны Полоцкого уездного исполкома предпринимались попытки облегчить материальное положение Детского городка. Так, 11 апреля 1924 года на заседании пленума Полоцкого уездного исполкома заведующий отделом народного образования В. Шимановский доложил, что «...при обследовании городка выяснилась, что дети нуждаются в обуви и обмундировании, на что потребуется до семисот рублей. Настроение воспитанников бодрое. Учебно-воспитательная сторона поставлена удовлетворительно. Постановили: просить Центральный Комитет Белоруссии разрешить на месте израсходовать суммы из фонда имени Ленина на организацию городка» [11]. В этот же день в городок приняли ещё 6 ребят из Поволжья, находящихся до этого в артели «Новая Заря» в Полоцке: Рудневу Марфу, Руднева Ивана, Руднева Максима, Полякову Ольгу, Полякова Михаила, Лифанова Петра. Детей поставили на довольствие с 12 апреля [11].

С самого начала перед педагогами Детского городка ставились конкретные задачи, указанные в докладной записке В. Шимановского Народному Комиссариату просвещения Белоруссии: «Детский городок имени Ленина организован в период апреля, мая и июня месяца 1924 года. Задачи его организации:

- 1) Уничтожение пестроты и раздробленности сил педагогического персонала, установление строго-плановой системы учебно-воспитательного дела, чтобы из воспитанников городка могли выходить люди, более-менее подготовленные к жизни.
- 2) Устранение нерационального, а иногда и бесхозяйственного использования материальных средств при наличии удалённости детских домов. Приобретение крупного земельного участка, где воспитанники городка, и весь его коллектив, применяли бы свой физический труд и получали практические знания по сельскому хозяйству» [10].

В этой же записке отмечено, что «...городок имеет 194 ребёнка обоего пола, из которых 10 человек — дети обслуживающего персонала. Помещение Дома (большой корпус) вполне пригодно для жилья, выбеле-

но внутри, содержится чисто и нуждается в мелком ремонте. Остальные жилые здания нуждаются в большом ремонте, чтобы разместить служащих и расширить жилую площадь для детей, и помещения для школы, а также иметь помещения для мастерских. Бани и прачечной нет, умывальники не установлены, и дети до сего времени умываются на речке. Уборных тёплых нет, наружные слишком близко расположены у зданий, содержатся не аккуратно. Подвальные помещения также нуждаются в ремонте и очистке, дабы приспособить их под склад. Питание детей хотя и нормируется, но иногда бывают отступления от норм. Молоком дети обеспечены из собственного хозяйства. С 1 сентября 1924 года в городок назначен опытный хлебопёк, до этого хлеб пекли старшие дети. Что касается обмундирования, оно находится в плохом состоянии. Белья имеется по одной паре и одной сменной. Персонал с 1 сентября пополнен новыми силами. Таким образом, отдел полагает, что новый состав преподавателей окажется на должной высоте положения» [10]. После этого письма из Центральной детской комиссии в городок отправлено: пиджаков — 3, брюк — 8, пальто — 8, пальто малого размера — 7, юбок — 18, платьев — 12, блузок — 12, шапок — 28, шарф — 1 [16]. Этого количества одежды не хватало, поэтому работники городка пытались наладить пошив одежды в школьных мастерских.

Условия жизни воспитанников городка по-прежнему оставались неудовлетворительными. В акте от 2 июля 1924 года заведующий отделом здравоохранения Михейкин, врач Ветринского участка Кремер и завхоз Бредит писали: «В момент осмотра детей — 73 человека. Кипятильников нет, дети пьют сырую воду. Норма питания неудовлетворительная, пища однообразна, хлеб исключительно чёрный, калорийность не выдержана. Матрацев, белья и полотенец мало. Дети утираются общими полотенцами. Баня не исправна» [11]. 27 сентября 1924 года заведующий отделом здравоохранения писал в Окружной исполком: «Мною неоднократно обращалось внимание на санитарное благополучие городка. В нём отсутствуют элементарные правила гигиены, что подтвердилось последними вспышками заразных заболеваний, таких как скарлатина, кишечные заболевания и прочие. Наступает осенний период, а впоследствии необыкновенного уплотнения, можно ещё ожидать заболевания простудного характера. Из изложенного вытекает необходимость создания при городке хотя бы приёмого покоя или изолятора на 10 коек. В спальном помещении имеются клопы. Из-за недостатка кроватей некоторые дети вынуждены спать по двое. В классных помещениях толстый слой пыли. Дети школы, находящейся далеко от главного дома, пользуются водой из ближайшей канавы. Ликвидировано три вспышки эпидемий — скарлатина, корь и дифтерия. Были единичные случаи смерти. Четверо детей болели туберкулёзом, трое — малярией и один эпилепсией» [20]. В протоколе № 7 Заседания Президиума Полоцкого Окружного исполкома от 25 октября этого же года указывалось, что ни совхоз, ни городок не могут считаться показательными, несмотря на то, что расположены на территории показательного района [12].

В архивных документах упоминаются случаи грубого обращения с детьми и применение наказаний. Бывали и случаи бегства. 18 октября 1924 года директор школы Абраменко Георгий Максимович обращался в уголовный розыск с просьбой найти убежавших воспитанников Лебедева Николая и Василевича Ивана. Сразу же после этого случая в газете «Полоцкий пахарь» была помещена заметка: «Надо помочь детям». Отдел образования принял меры к улучшению положения воспитанников. Было закуплено 130 пар обуви и 130 пальто. Старшим детям заказали кожу для изготовления лаптей. Была построена баня и прачечная, устроен изолятор для больных. Окна остеклены, печи исправлены, дрова заготовлены силами детей с помощью взрослых. Была куплена пожарная машина [16]. В смете расходов на 1924–1925 год указано: «В Детском городке 11 зданий. Для их отопления по норме нужно 576 рублей, но ввиду того, что часть дров можно заготовить собственными силами, эта сумма уменьшится до 285 рублей. Комнаты освещаются керосиновыми лампами. На 300 человек, для всех зданий, нужно 30 ламп с 30-ю горелками на 240 вечеров — 120 пудов керосина по 2 рубля за пуд. Это 240 рублей. На продовольствие — 8 рублей на человека в месяц, на обмундирование одного воспитанника — 70 рублей в год» [11].

При Детском городке имени Ленина была открыта 7-летняя школа, которая располагалась в 4 зданиях. В ней обучались и сироты, и дети из окружающих деревень. К началу 1925 года в школе было 128 детей детдома и 52 человека — дети окрестных крестьян. Были завезены наглядные пособия и мебель. Учёба была организована в две смены. Младшие дети к 12 часам заканчивали занятия, играли, обедали, с 2 часов готовили уроки под присмотром воспитательницы. После этого организовывалась работа по интересам. Старшие

дети учились во вторую смену [4]. С 1925 года обучение в городке велось только на белорусском языке. 17 января 1925 года Абраменко Г. М. писал в Полоцкий окружной отдел народного образования: «В виду отсутствия учебников для школы, нет возможности вести продуктивные учебные занятия, поэтому прошу выдать учебников и пособий на 180 учащихся, а также книг для пополнения библиотеки»; 20 января было выдано 40 учебников по белорусскому языку С. Некрашевича (2-я часть) и 10 учебников по литературе О. Лойки [15]. На 1 марта 1925 года в Детском городке было 179 воспитанников, из них 91 мальчик и 88 девочек, к концу года — 200 детей [14]. При школе были созданы портняжная, столярная, кузнечно-слесарная и сапожная мастерские. За ними были закреплены дети, которые обучались определённому ремеслу. Мастерские обеспечивали необходимыми изделиями весь городок, выполняли и заказы крестьян. За первый год жизни в детдоме в мастерских мастерами и воспитанниками было сшито 112 пар ботинок, 105 пар ватных пальто, по одной смене белья, 42 тюфяка, изготовлен различный сельхозинвентарь, что существенно укрепило материальную базу Детского городка [11].

Много внимания в Детском городке уделялось развитию практических навыков, в частности, в сельском хозяйстве. Дети обрабатывали землю, ухаживали за посевами, убирали выращенный урожай. Организовывал работу на полях агроном Матусевич. Наряды детям на работу выдавал Детский комитет. Для старших детей наряды были постоянными, а для детей среднего возраста дежурства продолжались не свыше 2 недель по 4 часа в день. Дети занимались полеводством, садоводством, огородничеством и животноводством. После окончания обучения им выдавались определённые документы [22].

С 14 лет воспитанники поступали в профессионально-технические школы, фабрично-заводские училища, с 16 лет — в Оболюскую школу крестьянской молодёжи и на производство. Так, на основании распоряжения отдела образования за № 1177 от 5 ноября 1924 года в школу крестьянской молодёжи в Оболе были направлены воспитанники Детского городка, прослушавшие курс 4-летнего обучения: Терпиловский Анатолий — 17 лет, Коновальчиков Иван — 16 лет, Груздев Тимофей — 17 лет, Дреков Фёдор — 17 лет, Лукьянский Пётр — 16 лет, Лабецкий Александр — 18 лет, Дрейман Владимир — 16 лет [13]. Воспитанникам, которые оканчивали школу в городке и уезжали на работу или учёбу, на первых порах оказывалась материальная помощь. Отличники, по решению Совета детдома, оканчивали среднюю школу в Ветрино.

На повестке дня постоянно стоял вопрос о большом количестве воспитанников, проживающих в детских домах Полоцкого округа. Чтобы разгрузить переполненные детские дома, воспитанников иногда отдавали на патронат в войсковые части. 18 декабря 1926 года приказом № 502 Полоцкого отдела образования в 5-ю Витебскую имени Чехословацкого Пролетариата стрелковую дивизию, которая дислоцировалась на территории Полоцкого уезда, 13, 14 и 15-му её полкам передано 30 воспитанников из детских учреждений, в том числе 3 из Детского городка: Сайфуудинов Великай (16 лет), Скурят Антон (16 лет) и Захаров Борис (15 лет) [22].

Несмотря на все трудности и недостатки, Детский городок в Быковщине стал центром просветительской работы с населением. В городке проводились праздники, ставились спектакли, были организованы кружок для крестьян «Комсомольская десятина» и пункт по ликвидации неграмотности. Вопросы из жизни детей обсуждались на Совете городка. Существовали ревизионная, культурно-просветительная, хозяйственная, санитарная комиссии, которые делились на политическую, хоровую, литературную и другие секции. При городке были организованы театр и клуб. 7 ноября 1925 года состоялась премьера спектакля «Лявонка-пионер» по пьесе В. Голубка (Белорусский государственный театр).

Директором школы с 1928-го по 1938 год был Полуев Владимир Иванович, а с 1938-го до начала войны — Комлик Владимир Антонович. В 1930-е годы большую помощь учителям оказывали бывшие выпускники, которые на лето приезжали в городок и давали отпуска воспитателям. К этому времени материальное положение детского городка значительно улучшилось: за счёт ведения подсобного хозяйства и успешной работы мастерских налажилось снабжение продуктами питания, одеждой, инвентарём, предметами первой необходимости, воспитанники получали обязательное семилетнее образование, необходимые социальные и трудовые навыки.

В ходе научных исследований были собраны воспоминания некоторых воспитанников и воспитателей Детского городка периода 1920–1940-х годов: Кендысь (Хоменковой) Марии Титовны (воспитанница 1936–1945-го гг.), Ващенко (Черновой) Александры Фёдоровны (воспитанницы 1934–1942-го гг.), Петрашёнко (Разумович) Ольги Владимировны (воспитателя 1939–1945-го гг.), Котович Любви Ивановны и других. Эти воспоминания содержат богатый материал об учителях и работниках Детского городка, трудовой и культурной жизни воспитанников, выпускниках, чьими именами можно гордиться.

Из воспоминаний Петровича Бориса Васильевича (воспитанник 1924–1934-го гг.): «В начале 30-х годов воспитанники привлекались к обходу колхозного поля в деревне Глинские в целях обнаружения воров, которые голодая, стригли колосья созревшей пшеницы или ржи. Также мы часто посещали Руденковское озеро, чтобы найти и привести в детдом детей, покинутых обнищавшими родителями. Первым найдёнышем стала Валя Баранчук. Недалеко от Быковщины проходила советско-польская граница. Пограничники часто обращались в городок за помощью в задержании нарушителей границы, для этого создавались специальные отряды.

В 1931 году городок навестила „Театральная труппа белорусских художников“ под руководством В. Голубка из Минска. В клубе был поставлен спектакль для детей и населения. В 1933 году к нам приехал журналист полоцкой газеты Эдуард Самуйлёнок для сбора материала о жизни детдомовцев. Уже известным писателем, в 1937 году он написал повесть „Дачка эскадрона“ с главной героиней-сиротой, которая стала певицей. Его знакомство с жизнью городка помогло создать эмоционально-правдивое произведение. В начале весны 1934 года к нам приехал поэт Павлюк Шукайло. Он читал детям свои белорусские стихи и подарил две книги „Знічкі на снезе“.

Все воспитанники считали Быковщинский детский дом родным домом. Нашей любимой воспитательницей была Радзивилова Надежда Казимировна, по-человечески простая и притягательная. До предела строгой и справедливой была Крейз Цицилия Мироновна. Герин Антон Павлович удивлял нас своим глубоким знанием о культуре и жизни. Он знал наизусть все стихотворения, которые мы изучали по белорусской литературе. Помнили мы и Михаила Романовича Судника, который был заведующим учебной частью школы. У него был чудесный почерк и такой же чудесный дар рассказчика и юмориста».

Из воспоминаний Глафиры и Андрея Миронос (воспитанники 1924 года): «10 августа 1967 года мы посетили Детский городок, где прошло наше детство. 24 мая 1924 года, в возрасте 7 и 9 лет, нас перевели сюда из Полоцкого детского дома имени 1 Мая. А уехали – Андрей в 1929 году учеником в музыкальный взвод 5-го арtpолка города Полоцка. А я – в 1931 году на учёбу в Минск. Из бывших работников помню рабочего Карла Андреевича Маурина. Ему 86 лет. Детгородку он отдал всю свою жизнь. Работал на всех сельхозмашинах от зари до зари, учил и воспитывал детей. Запомнилась семья Сташкевичей, которая жила в Быковщине с 1920 года. В семье было 6 детей. Их дом был в центре Сад-горы.

До войны жизнь в детдоме шла нормально и весело. Было много кружков. В летнее время детдом переходил на лагерный режим жизни. Мы обслуживали совхоз – работали в поле, на лугу, в огороде и в саду. С 1938 года до начала войны директором был Комлик Владимир Антонович. В довоенный период в школе было 6 выпусков.

Многие наши воспитанники стали известными людьми: Петрович Борис – известный педагог, автор научных трудов, учебников, методических разработок и наглядных пособий для школьников. Турчинович Степан стал секретарём газеты „Минская правда“, журналистом детского журнала „Искра Ильича“, Лукьянский Пётр – директор Минского политехникума. Клундук Костя окончил педагогическое училище и работал в Детском городке. Козлёнок Николай – директор музея в Полоцке».

Таким образом, основным фактором, повлекшим за собой создание детских учреждений интернатного типа в СССР в 20-е годы прошлого столетия, была политика ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Местные органы власти, особенно Полоцкий отдел народного образования, проделали большую работу в этом направлении на территории уезда. Довоенные условия жизни воспитанников и работников в Детском городке имени Ленина в Быковщине, особенно в первые годы создания, были крайне тяжёлыми, тем не менее у детей был приют, питание, они получали определённые трудовые навыки, образование, что давало возможность в дальнейшем устроиться в жизни.

Очень жаль, что до настоящего времени нет книги об истории Детского городка, так как с ним связана судьба многих наших земляков. Данная тема является актуальной, она востребована жителями нашего района и бывшими воспитанниками детского дома. В будущем материалы научно-исследовательской работы могут быть использованы при разработке тематических экскурсионных маршрутов по окрестностям города и района.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Базулько, Л. М. Память : историческая документальная хроника Полоцкого района / Л. М. Базулько. — Минск : Вышш. шк., 1999. — 700 с.
2. Карасёв, В. Р. В памяти людской навсегда / В. Р. Карасёв. — Борисов : Тип. имени 1 Мая, 2009.
3. Карасёв, В. Р. Край, обласканный ветрами / В. Р. Карасёв. — Витебск : Витеб. обл. тип., 2017. — 199 с.
4. Карасёв, В. Р. Моя любовь — Ветрино : исторические очерки / В. Р. Карасёв. — Полоцк : Изд. Судник, 2004. — 312 с.
5. Кривоносов, А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью / А. Н. Кривоносов // Государство и право. — 2003. — № 7. — С. 92–98.
6. Нечаева, А. М. Детская беспризорность — опасное социальное явление / А. М. Нестерова // Государство и право. — 2001. — № 6. — С. 58–65.
7. Обращения Наркомпроса к работникам просвещения и детям по защите заболеваний революции // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 54. Оп. 1. Д. 24. С. 214, 604.
8. Приказы Отдела народного образования исполнительного комитета Полоцкого уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Полоцка Витебской губернии // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 54. Оп. 1. Д. 60. С. 83, 170 об., 176–184.
9. Протоколы пленумов, заседаний президиума уисполкома, собрания граждан и заседания волисполкома // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 54. Оп. 1. Д. 77. С. 51.
10. Докладная записка Народному комитету просвещения Белоруссии о состоянии Детского городка имени Ленина // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 1. С. 3–5, 13 об., 87–99, 105, 113, 140.
11. Штатные расписания детских домов и переписка с ними о их работе, о определении детей в детские дома // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. С. 11, 22–29, 86–171, 184.
12. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР (СНК, БССР) и протоколы заседаний президиума исполнительного комитета Полоцкого окружного Совета депутатов // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 8. С. 10 об. — 14, 69 об.
13. Протоколы заседаний окружного комитета по организации школ крестьянской молодёжи и документы к ним // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. С. 140.
14. Отчёты и докладные о состоянии народного образования и политико-просветительской работы в округе за 1924–1925-ый учебный год // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 37. С. 7, 10, 11, 14, 45.
15. Документы Отдела народного образования исполнительного комитета Полоцкого окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 38. С. 8, 12, 38, 154, 183.
16. Списки подведомственных учреждений округа на 01.09.1924 и переписка с ними по административно-хозяйственным вопросам // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 46. С. 29, 41, 168, 174, 233.
17. Списки подведомственных учреждений округа на 01.07.1925 и переписка с ними по основным вопросам деятельности // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 47. Т. 5. С. 482 об.
18. Постановления СНК БССР, протоколы заседаний комиссии по направлению желающих в учебные заведения. Отчёт о работе ОКРОНО за 1924–1925 учебный год // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 52. Т. 2. С. 209, 261.
19. Докладная записка от 24 ноября 1925-го года врачебной комиссии // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 66. С. 303.
20. Документы о деятельности и работе Д/г. // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 78. С. 74, 82–85.
21. О постановке учебно-производственных мастерских при Д/г. Выписка из доклада Д/г им. Ленина. Июнь 1926-го года // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 99. Т. 1. С. 53–66.
22. Отчёт о работе детдома имени Леккерта за 1926–1927 гг. и переписка с дошкольными учреждениями по административно-хозяйственным вопросам. Список детей детгородка на 1926-ой год // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 99. Т. 2. С. 230, 374, 385–388.
23. Приказы Наркомпроса БССР // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 109. С. 24.
24. Постановление бюро окркома ВКП(б)Б и окрисполкома, доклады и отчёты окроно о состоянии народного образования // Госархив в г. Полоцке. — Ф. 112. Оп. 1. Д. 129. С. 50.

Сырэвич Ирина Викентьевна,

старший научный сотрудник Музея боевой славы —
филиала НПИКМЗ

Л. Б. Трыгорлава

ДЗЕЙНАСЦЬ ОРГАНАЎ УЛАДЫ ПА АДНАЎЛЕННІ І РАЗВІЦЦІ КІНАСЕТКІ НА ПОЛАЧЧЫНЕ Ё 1944—1954 гг.

Дзеіца характарыстыка дзейнасці органаў улады на Полаччыне па аднаўленні кінасеткі пасля вызвалення тэрыторыі ад нацысцкіх захопнікаў, пазначаюцца праблемы, з якімі сутыкнулася кіраўніцтва Полацкага раённага аддзела кінафікацыі, а таксама шляхі іх вырашэння.

Ключавыя словы: кінафікацыя, ПРАК, кінатэатр, «кінаперасоўка», эксплуатацыйны план.

Кіно — гэта від мастацтва, які з'яўляўся найбольш масавым і любімым жыхарамі Полацка ў даваенны час. Таму пасля вызвалення горада ад нацысцкіх захопнікаў яго кіраўніцтвам надавалася вялікая ўвага пытанням аднаўлення і развіцця кінасеткі. Кінематограф павінен быў стаць аддушынай для насельніцтва пасля перажытай Вялікай Айчыннай вайны. Але ў верасні 1944 г. была створана Полацкая вобласць, і пачалося афармленне новых структурных падраздзяленняў органаў дзяржаўнай улады, у тым ліку і Полацкага абласнога ўпраўлення кінафікацыі (ПАУК). Яго ўзначаліў А. Сушкевіч [1]. Перад кіраўніцтвам стаяла задача аднаўлення ў найкарацейшыя тэрміны кінасеткі, яе тэхнічнае абсталяванне і забеспячэнне кадрамі. У падпарадкаванні абласнога ўпраўлення кінафікацыі знаходзіліся 15 раённых аддзелаў, у тым ліку і Полацкі, і адна кінарамонтная майстэрня.

У гады Вялікай Айчыннай вайны Полацк быў разбураны больш як на 95 %. Таму знайсці памяшканні, прыдатныя для размяшчэння кіруючых структур і дэманстрацыі кінафільмаў, было складана (мал. 1).

Малюнак 1 — Кінатэатр «Інтэрнацыянал» у Полацку. 1941—1943 гг.

ПАУК і Полацкі раённы аддзел кінафікацыі (ПРАК) занялі паўразбураны будынак былога даваеннага кінатэатра «Інтэрнацыянал» па вул. Савецкай, д. 47/17. Штат ПРАК быў невялікім — 5 чалавек (начальнік, бухгалтар, шафёр, старэйшы кінамеханік і кінамеханік), але трэба было ўкамплектаваць кадрамі і гарадскі кінатэатр № 1, які пазней атрымаў назву «Радзіма». Яго адчынілі ў жніўні 1944 г. у будынку былой лютэранскай кірхі па вул. Леніна, д. 19. Першапачаткова кінатэатр знаходзіўся ў прамым падпарадкаванні

Полацкага раённага аддзела кінафікацыі (ПРАК), які ўзначальваў Дз. Дземідовіч, і самастойнага кіраўніцтва не меў [2]. Аднак у сувязі з набыццём кінатэатрам № 1 статусу абласнога, яго штат быў павялічаны да 10 чалавек, а таксама ўводзілася пасада дырэктара. Ім стала Л. Бабовіч. У студзені 1945 г. у Полацку адкрыўся кінатэатр № 2, які атрымаў статус гарадскога. Пад кінатэатр было прыстасавана адно з памяшканняў былога кадэцкага корпуса. Штат кінатэатра № 2 склаў 12 чалавек. Аднак прафесійных кінамеханікаў у ім не было. Крыху пазней у Мінск на рэспубліканскія курсы ад Полацкай вобласці былі адпраўлены шэсць чалавек. Кандыдатам на навучанне прадпісвалася мець адукацыю не ніжэй за 6 класаў, даведку аб узросце і аб адносінах да вайскавай службы, станоўчую характарыстыку, камандзіроўку, а таксама дзве пары бялізны, прасціну, коўдру і падушку.

Акрамя кадравай праблемы, кіраўніцтва ПРАК павінна было арганізаваць рамонт выдзеленых яму памяшканняў, забяспечыць іх мэбляй і кінаапаратурай, вырашыць пытанні з падачай электраэнергіі і своечасовай пастаўкай кінафільмаў. Нягледзячы на цяжкасці, Дз. Дземідовічу ўдалося наладзіць дэманстрацыю кінафільмаў у горадзе. Пасля гэтага ён змяніў месца працы. У лютым 1945 г. ПРАК узначаліла Я. Дарашкевіч. Да гэтага часу кінатэатрам былі вызначаны эксплуатацыйныя планы. Іх выкананне ацэньвалася па 3-х крытэрыях: колькасці праведзеных кінасеансаў, колькасці гледачоў, якія іх наведалі, і валавым зборам. Аднак у красавіку 1945 г. у сувязі са шматлікімі скаргамі гледачоў на дрэнны стан залы, кінатэатр № 1 быў зачынены на рамонт. Пасада дырэктара скасавана. Рамонт доўжыўся некалькі месяцаў, і працу кінатэатр аднавіў толькі ўвосень. Новым дырэктарам была прызначана Я. Дарашкевіч. Па выніках 1945 г. у гэтым кінатэатры было праведзена амаль 100 кінасеансаў, якія наведалі 7,5 тыс. гледачоў. Валавы збор склаў крыху больш за 50 тыс. руб.

У кінатэатры № 2, які падпарадкаваўся непасрэдна ПРАК, у пачатку жніўня 1945 г., акрамя звычайных, былі праведзены 4 тэматычныя кінасеансы і 4 вечары танцаў у фае. Увесь валавы збор ад гэтых мерапрыемстваў аддадзены на аказанне дапамогі дзецям-сіротам. З моманту адкрыцця кінатэатра і да канца снежня 1945 г. у ім прайшло амаль 350 сеансаў, якія наведалі больш за 60 тыс. гледачоў. Валавы даход склаў 400 тыс. руб. Аднак гэта было менш за 50 % ад эксплуатацыйнага плана на гэты год. Акрамя таго, падчас кінасеансаў у кінатэатры № 2 мелі месца перабоі з падачай электрычнасці і адбываўся неаднаразовы крадзёж кінаапаратуры і, нават, штор (больш за 40 м саржы). Адказнасць за захаванне маёмасці ўскладвалася на прызначанага ў пачатку снежня 1945 г. дырэктара — В. Іванова, а начальнік 1-га аддзялення міліцыі штодня з 18 гадзін павінен быў выдзяляць 2-х дзяжурных міліцыянераў, якія сачылі за парадкам у абодвух кінатэатрах. Але ў студзені 1946 г. кінатэатр № 2 быў зачынены. Прычынамі стала сістэматычнае невыкананне ім эксплуатацыйнага плана і прэтэндаванне на памяшканне кінатэатра ваеннага ведамства. Аднак у выніку кіназала разам з маёмасцю перайшла ў распараджэнне Дома народнай творчасці. Такім чынам, у горадзе з насельніцтвам больш за 15 тыс. чалавек застаўся толькі адзін кінатэатр. Быў прызначаны і яго новы кіраўнік — А. Салдатаў. Сур'ёзным недахопам у працы кінатэатра лічылася адсутнасць якаснай рэкламы. Таму ў лютым 1946 г. у штаце з'явілася пасада мастака. Ім стаў К. Маеўскі, у абавязкі якога ўваходзілі выпуск рэкламы і афіш, падбор месца для іх размяшчэння, мастацкае афармленне кінатэатра. Аднак гэта праблему невыканання кінатэатрам «Радзіма» плана не вырашыла, а прывяло да новай змены дырэктара. Узначаліла кінатэатр Н. Каскевіч. Але ў ліпені 1946 г. яго зноў прыйшлося зачыніць, зараз ужо на капітальны рамонт, у сувязі з пагрозай абвалу стальных перакрыццяў. Каштарыс рамонтных работ склаў 140 тыс. руб. Тады ж было прынята рашэнне аб прыбудове фае да кінатэатра, каштарысны кошт якой — амаль 22 тыс. руб. Да рамонтных работ прыцягнулі 15 ваеннапалонных. Кінасеансы на гэты час пераносіліся ў гарадскі клуб. Быў устаноўлены спецыяльны графік работы: 2 разы на тыдзень — гарклуб, 5 разоў на тыдзень — кінатэатр. Суботні дзень адводзіўся для працы клуба, а нядзельны — для працы кінатэатра. Пры гэтым кіраўніцтвам кінатэатра аплачваліся арэнда памяшкання і абсталяванне (1 % ад валавага збору), а таксама рахункі за электраэнергію. Меркавалася, што рамонтныя работы скончацца да 1 кастрычніка 1946 г., але яны вяліся з вялікім адставаннем ад абазначаных тэрмінаў. Таму да рамонтна дадаткова прыцягваліся і супрацоўнікі кінатэатра. Толькі 7 лістапада 1946 г. у кінатэатры, які афіцыйна атрымаў назву «Радзіма», дэманстрацыя фільмаў была адноўлена. Уначаліў яго Дз. Дземідовіч. Аднак эксплуатацыйны план і на гэты раз выкананы не быў. Па выніках

года ў кінатэатры было праведзена 779 сеансаў (81 %), якія наведалі 99 119 гледачоў (51 %) і валавы збор склаў 490 тыс. 271 руб. (52 %). Дз. Дзямідовіч стаў актыўна ўмацоўваць працоўную дысцыпліну, бо па-ранейшаму мелі месца спазненні супрацоўнікаў на працу ці самавольныя сыходы з яе. У сакавіку 1947 г. загадам дырэктара быў устаноўлены працоўны час – з 16.00 да 1.00 у звычайныя дні, і ў нядзелю – з 14.00 да 1.00. А ў летні перыяд абслугоўваючы персанал павінен быў аказваць дапамогу калгасам ва ўборцы ўраджаю ці будаўніцтве жылля для калгаснікаў.

Яшчэ ў сакавіку 1946 г. ПРАК атрымаў дазвол на аднаўленне будынка даваеннага кінатэатра «Інтэрнацыянал» са зменай архітэктуры галоўнага фасада. Аўтарам аднаўленчага праекта стаў архітэктар М. Глазуноў. Сродкаў для гэтай вялікай працы ў мясцовым бюджэце не хапала. Таму ў пачатку 1947 г. кіраўніцтвам Полацка быў падрыхтаваны ліст да Старшыні Дзяржплана БССР аб неабходнасці аднаўлення кінатэатра «Інтэр-нацыянал» на 600 месцаў да 30-й гадавіны Савецкай Арміі і аб выдзяленні гораду будматэрыялаў. Да ліста прыкладаўся і пералік неабходнага. Падрадныя работы на аснове дагавора выконваў Полацкі аблбудтрэст, які ўзначальваў Ф. Сяргееў. Сума аплаты працы – 541 330 руб. Ажыццявіць работы меркавалася на працягу года – з 5 студзеня па 12 лістапада 1947 г., але будаўніцтва ішло павольна і скончылася толькі ў снежні 1948 г.

Нявырашанасць кадравых пытанняў у Полацку давала аб сабе ведаць на ўсіх узроўнях. Са жніўня 1945 па чэрвень 1946 г. ПРАК узначальваў І. Пілюшэнка. Аднак неўзабаве яго перавялі на пасаду начальніка Шаркаўшчынскага раённага аддзела кінафікацыі. Таму з чэрвеня 1946 г. пасаду начальніка ПРАК займаў В. Іваноў. У кастрычніку 1946 г. з'явіўся новы кіраўнік і ў Полацкім абласным упраўленні кінафікацыі. Ім стаў Я. Кандрацьеў, удзельнік партызанскага руху на Полаччыне ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Галоўная задача, якую ён паставіў перад кіраўніцтвам аддзелаў – кінафікацыя вёскі. Для гэтага неабходныя былі «кінаперасоўкі» – аўтамабілі, абсталяваныя партатыўнай кінаўстаноўкай. Аднак з-за іх адсутнасці гэтую ролю выконвалі конныя павозкі. Маршрут працы такой «кінаперасоўкі» штомесяц зацвярджаўся старшынёй Полацкага раённага выканаўчага камітэта. Ва ўмовах усеагульнай разрухі і фінансавай неплацежаздольнасці насельніцтва выкананне эксплуатацыйнага плана як гарадскім кінатэатрам, так і «кінаперасоўкамі» было практычна немагчымым. Тым больш у вёсцы, ва ўмовах вясенне-асенніх сельскагаспадарчых работ. У гэты час самі калгасы востра мелі патрэбу ў конным транспарце і кіраўнікі гаспадарак не гатовыя былі падаць яго кінамеханіку ў якасці «кінаперасоўкі» [3].

І Полацкае аблупраўленне, і раённы аддзел кінафікацыі пастаянна кантралявалі працу «кінаперасовак». У ходзе такіх праверак выяўляліся парушэнні кінамеханікамі працоўнай дысцыпліны, прысутнасць на кінасеансах «безбілетнікаў» або зусім адсутнасць дэманстрацыі кінафільмаў у заяўленым раней населеным пункце. Аднак з гэтым даводзілася мірыцца, бо кадраў па-ранейшаму не хапала. Невыкананне чарговы раз эксплуатацыйнага плана прывяло да новай змены кіраўніцтва аддзела кінафікацыі. Яго ў лютым 1947 г. узначаліў У. Сяргееў, але і ён праз некалькі месяцаў пакінуў гэтую пасаду па стане здароўя [4]. З мая 1947 па кастрычнік 1951 г. кіраваў ПРАК М. Мацюшэнка. Нягледзячы на цяжкасці, кінасетка выкарыстоўвала ўсе магчымыя для прыцягнення гледачоў. У кінатэатры «Радзіма» перад пачаткам кінасеансаў сталі арганізоўваць музычныя і канцэртна-эстрадныя выступленні, а таксама праводзіць розныя гульні.

Да восені 1947 г. палепшылася праца гарадской «кінаперасоўкі». Атрымалі распаўсюджванне мэтавыя кінасеансы. Яны праводзіліся для арганізацый, якія папярэдне давалі заяўку на ўключэнне іх у план абслугоўвання кінакарцінамі па ўказаных датах. Паслугамі «кінаперасоўкі» карысталіся гаркам партыі, гарсавет, аблбудтрэст, цагельня, лясны тэхнікум, школа ФЗА № 40, дзіцячы прыёмнік МУС, лагер ваеннапалонных № 6 і інш. Але прыбытак ад работы кінатэатра і «кінаперасовак» не дазваляў ПРАК пагасіць запазычанасць перад полацкім аддзяленнем БРК «Галаўкінапракат», падатковымі органамі, органамі сацстрахавання, а таксама па зарплате супрацоўнікам. За неаднаразовае парушэнне тэрмінаў падатковай справаздачы на начальніка ПРАК і галоўнага бухгалтара сістэматычна накладаліся штрафы ў суме 500 і 100 руб. адпаведна. Адной з прычын невыканання эксплуатацыйнага плана была праблема з рамонтам кінаапаратуры. У Полацкай вобласці была адна кінарамонтная майстэрня. А паколькі кінамеханікі ў асноўным не мелі спецыяльнай адукацыі, то і кінаапаратура ў іх часта выходзіла са строю. Найпрасцейшы рамонт самастойна яны зрабіць не маглі,

а майстэрня з вялікім аб'ёмам працы ў кароткі тэрмін не спраўлялася. У ёй таксама не хапала спецыялістаў, а часам і сродкаў на закупку запчастак. Не ўдавалася стварыць і фонд падменнай кінаапаратуры. У 1947 г. на бягучы рамонт кінакамер дадаткова патрабаваліся 3 тыс. руб. Гэтая сума была выдзелена з мясцовага бюджэту.

Складаным для кінафікацыі Полаччыны быў і 1948 г. У красавіку згодна з рэкамендацыямі Міністэрства кінематаграфіі БССР былі зніжаны цэны на білеты. Цяпер яны залежалі не толькі ад катэгорыі кінатэатра, але і ад размяшчэння ў ім месцаў: 1 рад — 18 месцаў — 2 руб., 2–3 рады — 36 месцаў — 3 руб., 4–5 рады — 36 месцаў — 4 руб., 6–10 рады — 90 месцаў — 4.50 руб., астатнія рады — 103 месцы і балкон — 5 руб. Праверкі, праведзеныя ў сувязі з гэтым начальнікам Упраўлення дзярждаходаў Міністэрства фінансаў БССР Т. Кантаровічам і прадстаўнікамі кантрольна-рэвізійнага аддзела Міністэрства фінансаў БССР у кінатэатры «Радзіма», выявілі шэраг парушэнняў: адсутнасць нумарацыі білетаў і дат у іх, а таксама часу кінасеансаў. На праглядах фільмаў прысутнічалі і «безбілетнікі». Часта адны фільмы замяняліся другімі, мелі месца прастоі кінаўстаноўак і інш. У ліпені 1948 г. падчас дэманстрацыі фільма згарэла частка карціны «Рыгалета», страта склала 1800 руб. Рашэннем кіраўніцтва яе вылічвалі з заробку кінамеханіка (па 50 % штомесця). У верасні 1948 г. у кінатэатры прайшла чарговая праверка, якую ўзначаліў намеснік міністра кінематаграфіі БССР. Падчас яе выяўлена наступнае: дапушчана курэнне ў фэе, парушаны правілы пажарнай бяспекі, неналежным чынам захоўваюцца запчасткі да кінаапаратуры, адсутнічае кніга ўліку білетаў, у касе знаходзяцца распіскі аб выдачы грошай супрацоўнікам для асабістых патрэб, парушаны тэрміны здачы грошай у аддзяленне Дзяржбанка. Але, нягледзячы на існуючыя праблемы, кіраўніцтва кінатэатра «Радзіма» шукала новыя формы працы з глядачамі. З восені 1948 г. традыцыйнай становіцца арганізацыя кінафестывалю, прысвечаных памятным датам у гісторыі нашай дзяржавы. У лістападзе 1948 г. прайшоў фестываль, прысвечаны 31-й гадавіне Кастрычніка. Па 4 сеансы ў дзень, на працягу 5 дзён, глядачам былі прадэманстраваны фільмы «Чапаеў», «Ленін у кастрычніку», «Ленін у 1918 годзе», «Чалавек са стрэльбай», «Дзень паветранага флоту». У снежні 1948 г. у рамках кінафестывалю, прысвечанага 30-годдзю ўтварэння БССР, глядачам прадэманстравалі фільмы «Пакаленне пераможцаў», «Ленінград», «Катоўскі», «Вызваленне Савецкай Беларусі». Аднак рэпертуар кінафільмаў заставаўся вузкім. Прычын гэтаму было некалькі: ідэалагічная цензура, вялікія выдаткі на здымкі новых кінафільмаў і інш. Сітуацыю не ратавалі нават «трафейныя» фільмы.

У 1948 г. ПРАК атрымалася часткова вырашыць кадравае пытанне. Яго адміністрацыйны штат складалі начальнік і бухгалтар, а штат вытворчага персаналу — 11 супрацоўнікаў. З іх 2 — працавалі ў гарадской «кінаперасоўцы», 6 — былі ў штаце сельскіх «кінаперасовак». Акрамя гэтага, 3 супрацоўнікі працавалі са стацыянарнай кінаўстаноўкай у в. Белае і 2 — у саўгасе «Палата». У ліпені 1948 г. штат быў павялічаны яшчэ на 2 адзінкі. Пасля правядзення кінасеансаў на вёсцы кінамеханікі прадстаўлялі ПРАК справаздачы аб іх у выглядзе касавых рапартычак, завераных падпісам старшыні калгаса або дырэктара саўгаса.

У канцы 1948 г. істотна палепшылася матэрыяльна-тэхнічная база полацкага кінатэатра «Радзіма». 31 снежня пачаўся пераезд установы культуры ў адбудаваны былы «Інтернацыянал». Але ранейшую назву кінатэатру не вярнулі. У новым будынку былі 2 кіназалы і бібліятэка. Там можна было пачытаць газеты і часопісы, пагуляць у шахматы, шашкі, даміно і нават більярд [5]. Кінатэатр паступова ператвараўся ў цэнтр культуры горада. Быў распрацаваны праект і складзены каштарыс на добраўпарадкаванне яго тэрыторыі. Вылучаемая сума склала 62 тыс. 293 руб. Меркавалася абнесці тэрыторыю цагляным плотам з 2 варотамі і 1 брамкай, разбіць газоны і клумбы, пасадзіць дэкаратыўныя кусты, усталяваць садовыя лаўкі і фантан. Але рэалізаваць гэтыя планы ў поўнай меры не ўдалося. У 1949 г. кіраўніцтва кінатэатра «Радзіма» па-ранейшаму вырашала пытанні кадравага забеспячэння. Цяжучасць персаналу была высокай. Адны супрацоўнікі знаходзілі новыя месцы працы, іншых звальнялі за парушэнне працоўнай дысцыпліны, трэціх — за прафнепрыдатнасць. Эксплуатацыйны план кінатэатрам увесь час не выконваўся і, хоць кіраўніцтва ПРАК прадпрымала спробы ліквідаваць праблемы, якія ўзніклі ў «Радзіме», поспеху яны не мелі.

У 1949 г. праходзіў Усесаюзны агляд на лепшы кінатэатр, сельскую «кінаперасоўку», раённы аддзел кінафікацыі, кінарамонтную майстэрню. У Маскве была створана спецыяльная камісія па кіраўніцтве аглядам. Для адпраўкі заяўкі на ўдзел ПРАК падводзіў папярэднія вынікі працы кінасеткі. Удзельнікамі агляду сталі 6 сельскіх і 1 гарадская «кінаперасоўка», а таксама стацыянарная кінаўстаноўка в. Белае. Лепшыя вынікі па-

казалі сельскія «кінаперасоўкі» на чале з кінамеханікамі М. Карандзеем і В. Шалаем. За 2 месяцы працы М. Карандзеем былі праведзены 59 сеансаў, якія наведалі 3190 глядачоў і валавы збор склаў 7790 руб. В. Шалай правёў 49 сеансаў, якія наведалі 2176 глядачоў і валавы збор склаў 5415 руб. Адзначана была праца і С. Залескага – кінамеханіка гарадской «кінаперасоўкі». Ім праведзены 57 сеансаў (з іх 30 для мэтавай аўдыторыі), якія наведалі 4215 глядачоў, а валавы збор склаў 10 996 руб. [6]. Кінамеханікам і матарыстам, якія з імі працавалі, была абвешчана Падзяка ПРАК.

У лютым 1950 г. начальнікам Полацкага абласнога ўпраўлення кінафікацыі быў прызначаны Р. Львёў. Перад ім стаяла задача пашырыць кінасетку Полацкай вобласці і прыняць рашучыя меры да выканання эксплуатацыйнага плана як гарадскімі кінатэатрамі, так і «кінаперасоўкамі». Пачалася праверка працы аддзелаў кінафікацыі. У жніўні 1950 г. яе прайшоў і ПРАК. У ходзе праверкі аналізаваліся план і рэальныя паказчыкі яго выканання, вывучаліся пытанні разліку з бюджэтам і стан білетнай гаспадаркі. Быў узняты і шэраг праблем: недапастаўка фільмаў абласным аддзяленнем «Галоўкінапракат», выключна афішная форма рэкламы, невыкананне каляндарнага плана «кінаперасоўкамі» з-за адсутнасці транспарту, недастатковы кантроль над продажам квіткаў у «кінаперасоўках» і фінансавыя нястачы ў іх. Па выніках праверкі вырашана было касавыя рапартычкі «кінаперасовак» зацвярджаць цяпер не толькі подпісам і пячаткай кіраўнікоў гаспадарак, дзе дэманстраваліся фільмы, а яшчэ і подпісам фінансавых агентаў пасля праверкі астаткаў квіткаў на адпаведнасць астаткам у запісах спецыяльных кніг. Увесну 1950 г. сельскія «кінаперасоўкі» павінны былі рэгулярна падаваць ПРАК інфармацыю аб праведзенай працы па кінаабслугоўванні насельніцтва ў перыяд вяснова-пасяўной кампаніі. Аднак з-за бездарожжа пастаўленыя задачы вырашаліся не заўсёды. Тым не менш, і ў такіх умовах кінамеханікі знаходзілі магчымасць не толькі выконваць распараджэнні мясцовых органаў улады па кінафікацыі вёскі, але і актыўна ўдзельнічалі ў сацыялістычным саборніцтве. Найбольш паспяховыя з іх пераводзіліся на працу ў Полацкае абласное ўпраўленне кінафікацыі. У 1950 г. сельскія «кінаперасоўкі» правялі 1254 кінасеансы (з іх – 100 дзіцячых). Іх наведалі 66 692 глядачы. Гарадской «кінаперасоўкай» было праведзена 555 кінасеансаў (з іх 53 – дзіцячых), якія наведалі 43 168 глядачоў. Але эксплуатацыйны план пры гэтым зноў выканаць не ўдалося. У студзені 1951 г. ПРАК меў ужо дзесяць «кінаперасовак» і адну грузавую аўтамашыну. Але для іх увесь час не хапала патрэбнай колькасці паліва. Па норме для аўтамабіля вылучалася 1646 літраў бензіну на 10 118 км, а рэальны выдатак складаў 1727 літраў [7], таму па-ранейшаму ў якасці «кінаперасовак» актыўна выкарыстоўваўся конны транспарт.

Пачатак 1950-х гг. – новае выпрабаванне для кіраўніцтва кінатэатра «Радзіма». У аварыйным стане апынулася 1-павярховая прыбудова да яго, дзе размяшчаліся кабінет дырэктара, бухгалтэрыя, пакой мастака і майстэрня, а таксама склад кінарамонтнай майстэрні. Былі складзены дэфектны акт і каштарыс рамонтных работ – больш за 9 тыс. руб. Нягледзячы на гэта, аднаўленчыя работы былі праведзены ў самыя кароткія тэрміны. У пачатку 1951 г. штат кінатэатра «Радзіма» быў пашыраны да 20 чалавек. Узначаліся яго М. Міндалёва. Задача, якая стаяла перад новым кіраўніком, заключалася ў паляпшэнні якасці абслугоўвання наведвальнікаў, пашырэнні рэпертуару і арганізацыі масавых мерапрыемстваў. Пашырэнню рэпертуару кінатэатра садзейнічала тое, што ў пракаце з'явіліся тэатральныя пастаноўкі, запісаныя на плёнку. Такі запіс абыходзіўся дзяржаве значна танней, чым здымкі новага фільма. У кінатэатры «Радзіма» з поспехам ішоў прагляд фільма-спектакля «Ягор Булычоў і іншыя». Але эксплуатацыйны план 1951 г. зноў не быў выкананы (мал. 2).

У кастрычніку 1951 г. ПРАК узначаліў В. Карчомкін. Штат супрацоўнікаў аддзела быў павялічаны да 28 чалавек. У самім аддзеле кінафікацыі працавалі 8: начальнік, бухгалтар, 2 старэйшыя кінамеханікі, 1 кінамеханік, касір, вартаўнік і майстар кінарамонтнага пункта, а ў раёне – 10 кінамеханікаў, 8 матарыстаў і 2 шафёры-матарысты. На нарадах раённага аддзела, абласнога ўпраўлення і пасяджэннях выканкамаў неаднаразова разглядалася пытанне аб неэфектыўнай рабоце кінатэатра «Радзіма» і «кінаперасовак». Узнімалася праблема якасці рамонтна і эксплуатацыйна кінаапаратуры, а таксама павышэння кваліфікацыі кінамеханікаў і матарыстаў. За 1951 г. толькі 2 кінамеханікі атрымалі правы 1-й катэгорыі. Частковым рашэннем праблемы стала арганізацыя ў Полацку кароткатэрміновых курсаў кінамеханікаў, якія праходзілі з 14 па 28 красавіка 1952 г. На вывучэнне тэорыі адводзілася 90 гадзін, на практыку – 60 гадзін [8]. Праца па паляпшэнні кінаабслугоўвання сельскага насельніцтва была ў цэнтры ўвагі ПРАК і ў 1952 г. У гэты час яе ажыццяўлялі 20 сельскіх

кінаўстановак: 2 «аўтаперасоўкі», 3 стаянныя, 7 конных «кінаперасовак». Вынікам працы стала выкананне плана па кінасеансах на 115,4 %, па глядачах — на 110,5 %, па валавым зборы — на 114,8 %. Разам з тым, у працы «кінаперасовак» пры праверках выяўляліся і недахопы: парушэнне графікаў маршрутаў, доўгая адсутнасць кінаабслугоўвання ў асобных населеных пунктах і інш. Таму ў рэальнасці на вёсцы план выконваўся толькі на 60–65 %, астатнюю частку плана кампенсавалі кінаўстаноўкі ў в. Баравуха-1 і Баравуха-2, дзе размяшчаліся воінскія часці [9].

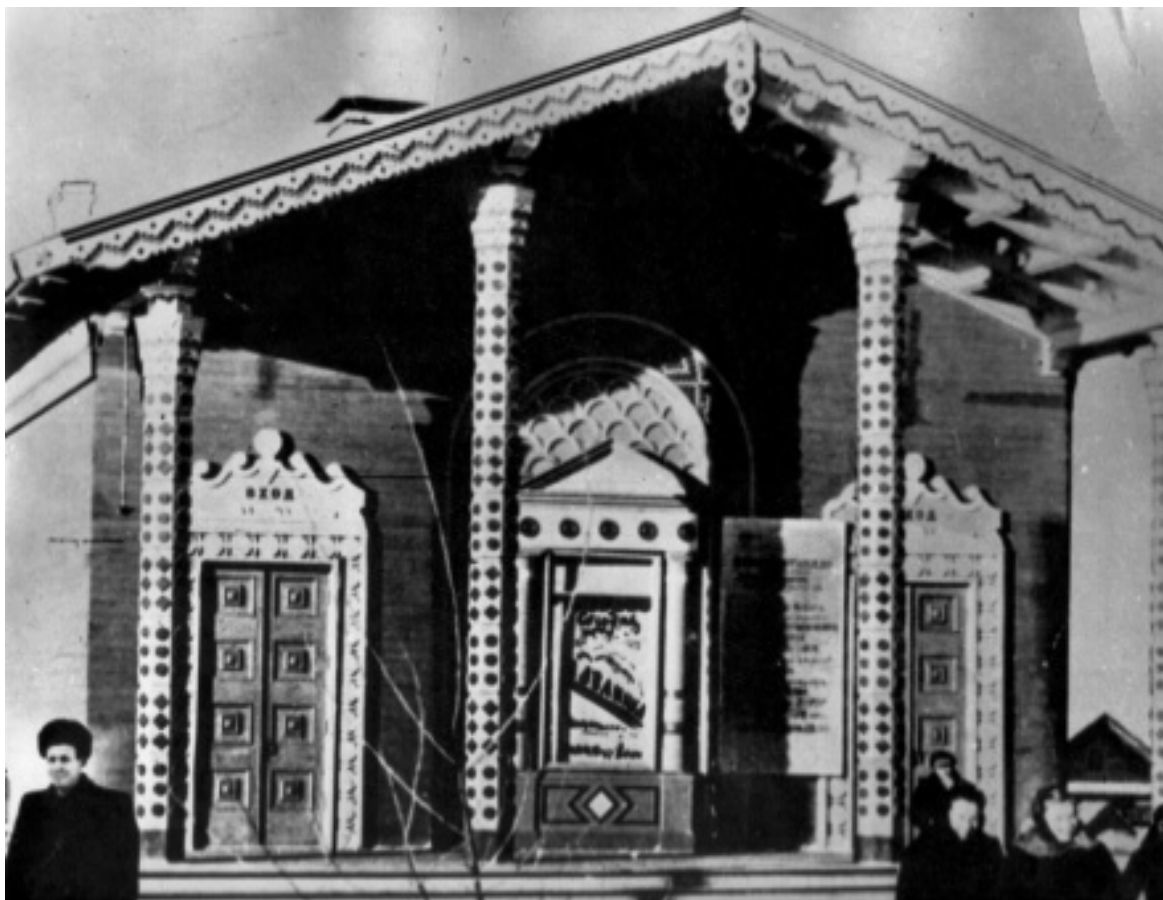
Малюнак 2 — Кінатэатр «Радзіма» ў Полацку. 1950-я гг.

У студзені 1952 г. адбылася вытворчая нарада працоўнага калектыву кінатэатра «Радзіма». Былі ўзняты праблемы, якія перашкаджалі якаснай і эфектыўнай рабоце гэтай установы культуры і ўнесены шэраг прапаноў па паляпшэнні работы кінатэатра. Але ўвасобіць іх у жыццё М. Міндалёвай ужо не ўдалося. У сярэдзіне сакавіка 1952 г. яе вызвалілі ад займаемай пасады, хаця, як высветлілася пазней, па выніках I квартала 1952 г. кінатэатр «Радзіма» стаў лепшым у Полацкай вобласці. Яго кінамеханікам Л. Ушацкаму і З. Вялюга за дасягнутыя поспехі ў сацспарборніцтве была абвешчана Падзяка Полацкага абласнога ўпраўлення кінафікацыі. Новым дырэктарам кінатэатра «Радзіма» ў сакавіку 1952 г. быў прызначаны М. Філімонаў, але ўжо ў верасні яго змяніў Я. Бярковіч.

З ростам колькасці насельніцтва і пашырэннем межаў Полацка і «Радзіма», і «кінаперасоўка» ўжо не задавальнялі патрэбы гараджан у кінамастацтве. Таму на пачатку 1952 г. было прынята рашэнне аб будаўніцтве ў горадзе ў раёне Задзвінне на вул. Красіна драўлянага кінатэатра «Беларусь» плошчай 744 м² па тыпавому праекту архітэктара Г. Сысоева. І ўжо ў снежні 1952 г. кінатэатр быў уведзены ў эксплуатацыю (мал. 3).

Вонкавае аздабленне кінатэатра афармлялася мастацкай выразкай з дошак. На цэнтральнай арцы і фігурных сандрыках (невялікіх прафіляваных карнізах) над уваходнымі дзвярамі размяшчаўся арнамент, двухстворкавыя дзверы атачалі фігурныя ліштвы. Ацяпленне ажыццяўлялася з дапамогай 5 цагляных печаў. Побач з кінатэатрам была пабудавана драўляная каса плошчай 0,32 м². Добраўпарадкаванне тэрыторыі прадугледжвала ўстанаўленне плота і лаваў, пасадку дэкаратыўных дрэў і кустоў. Аднак у поўнай меры яно

праведзена не было. Першапачаткова ўзначаліў кінатэатр Я. Бярковіч. Аднак і тут адразу ж узніклі праблемы з выкананнем эксплуатацыйнага плана, хоць акрамя абавязковых кінасеансаў, кіраўніцтвам кінатэатра былі заключаны дагаворы на кінаабслугоўванне школы медсясцёр, педвучылішча, ляснога тэхнікума, арцеляў «Чырвоны маяк» і «Парыжская Камуна» ды іншых арганізацый.

Малюнак 3 — Кінатэатр «Беларусь» у Полацку. 1950-я гг.

Пытанне аб рабоце кінатэатраў горада заслухоўвалася не толькі на пасяджэннях гарвыканкама, але на сесіях гарсавета. Былі адзначаны такія недахопы, як слабая рэклама на ўскраінах горада, няякасная дэманстрацыя фільмаў, незадавальняючы санітарны стан кіназалаў, слабая дысцыпліна кінамеханікаў, а таксама недастатковая кампетэнтнасць новага рэспубліканскага кіраўніцтва ў пытаннях кінематаграфіі (да гэтага часу замест Міністэрства кінематаграфіі БССР было створана Галоўнае ўпраўленне кінафікацыі і кінапракату Міністэрства культуры БССР). Вырашаць узнятыя праблемы давялося В. Карчомкіну, які з мая 1953 г. быў пераведзены з пасады начальніка ПРАК на пасаду старшага інспектара гарадскога аддзела культуры. Аднак у студзені 1954 г. у сувязі з ліквідацыяй Полацкай вобласці пачалася перабудова мясцовых органаў улады, у тым ліку і аддзела культуры, перад якім цяпер стаялі новыя задачы.

Такім чынам, нягледзячы на пасляваенныя цяжкасці, Полацкаму раённаму аддзелу кінафікацыі ўдалося за кароткія тэрміны не толькі аднавіць кінасетку горада і раёна, але і значна яе пашырыць. У горадзе быў адноўлены будынак даваеннага кінатэатра «Інтэрнацыянал», які атрымаў новую назву — «Радзіма», і пабудаваны новы кінатэатр арыгінальнага дызайну — «Беларусь». Акрамя іх дэманстрацыю фільмаў ажыццяўлялі гарадская і сельская «кінаперасоўкі». Пытанні аднаўлення і развіцця кінасеткі знаходзіліся на пастаянным кантролі Полацкага гарадскога і раённага выканкамаў Саветаў дэпутатаў працоўных. Аднак праблема выканання ў поўным аб'ёме эксплуатацыйнага плана і гарадскімі кінатэатрамі, і «кінаперасоўкамі» яшчэ доўгі час стаяла на парадку дня працы гэтых органаў улады.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку (ЗДАП). — Ф. 686. Воп. 1. С. 16. Арк. 30.
2. ЗДАП. — Ф. 658. Воп. 1. С. 3. Арк. 55.
3. ЗДАП. — Ф. 743. Воп. 1. С. 20. Арк. 158.
4. ЗДАП. — Ф. 1954. Воп. 1. С. 7. Арк. 8.
5. ЗДАП. — Ф. 1061. Воп. 1. С. 11. Арк. 23.
6. ЗДАП. — Ф. 1954. Воп. 1. С. 18. Арк. 3.
7. ЗДАП. — Ф. 1954. Воп. 1. С. 27. Арк. 1.
8. ЗДАП. — Ф. 743. Воп. 1. С. 59. Арк. 50.
9. ЗДАП. — Ф. 2180. Воп. 1. С. 23. Арк. 4.

Трыгорлава Людміла Браніславаўна,
ведучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея —
філіяла НПКМЗ

Л. Б. Трыгорлава

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ
И РАЗВИТИЮ КИНОСЕТИ НА ПОЛОТЧИНЕ В 1944—1954 гг.

Даёцца характарыстыка дзейнасці органаў улады Полотчыны па ўрастанавленню кіносеті пасле асвабоджэння тэрыторыі ад нацысцкіх захватчыкоў, абозначаны праблемы, с якімі суткнулось кіраванства Полоцкага раённага аддэла кінематографіі, а такжэ пугі іх рашэння.

Ключевые слова: кінопроизводство, ПРОК, кінэ, «кінэпэредвжжэ», эсплуатацыйны план.

Трыгорлава Людміла Браніславаўна, вэдугій наугный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПКМЗ.

В. А. Філімонава

ПОЛЬСКАМОЎНЫЯ ВЫДАННІ МІЖВАЕННАГА ПЕРЫЯДУ Ё ФОНДАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА. АГЛЯД КАЛЕКЦЫІ

Разглядаюцца асноўныя асаблівасці бытавання польскамоўнай кнігі на беларускіх землях у міжваенны перыяд (1918–1939 гг.); аналізуецца склад калекцыі выданняў на польскай мове гэтага перыяду ё фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ), звяртаецца ўвага на кнігі катэгорыі беларускі ё складзе названай калекцыі.

Ключавыя словы: гісторыя кнігавыдання, польскамоўная кніга, міжваенны перыяд, беларусіка, кніжная культура, музейныя калекцыі.

У міжваенны перыяд друкаваная прадукцыя на польскай мове працягвае сваё бытаванне на беларускіх землях дзякуючы пэўным гістарычным абставінам. Канец 1910-х – пач. 1920-х гг. прынеслі значныя змены як у грамадска-палітычнае, адміністрацыйнае, так і культурнае становішча Беларусі. У гэты час адбываецца змаганне за вызначэнне далейшага лёсу беларусаў, іх дзяржаўнага ладу. Галоўная характэрная асаблівасць перыяду, важная для раскрыцця тэмы, заключаецца ў падзеле беларускіх земляў умовамі Рыжскай мірнай дамовы 18 сакавіка 1921 г. паміж рознымі краінамі, для якіх была характэрна розная культурная сітуацыя і, адпаведна, выдавецкая палітыка. На тэрыторыі цэнтральнай і ўсходняй Беларусі паспяхова будуюцца нацыянальная дзяржаўнасць; 6 лютага 1921 г. статус дзяржаўных у БССР быў нададзены 4-м мовам, адной з якіх стала польская. Па розных дадзеных, у міжваенны перыяд на тэрыторыі БССР стала пражывала ад 100 да 150 тыс. палякаў [5, s. 115–122], якія маглі быць патэнцыйнымі спажыўцамі польскамоўнай кнігі. Друкаваныя выданні на польскай мове выдзяляліся асобна ў гадавых выдавецкіх планах Белдзяржвыдату, але складалі не больш за 5 % ад усяго аб'ёму друкаванай прадукцыі краіны [1, с. 73]. Аднак па факту з друку выходзіла яшчэ менш. Напрыклад, згодна са статыстычным зборнікам «Друк у Беларускай ССР, 1918–1965» (Мінск, 1967 г.) за ўвесь міжваенны час найбольшая колькасць кніг на польскай мове была выпушчана ў 1935 г.: 41 назва кніг з 1 144 (≈3,5 %) [3, с. 25–29]. А ўжо ў 1937 г. выданне кніг на польскай мове спыняецца [2, с. 220]. У фондах НПГКМЗ выданні на польскай мове, друкаваныя на тэрыторыі БССР не прадстаўленыя.

Іншай была сітуацыя ў Заходняй Беларусі, якая апынулася ў складзе II Рэчы Паспалітай. Афіцыйныя ўлады дзяржавы актыўна прасоўвалі ідэю нацыянальнага і дзяржаўнага адзінства Польшчы, таму заходнебеларускія землі лічыліся тут неад'емнай яе часткай, не мелі аўтаноміі ці асобага статусу. Таму і асаблівасцей кнігавыдавецкай дзейнасці ў параўнанні з такой дзейнасцю на этнічных польскіх землях тут не назіраецца. Вельмі насцярожаныя, а часам варожыя адносіны былі да беларускага нацыянальна-культурнага руху, што адбівалася на друку беларускамоўнай кнігі, але гэта прадмет іншага даследавання. Кнігавыдавецкая прадукцыя, якая распаўсюджвалася на тэрыторыі Заходняй Беларусі, была прадстаўлена ў асноўным польскамоўнымі выданнямі. Так, напрыклад, у 1924 г. яны складалі 80,7 %, у 1925 г. – 84,8 % ад агульнай колькасці назваў надрукаваных кніг [4, с. 278–322]. У адрозненне ад савецкай Беларусі, дзе кнігавыданне было манопалізавана дзяржавай, у Польшчы заставаліся кнігавыдавецкія прадпрыемствы розных форм уласнасці, таму ў міжваенны час тут працягваюць працаваць фірмы і выдаўцы, вядомыя нам па папярэднім перыядзе. Напрыклад, віленская выдавецкая фірма «Юзаф Завадскі», заснаваная ў 1803 г., варшаўскае выдавецтва Гебетнера і Вольфа, вядомае з 1857 г., выдавецтва Міхала Аркта, што працавала ў Варшаве з 1901 г., і інш. З'яўляецца вялікая колькасць новых прыватных выдавецкіх ініцыятыў, напрыклад, друкарня «Lux» у Вільні. Выдаўцамі выступаюць грамадскія арганізацыі і дзяржаўныя ўстановы, такія як Польскае настаўніцкае таварыства ў Вільні, Выдавецкае таварыства ў Варшаве і г. д. Друкаваная прадукцыя названых прадпрыемстваў і арганізацый прадстаўлена ў калекцыі НПГКМЗ.

На сённяшні дзень у фондах НПГКМЗ выяўлена 27 выданняў на польскай мове, што адносяцца да міжваеннага перыяду. Калекцыя прадстаўлена такімі відамі друкаванай прадукцыі, як кнігі, брашуры і ча-

сopісы. Усе яны былі надрукаваны на тэрыторыі ІІ Рэчы Паспалітай, у тым ліку на тэрыторыі Зах. Беларусі як яе часткі. З іх 8 выданняў паходзяць з Варшавы, 4 — з Вільні, 3 — з Гродна, 1 выданне з Кракава. У адрозненне ад папярэдняга перыяду, дзе больш за палову калекцыі складалі кнігі рэлігійнай тэматыкі, у калекцыі выданняў міжваеннага часу 100 % — гэта выданні свецкага зместу. Пераважае педагагічная тэматыка — 17 выданняў: падручнікі для школ і ўніверсітэтаў, метадычныя часопісы для настаўнікаў. Двума выданнямі прадстаўлена мастацкая, грамадска-палітычная і навуковая гістарычная літаратура. І адзінкавымі выданнямі прадстаўлены такія тэмы, як мастацтвазнаўства, фотамастацтва, музейнаўства і медыцына.

Найбольшую цікавасць прадстаўляе беларусіка — група выданняў на розныя тэмы, наўпрост ці ўскосна звязаныя з беларускімі землямі. Сюды адносяцца выданні, друкаваныя на тэрыторыі Беларусі і / або выданні аўтараў-беларусаў, а таксама выданні іншых аўтараў аб Беларусі незалежна ад мовы выданняў. У калекцыі НППГКМЗ мы можам вылучыць 18 выданняў, якія можна аднесці да катэгорыі беларусікі.

Найбольш раннім з іх з'яўляецца брашура «Z niwu białoruskiej», друкаваная ў Кракаве ў 1918 г. Аўтар яе — польскі гісторык літаратуры і мовазнаўца, прафесар Берлінскага ўніверсітэта Аляксандр Брукнер. Ён спецыялізаваўся на вывучэнні славянскіх моў, у тым ліку беларускай. Брашура ўтрымлівае публіцыстычны артыкул, у якім аўтар разважае аб гісторыі, сучаснасці і перспектывах развіцця беларускай мовы і літаратуры. У прыватнасці, транслюе думку аб тым, што беларуская мова, нягледзячы на даўнюю гісторыю, на пачатку XX стагоддзя гэта ў пераважнай большасці мова сялянства, якое «ні чытаць на ёй, ні пісаць не ўмее» і невялікай купкі адукаванай інтэлігенцыі, якая спрабуе вяртаць яе з небыцця. Таксама аўтар разважае над пытаннем, ці змогуць беларусы на злome эпох здабыць сабе палітычную аўтаномію і ці стане беларуская мова яе падмуркам.

Наступнае выданне звязана з імем вядомага беларускага палітыка і грамадскага дзеяча Антона Луцкевіча. Апрача іншага, Антон Луцкевіч актыўна займаўся кнігавыданнем і быў адным з вядучых віленскіх выдаўцоў. Перабраўшыся ў Вільню ў лютым 1920 г., ён разгарнуў тут актыўную культурніцкую дзейнасць, узначаліў шэраг ініцыятыў і арганізацый, такіх як Беларускі Нацыянальны камітэт, Беларускае выдавецкае таварыства, Таварыства Беларускай школы, Беларускае навуковае таварыства і інш. Ён займаўся актыўнай выдавецкай дзейнасцю да 1929 г., асобныя выданні друкаваў да 1933 г. [4, с. 282–287]. У асноўным гэта былі выданні на беларускай мове, але трапляліся і іншыя. Напрыклад, адным з першых выданняў Луцкевіча стаў яго артыкул «Polska okupacja na Białorusi», што пабачыў свет у ліпені 1920 г. у друкарні кааперацыйнага таварыства «Druk». Артыкул выйшаў на беларускай і польскай мовах асобнымі выданнямі ў аднолькавым афармленні. У фондах НППГКМЗ захоўваецца выданне на польскай мове. Тут аўтар прыводзіць свае думкі наконт складзенай палітычнай сітуацыі: у разгары польска-савецкай вайны, палякі прыйшлі на Беларусь як акупанты і зусім не зацікаўленыя ў стварэнні беларускай дзяржаўнасці. Луцкевіч згадвае свае перамовы ў статусе міністра замежных спраў БНР з Юзафам Пілсудскім па гэтым пытанні. Праца мае з аднаго боку выкрывальна-асуджальны характар, раскрывае ваенныя злачынствы польскіх войскаў супраць мірных жыхароў. З іншага — ярка паказвае, як польскія ўлады паступова знішчалі ўсе дасягненні беларускага нацыянальнага руху, у прыватнасці, беларускую школу.

Вылучаецца сваім паліграфічным выкананнем фотаальбом «Wilno w fotografiach J. Bułhaka», друкаваны ў Вільні ў 1924 г. Да выхаду кнігі спрычынілася шмат знакамітых людзей. Па-першае, сам аўтар, Ян Булгак, ураджэнец Наваградчыны, вядомы фотамастак, майстар краязнаўчай мастацкай фатаграфіі, які задаў вектар развіцця фотамастацтва ў рэгіёне. Яго творчасць лічыцца часткай супольнай культурнай спадчыны Беларусі, Літвы і Польшчы. Ён дакументаваў помнікі і пейзажы Заходняй Беларусі, Польшчы, аднак большая частка яго творчасці звязаная з Вільняй і Віленшчынай. Менавіта імпрэсіянісцкія здымкі Вільні і ваколіц прынеслі яму найбольшую папулярнасць. У альбоме змешчана 20 фотаздымкаў гарадскіх краявідаў, экстэр'ераў і інтэр'ераў архітэктурных помнікаў. Афармленнем вокладкі займаўся вядомы віленскі мастак-графік Ежы Хопен. Выдаўцом выступіла варшаўскае выдавецкае таварыства пад кіраўніцтвам Якуба Мартковіча. Друк жа ажыццявіла друкарскае прадпрыемства «LUX» Людвіга Хаміньскага.

Выдавецкае прадпрыемства Людвіга Хаміньскага вядома ў Вільні з 1918 г. Яно спецыялізавалася на выпуску польскай мастацкай літаратуры, фотаальбомаў, а таксама на друку перыёдыкі [6, с. 113–115].

Напрыклад, з 1924 па 1935 г., пакуль друкарня не збанкруцілася з прычыны сусветнага эканамічнага крызісу, тут выходзіў «Dziennik urzędowy Kuratorjum Okręgu Szkolnego Wileńskiego». Часопіс друкаваў афіцыйныя дакументы цэнтральных і мясцовых уладаў, што тычыліся арганізацыі школьнай адукацыі, абвесткі аб вучэбных курсах і курсах павышэння кваліфікацыі для школьных педагогаў, абвесткі аб конкурсах для настаўнікаў і вучняў, разнастайныя метадычныя матэрыялы ў дапамогу настаўніку, а таксама анонсы тэматычных друкаваных выданняў, звесткі аб папаўненні фондаў бібліятэкі Віленскай школьнай акругі. У фондах НПГКМЗ захоўваецца падшыўка з 12 нумароў часопіса за 1933 год.

Таксама ў фондах НПГКМЗ захоўваюцца тры гарадзенскія выданні міжваеннага перыяду. Усе яны надрукаваныя ўстановай пад назвай «Zakłady Graficzne», або «Прадпрыемствы графічных прац». Яны былі заснаваныя ў 1863 г. Уласнікам іх у 30-я гг. XX ст. быў Лазар Мейлахавіч. У склад кампаніі ўваходзілі друкарня, літаграфія, пераплётная майстэрня і словалітня. Спецыялізавалася яна на выпуску дробнай паліграфічнай прадукцыі: візітовак, афіш, брашур. Згодна з дадзенымі «Штогодніка польскай прамысловасці і гандлю» за 1938 г., у 1936 г. на прадпрыемствах было занята ад 25 да 28 рабочых, а гадавы таваразварот склаў 240 тыс. злотых. Праіснавала да 1939 г. [7].

Першае выданне з шэрагу датуецца 1928 г. і гэта праца Юзафа Ядкоўскага «Grodno i okolice w zarysie dziejów Litwy i Rusi nad Niemnem». Юзаф Ядкоўскі – уладжэнец Гродна, археолаг, спрычыніўся да стварэння гісторыка-археалагічнага музея ў Гродна, які ўзначальваў да 1936 г. У міжваенны перыяд ён займаўся археалагічнымі раскопкамі на тэрыторыі Старога Замка, вывучаў княжацкі хорам, Верхнюю і Ніжнюю цэрквы. У названае выданне ўвайшлі самыя раннія ўпамінанні пра Гродна ў пісьмовых крыніцах, звесткі аб паходжанні назвы горада, апісанне мясцовасці і яе засяленне рознымі этнічнымі групамі; пададзены звесткі аб найноўшым вывучэнні археалагічных помнікаў, прыведзены асноўныя знаходкі. Змяняльна, што раскопкі Ядкоўскага невысока ацэньвалі нават яго сучаснікі. У выніку крытыкі ў 1934 г. асобая камісія адхіліла Ядкоўскага ад кіраўніцтва археалагічнымі працамі на Замкавай гары. На яго месца быў прызначаны не менш вядомы археолаг Здзіслаў Дурчэўскі. У фондах захоўваецца яго артыкул «Stary Zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937–1938». Назва выдання дакладна адлюстроўвае яе змест: уступны артыкул распавядае аб гісторыі забудовы Замкавай гары, асноўная частка прысвечана апісання знаходак, як рэштак гарадской забудовы, так і рухомах аб'ектаў матэрыяльнай культуры.

І апошняе выданне з гэтага шэрагу «Sprawozdanie z działalności za lata 1927–1929» гарадскога прыродназнаўчага музея ў Гродна. Музей быў адчынены ў канцы лістапада 1926 г.; фактычна, выданне – гэта справаздача за першыя тры гады працы. Брашура ўтрымлівае артыкулы, прысвечаныя гісторыі стварэння музея, звесткі аб яго ўнутранай структуры і кіраванні, звесткі аб фарміраванні музейных фондаў, спісы ахвярадаўцаў музея, даследаванне музейнай аўдыторыі, а таксама планы на будучыню. Так, напрыклад, на канец 1929 г. асноўны фонд музея складаў 6 829 адзінак захоўвання, самая прадстаўнічая калекцыя – хрушчы – налічвала 2393 прадметаў. У 1929 г. у музеі было праведзена 126 экскурсій, наведвальнікаў – 3 868. Уваходны білет для дарослага каштаваў 50 грошаў, для моладзі і вайскоўцаў – 10 грошаў. Экскурсіі для арганізаваных груп праводзіліся бясплатна.

Усе названыя выданні бытавалі на тэрыторыі заходняй і цэнтральнай Беларусі, пра што сведчаць уладальніцкія штампы і надпісы. Так, напрыклад, у кнізе Браніслава Каскоўскага «Receptura, czyli prawidłę przepisywania i przyrządzania leków» знаходзім штамп аптэкі М. Вайнберга ў мястэчку Лужкі (зараз – Шаркаўшчынскі раён Віцебскай вобласці). У падшыўцы часопіса «Dziennik urzędowy Kuratorjum Okręgu Szkolnego Wileńskiego» можна ўбачыць штамп бібліятэкі школьнага інспектара Гарадзенскага павета (за польскім часам Гродна – цэнтр павета Беластоцкага ваяводства). Кніга W. M. Frycze «O społecznem znaczeniu sztuk pięknych» мае штамп бібліятэкі Менскага беларускага педвучылішча. Сустрэкаюцца штампы рэкламнага характару. Так, напрыклад, у кнізе «Z naszej przeszłości. Podręcznik do nauki historii» на адвароце пярэдняй пакрыўкі стаіць штамп з тэкстам «Dobre książki znajdziesz zawsze w Księgarni św. Wojciecha Wilno».

Навуковыя апісанні прадметаў калекцыі будуць змешчаны ў тэматычным каталогу «Польскамоўныя выданні міжваеннага перыяду ў фондах НПГКМЗ», праца над якім працягваецца ў 2022 г.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Волк, А. Книгоиздательское дело в Белоруссии / А. Волк, А. Ракович. — Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1977. — 278 с.
2. Гісторыя беларускай кнігі : у 2-х т. Т. 2. Кніжнасць новай Беларусі (XIX—XXI стст.) / М. В. Нікалаеў [і інш.] ; навук. рэд.: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў. — Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. — 436 с.
3. Друк Беларускай ССР, 1918—1965 : стат. матэрыялы (да 50-годдзя Вялікага Кастрычніка) / Дзяржаўная бібліятэка БССР імя У. І. Леніна, Кніжная палата БССР. — Мінск : Кніжная палата БССР, 1967. — 91 с.
4. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2006. — 877 с.
5. Biały, A. Mniejszość polska na Białorusi Sowieckiej w latach 1921—1939 / A. Biały. — Przasnysz : Towarzystwo Przyjaciół Ziemi Przasnyskiej, 2018. — 839 s.
6. Ilgiewicz, H. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930—1939) / H. Ilgiewicz. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar Sp., 2019. — S. 113—115.
7. Mejlachowicz, L. Zakłady Graficzne w Grodnie / Muzeum Historii Żydów Polskich POLIN [Electronic resource]. — Mode of access: <https://sztetl.org.pl/pl/miejscowosci/g/1057-grodno/103-handel-przemysl-uslugi/182587-mejlachowicz-l-zaklady-graficzne-w-grodnie>. — Date of access: 11.01.2022.

Філімонава Вольга Аляксандраўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НПГКМЗ

О. А. Филимонова

ИЗДАНИЯ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ
В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.
ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ

Рассматриваются основные особенности бытования книги на польском языке на белорусских землях в межвоенный период (1918—1939 гг.); анализируется состав коллекции изданий на польском языке этого периода в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (НПИКМЗ), обращается внимание на книги категории беларусики в составе названной коллекции.

Ключевые слова: история книгоиздания, книга на польском языке, межвоенный период, беларусика, книжная культура, музейные коллекции.

Филимонова Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник Музея белорусского книгопечатания — филиала НПИКМЗ.

П. А. Шкляр

РАЗВИТИЕ ЛЬНОВОДЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ПОЛОЦКОМ ОКРУГЕ В 1924—1938 гг.

Предпринята попытка анализа состояния льноводства в одном из регионов БССР — Полоцком округе. Льноводство в изучаемый период развивалось медленно, в отличие от других отраслей сельского хозяйства, так как первичная обработка льна базировалась преимущественно на ручном труде крестьян. Во второй половине 1930-х гг. начинается строительство льнозаводов, которые ускорили развитие льноводческой отрасли.

Ключевые слова: льноводство, Полоцкий округ, сельское хозяйство, льнозавод.

На белорусской земле лён выращивался с давних времён.

В дореволюционный период выращивание льна основывалось на ручном труде и примитивной агротехнике. Льноводство являлось отсталой отраслью, базирующейся на натуральном крестьянском хозяйстве. В начале XX в. выращиванием и обработкой льна занимались, в основном, жители северо-восточных регионов современной Беларуси. И только в годы советской власти льноводство стали рассматривать как перспективную отрасль сельского хозяйства [11, с. 14].

В статье предпринята попытка на основе архивных материалов и научной литературы проанализировать состояние льноводства в одном из регионов БССР — Полоцком округе (в данной статье Полоцкий округ обозначен в границах с 1924 по 1930 гг.) — на примерах деятельности Полоцкой льняной базы Белгостекстильобъединения, Дриссенской льняной базы Белгостекстильобъединения, Борковичского двутурбинного льнозавода № 10 и Бигосовского однитурбинного льняного завода № 15.

Первая мировая и гражданская войны подорвали состояние льноводства как в целом на территории Беларуси, так и в Полоцком округе. В начале 1920-х гг. сбор льноволокна увеличивался не в результате роста урожайности, а за счёт расширения посевных площадей по всей стране. Производство льна в промышленных масштабах постепенно стало возрождаться благодаря системе мер экономического стимулирования со стороны государства в период НЭПа (1921—1929 гг.). В это время, преодолев последствия неурожая 1921 г., в стране восстанавливается индустрия, начинается подъём сельского хозяйства, в том числе и льноводства.

Несмотря на возрастание интереса к производству льна, в середине 1920-х гг. и вплоть до конца 1930-х гг. льноводство по-прежнему развивалось в условиях индивидуальных крестьянских середняцких хозяйств, в которых применялась устаревшая техника, была низкая производительность труда, но которые оставались основными производителями льна. В таких условиях развитие льноводства проходило очень медленными темпами.

Чтобы изменить ситуацию в льноводческой отрасли БССР, в том числе и Полоцком округе, в 1925 г. вдвое был снижен налог на земли, занятые под лён, по сравнению с периодом до 1914 г. были повышены закупочные цены на льнопродукцию, для крестьянских хозяйств была проведена встречная продажа по сниженным ценам промышленных товаров, зерна, растительного масла и жмыха. Многие из принятых мер в последующем были сохранены и для коллективных хозяйств [12, с. 78].

Во второй половине 1920-х гг. в БССР быстрыми темпами стали наращивать посевные площади под лён. Но увеличение посевных площадей проводилось без учёта научных требований, в частности, не учитывались особенности земель, отведённых под лён, не сохранялось процентное соотношение льна и других культур, что не могло не сказаться не только на урожайности льна, но и на организации льноводческой отрасли в целом [13, с. 35].

В начале 1930-х гг. был осуществлён переход от ручной первичной обработки льна к машинной. Первыми льнообрабатывающими заводами в стране стали Дриссенский и Лиозненский (1928—1929 гг.) [9, с. 68]. В этот период в Полоцком округе, как и по всей стране, активно строятся льнозаводы. В БССР в конце 1930-х гг. было построено 68 льнозаводов, 7 из них — на территории Полоцкого округа [7, лл. 9—10]). Льнозаводы занимались выработкой и реализацией длинного и короткого льноволокна для местных текстильных фабрик и на экспорт, изготовлением строительной пакли. Заводы, в основном, имели небольшой штат сотрудников, например, Борковичский завод — 136 человек, Бигосовский завод — 25 человек, и только часть из

них имела профессиональное образование и могла работать на специальном оборудовании, а в случаях поломки — обслуживать его. Согласно библиографическому источнику, в 1936 г. в БССР в льняной промышленности было занято 4014 человек, из них только 78 — с инженерно-техническим образованием [14, с. 194]. Почти на каждом заводе Полоцкого округа в кадровом составе был всего один технический руководитель и один механик (и/или старший сортировщик продукции) с инженерно-техническим разрядом, что свидетельствует о недостатке специалистов с профессиональным образованием.

Однако открытие заводов не улучшило состояние льняной промышленности в БССР. До 1934 г. заводы не имели мочильных цехов, что значительно замедляло процесс обработки сырья. Первичная обработка тресты в колхозах и единоличных хозяйствах по-прежнему проводилась вручную, что существенно снижало качество сырья и вело к большим производственным потерям. В 1934 г. были выпущены и переданы колхозам и МТС первые образцы льнотрепальных машин типа КЛТ-ВНИИЛ-А (Антонова), а с 1936 г. — льнотрепальная машина ВНИИЛ-С (Сергеева) [13, с. 10].

На протяжении второй половины 1920-х — первой половины 1930-х гг. в Полоцком округе постоянно происходили срывы сдачи полученного льноволокна, что влекло за собой невыполнение экспортного плана и плана обеспечения промышленности необходимым количеством волокна и кудели. В связи с этим заводам было предложено форсировать темпы сдачи волокна на базисные склады промышленности, а виновных в невыполнении планов привлекать к уголовной ответственности [8, л. 40]. О срывах выполнения производственного плана в Полоцком округе свидетельствуют архивные документы 1932 г. По Бигосовскому льнозаводу: «...выполнение [производственного плана] в процентном отношении — 63 %. Причины невыполнения промфинплана [в том], что машины не приспособлены для переработки ильносоломы...» [5, л. 3]. В протоколе производственно-механического совещания от 3 февраля 1933 г. один из сотрудников Борковичского льнозавода отмечал, что «...большим местом в работе завода является неудовлетворительная работа машин, что приводит к малому проценту выхода волокна и к большим простоям, что в целом приводит к невыполнению плана...» [1, л. 5]. Сложная ситуация была вызвана отсутствием четкой организации труда и низкой дисциплиной на льнозаводах Полоцкого округа. Например, на Бигосовском льнозаводе укладка тресты в скирды производилась неудовлетворительно, готовая продукция содержалась в непригодных для хранения условиях, сушка льна в сушилке проводилась с нарушением технологии, не было порядка и на территории завода и т. д. [5, л. 3]. Такие же недочеты часто упоминаются в книгах приказов по деятельности других заводов Полоцкого округа.

В связи с неурожаем сельскохозяйственной продукции в 1932 г. и недостаточной организацией всей льноводческой отрасли, увеличение площадей под посевы льна было прекращено, вместо этого были намечены мероприятия по введению севооборотов. В результате урожайность льна к концу 1930-х гг. составила 1,3 ц / га, а валовой сбор льняного волокна — 36,5 тыс. т [9, с. 66]. Росту урожайности льна также способствовали такие факторы, как своевременное проведение большинства работ с применением тракторной тяги, механизация теребления и мяльно-трепальных работ, замена бессортных семян льна селекционными, применение минеральных удобрений и др. Благодаря проводимым мероприятиям, уже в январе 1933 г. заводы Полоцкого округа превысили показатели по выполнению плана производимой продукции в среднем на 30–40 % (таблица 1) [7, л. 9].

Таблица 1 — Выполнение плана выработки продукции по льнозаводам Полоцкого округа в январе 1933 г. (в тоннах)

Название завода	Длинное волокно		Турбинные отходы (луб-кудель)		Кудель		Всего	
	План	Выполнено	План	Выполнено	План	Выполнено	План	Выполнено
Дриссенский	99	77	297	409	210	97	606	853
Борковичский	71	37	132	309	84	95	287	441
Бигосовский	10	—	41	—	16	143,8	67	143,8

Несмотря на рост количественных показателей, качество льнопродукции в предвоенные годы было невысоким. Если в 1928—1929 гг. в среднем волокно соответствовало № 12 и выше, т. е. было хорошего качества, то в период с 1930 по 1941 г. качество волокна не превышало № 8,0—9,0 [12, с. 79]. Об этом упоминается и в отчётах льнобаз Полоцкого округа: «...при первых отгрузках льноволокна с наших баз на фабрику „Двина“ имел место случай, когда лён, поступивший на фабрику, с нашей Лиозненской базы оказывался со значительными дефектами, при чём в 10, № 12 не хватало целого номера, а № 8 снижен на пол номера...» [8, л. 27].

В отчётах Полоцкой льняной базы и заводов Полоцкого округа 1930-х гг. регулярно отмечается, что производимая на льнозаводах продукция (кудель и волокно) поступает на фабрики в неудовлетворительном состоянии: волокно мокрое или подгнившее, кудель не отсортирована в соответствии с номерами, волокно некачественно вычесано и т. д. Льнобазы Полоцкого округа (Дриссенская льнобаза) халатно относились к отгрузке льноволокна и не проверяли тщательно сырьё. Для улучшения качества вычесанного волокна была введена ручная обработка тресты длинного волокна.

В качестве поощрения рабочих бригад и колхозников, которые качественно выполняли вычёсывание волокна, льнозаводы Полоцкого округа получали от вышестоящих организаций хлеб и другие продукты. В 1933 г. для премирования сотрудников льноводческой отрасли Полоцкого округа было выдано 600 т хлеба, 2 вагона макухи (жмыха), 1 цистерна масла и промтоваров на 10 тыс. руб. [4, л. 6].

Льнобазы не всегда могли обеспечить необходимое хранение уже готового льняного волокна. Так, руководству Дриссенской льнобазы было необходимо «...в связи с наступающей весной и таянием снега [...] без всякой задержки принять все возможные меры для уклонения от подхода воды к складам льнобазы и подмочки льна...» Для этого необходимо было «...убрать снег возле баз и делать канавы, где это нужно, чтобы не дать воде скапливаться возле баз...» [8, л. 145].

Гораздо хуже обстояло дело в льноводческой отрасли в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.). Одной из главных причин кризиса в производстве льна были низкие заготовительные цены, в том числе и в Полоцком округе. Они по-прежнему оставались ниже затрат на производство. Ниже приведены заготовительные цены на лён, кудель, льняную тресту в 1931 г. (таблица 2) [6, л. 62].

Таблица 2 — Заготовительные цены на лён в Полоцком округе в 1931 г. (цена в копейках за кг)

Моченец				Стланец VII гр.		Кудель III гр.		
III группа		IV группа		Ср. №	Цена	Сорт	Ср. №	Цена
Ср. №	Цена	Ср. №	Цена					
—	—	—	—	18	88 к.	Ф.	16	65 к.
17	86 к.	15	81 к.	16	85 к.	—	14	61 к.
14	75 к.	13	72 к.	14	76 к.	П.	12	56 к.
12	68 к.	11	65 к.	12	68 к.	В.	10	51 к.
10	58 к.	9	56 к.	10	58 к.	Т.	8	43 к.
8	49 к.	7	47 к.	8	49 к.	Ч.	6	35 к.
6	39 к.	5	35 к.	6	39 к.	Брак	4	29 к.
4	30 к.	3	26 к.	4	30 к.	—	—	—

Нужно учитывать, что затраты труда в льноводстве были значительно выше, чем в других отраслях сельского хозяйства. Сев, уборка урожая и молотба зерновых в эти годы усиленно механизировались, а в льноводстве по-прежнему преобладал ручной труд. Убыточность этой культуры тормозила развитие всей сельскохозяйственной отрасли.

Необходимо отметить, что на протяжении 1930-х гг. часть льняного волокна, полученного в Полоцком округе, шла на экспорт в страны Европы. Об этом свидетельствует наличие сети баз Экспортльна на территории БССР, которые стали появляться в 1930-е гг. В Полоцком округе находилось 4 из 14 баз, построенных в Орше, Россонах, Городке и Сиротино. К Полоцкой льнобазе в 1930-е гг. было прикреплено два района: Полоцкий и Ушачский [3, л. 1]. Кроме того, в 1931 г. в Дриссе, Полоцке и Россонах были расположены склады Белотекстильобъединения [2, л. 1—2]. В годы первой пятилетки (1928—1932 гг.) из БССР экспортировалось в сред-

нем по 40–80 тыс. *т* льноволокна. Согласно квартальному плану 1931 г., Полоцкая льнобаза должна была экспортировать 1325 *т* всех видов льнозаготовок, однако в марте 1932 г. было сдано всего 10 *т* льна-стланца, 10 *т* льна-моченца, кудели — 5 *т* [4, л. 18], что свидетельствует о постепенном уменьшении количества заготовок льна, которое продолжилось и во второй половине 1930-х гг. Экспорт волокна из страны в 1938 г. составил только 16 тыс. *т* [10, с. 100].

Таким образом, Полоцкий округ в 1924–1938-м гг. имел важное значение в развитии льноводческой отрасли БССР, что было обусловлено концентрацией здесь значительного количества льнообрабатывающих заводов и льнобаз, которые поставляли продукцию текстильным фабрикам СССР и за рубеж. В развитии льноводческой отрасли в Полоцком округе наблюдались те же тенденции, что и в БССР: преобладание в льноводстве крестьянских хозяйств на протяжении всего изучаемого периода, ухудшение качества льноволокна в 1930-е гг., связанное с неправильным распределением посевных площадей и отсутствием необходимых машин для обработки сырья, халатность на рабочих местах, недостаточная механизация отрасли и, соответственно, низкая производительность труда, неэффективное использование достижений сельскохозяйственных наук. Вышеперечисленные причины, а также нехватка сырья и низкое качество производимой продукции привели к сокращению экспорта льна и пеньки на мировой рынок, что негативно отразилось на экономике страны [13, с. 3]. Количество заготовок льна стало сокращаться, закупочные цены на лён оставались низкими, что привело к снижению заинтересованности крестьян-единоличников и колхозников в заготовке льна. Результатом стал простой в работе заводов Полоцкого округа и их закрытие во второй половине 1930-х годов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зональний державний архів г. Полоцка (далеє — ЗГАПол). — Ф. 316. Оп. 1. Д. 19.
2. ЗГАПол. — Ф. 319. Оп. 1. Д. 1.
3. ЗГАПол. — Ф. 319. Оп. 1. Д. 3.
4. ЗГАПол. — Ф. 319. Оп. 1. Д. 4.
5. ЗГАПол. — Ф. 315. Оп. 1. Д. 35.
6. ЗГАПол. — Ф. 315. Оп. 1. Д. 39.
7. ЗГАПол. — Ф. 316. Оп. 1. Д. 21.
8. ЗГАПол. — Ф. 317. Оп. 1. Д. 5.
9. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / Акадэмія навук БССР, Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі. — Мінск, 1972. — Т. 5. — 616 с.
10. Землянский, М. О. История льняной промышленности России / М. О. Землянский // Инновации и инвестиции. — 2013. — № 2. — С. 98–101.
11. Лён : энцкл. / сост. Л. В. Ловчая ; под общ. ред. И. А. Голуба ; худож. В. В. Котович. — Минск : Беларус. Энцykl. імя П. Броўкі, 2009. — 168 с. : ил.
12. Карпов, В. А. Исторические организационно-экономические аспекты формирования льняного подкомплекса / В. А. Карпов // Проблемы экономики : сб. науч. тр. — Горки, 2005–2007. — Вып. 5 — С. 75–84.
13. Льноводство / отв. ред. А. Р. Рогаш. — М. : Колос, 1967. — 583 с.
14. Основные производственные показатели в 1936 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/23157/trud_1936_len.pdf. — Дата доступа: 27.03.2022.

Шкляр Полина Андреевна,

магистр исторических наук,

старший научный сотрудник Музея традиционного ручного ткачества Поозерья — филиала НПИКМЗ